Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым Комитеті

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ. ДЕРЕКТЕР МЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

Басылымның негізін 2012 жылы
профессор З. Самашев қалады

XVI ТОМ

Алматы, 2023

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:
Ж. ҚҰРМАНҚҰЛОВ, М. ЕЛЕУОВ, М. ТҰЯҚБАЕВ,
З. САМАШЕВ (ТӨРАҒА),
А. ОҢҒАР (ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:
Е.Ш. АҚЫМБЕК, Ғ.А. БАЗАРБАЕВА,
Г.С. ЖҰМАБЕКОВА, Т.Б.МАМИРОВ,
Ә.М. МАНАПОВА

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки

Институт археологии им. А.Х. Маргулана

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Издание основано в 2012 году
профессором З. Самашевым

XVI ТОМ

Алматы, 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Ж. КУРМАНКУЛОВ, М. ЕЛЕУОВ, М. ТУЯКБАЕВ,
З. САМАШЕВ (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ),
А. ОНГАР (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Е.Ш. АКЫМБЕК, Г.А. БАЗАРБАЕВА,
Г.С. ДЖУМАБЕКОВА, Т.Б. МАМИРОВ,
А.М. МАНАПОВА

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

М.Д. Қалменов

ҮСТІРТ ПЕН МАҢҒЫСТАУДЫҢ КЕРУЕН ЖОЛДАРЫ БОЙЫНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІ (X–XIV ғғ.)

Алматы, 2023

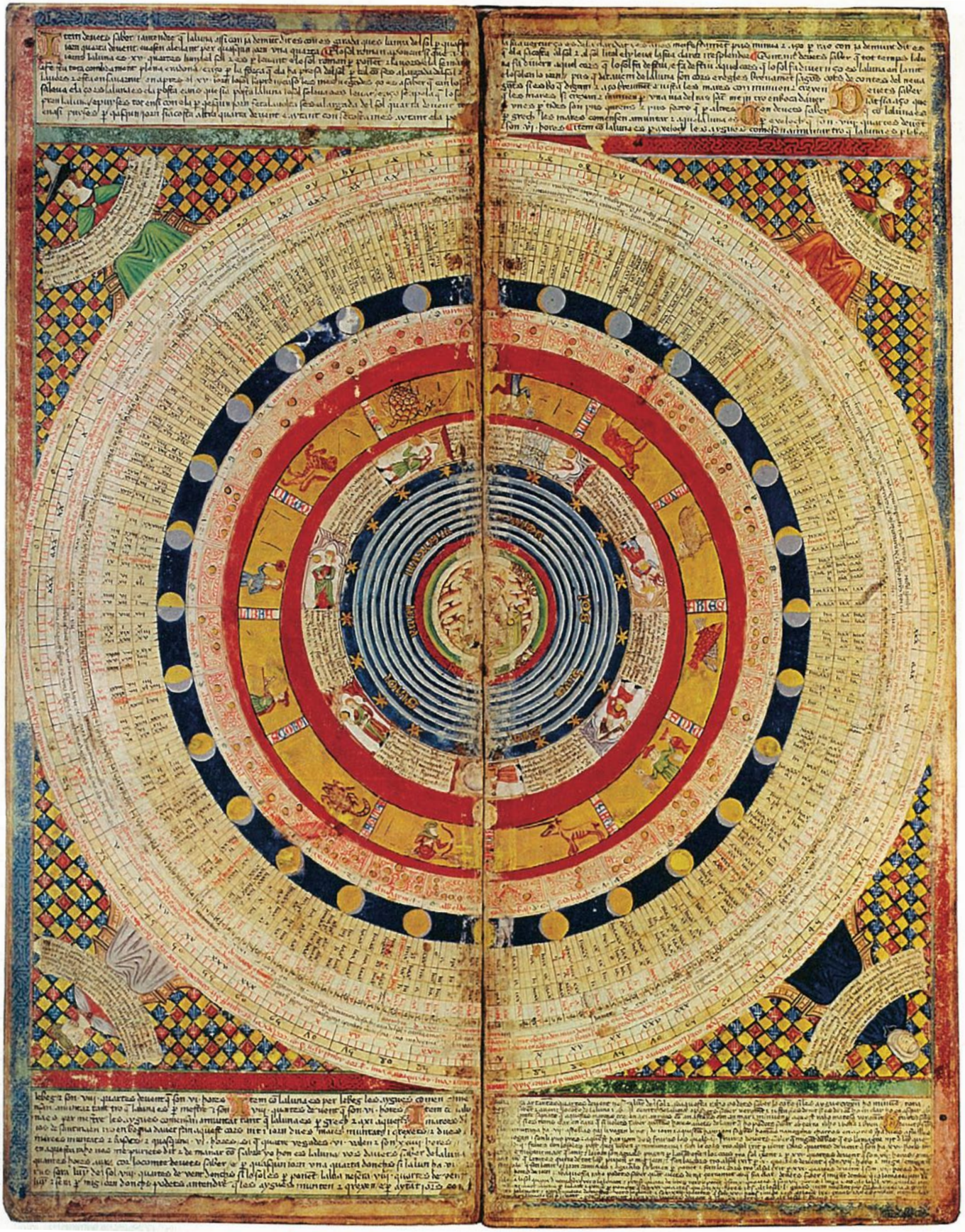
Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки

Институт археологии имени А.Х. Маргулана

М.Д. Калменов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ НА КАРАВАННЫХ ПУТЯХ (X–XIV вв.)

Алматы, 2023



Каталонский атлас 1375 г. (ms. Espagnol 30, panel 2.) Paris. Bibliotheque Nationale

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5Каз)
К17

Книга подготовлена и издана в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ИРН проекта BR11765630

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Рецензенты: д.и.н. М.Б. Кожа
к.и.н. А.А. Бисембаев

Калменов М.Д. Средневековые памятники Устюрта и Мангистау на караванных путях. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XVI. – Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2023. – 168 с.

ISBN 978-601-7106-80-5

Представленная монография посвящена анализу археологических памятников плато Устюрта и полуострова Мангистау в эпоху средневековья. Дается характеристика средневековых памятников Устюрта и Мангистау, в числе которых фигурирует ряд до сегодняшнего времени неизвестных памятников. Были проанализированы предметы материальной культуры, дается подробное изучение керамического материала и других предметов. В заключительной части описаны основные этапы возникновения и развития городов Устюрта и Мангистау, а также их роль и место в средневековой международной торговле. Изучаются этапы их развития и, что очень важно, рассматривается роль и место региона в общей международной торговле, так как без этого не может быть понимания торговых процессов, существовавших в эпоху средневековья.

Книга рассчитана на специалистов археологов, историков, преподавателей, студентов, магистрантов, докторантов, всех, кто интересуется историей.

УДК 902/904 (574)
ББК 63.4 (5Каз)

ISBN 978-601-7106-80-5

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023
© Калменов М.Д., 2023

Каталонский атлас 1375 г. (ms. Espagnol 30, panel 5.)
Paris. Bibliotheque Nationale

СОДЕРЖАНИЕ

Алғы сөз..... 12

От автора..... 16

Введение……..... 20

Глава 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ……..... 27

1.1. История исследования памятников Устюрта и Мангистау……..... 27

1.2. Обзор письменных источников ……..... 32

Глава 2. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ……..... 39

2.1. Природно-географическая характеристика региона……..... 39

2.2. Характеристика основных памятников: городища, караван-сараи……..... 43

2.3. Крепости-убежища и араны – стреловидные планировки……..... 76

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОСЕЛЕНИЙ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ..... 112

3.1. Керамическое производство и продукция гончаров..... 112

3.2. Предметы быта и одежды..... 126

Глава 4. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДОВ НА КАРАВАННЫХ ПУТЯХ В СРЕДНИЕ ВЕКА..... 126

4.1. Основные этапы возникновения и развития городов Устюрта и Мангистау..... 126

4.2. Роль и место Устюрта и Мангистау в средневековой международной торговле..... 133

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 136

Список источников. Научные отчеты..... 142

Список сокращений..... 150

ТҮЙІН..... 152

SUMMARY..... 160

АЛҒЫ СӨЗ

Ежелгі және орта ғасырларда Еуразияның орталығында орналасқан Қазақстан аумағы арқылы Шығыс Азия мен Батыс Еуропа елдері аралығында сауда жасаушы көпестердің керуендері өткендігі белгілі. Керуен жолдарының бойында сауда байланыстары ғана емес, тауарлармен бірге ғылым мен білім, дін мен мәдениет бірге келіп, әртүрлі мәдениеттердің ықпалдастығы болды. Ертеден қалыптасқан елді-мекендерде арнайы сауда орындары пайда болып, құрылыстар жанданып, әртүрлі зәулім ғимараттар бой көтерді. Қалалардың дамуымен қатар, бір-екі күндік жол бойында керуен сарайлар салынып, онда саудагерлер аялдап, тауарларын саудалады.

Қоныстар мен қалалар ұлан-байтақ аумаққа иелік еткен ерте ортағасырлық Түрік, Батыс Түрік, Түргеш, Қарлұқ қағанаттары мен Қарахан, Оғыз, Қимақ, Қыпшақ мемлекеттері тұсында дамыды. Қалалардың бірқатары Шыңғыс хан шапқыншылығынан кейінгі Жошы, Шағатай, Үгедей ұлыстары кезінде де өмір сүруін тоқтатпады.

Қазақстанның барлық аймағында қалалық мәдениет бір уақытта пайда болып, дамымағандығы анық. Дегенмен, орта ғасырда Қазақстанның бірқатар бөлігінде қалалардың саны артып өсті. Әсіресе, X–XII ғғ. қазақ жерінің шығысы мен батысында сауда қатынасы бойынша күре жолдар тұрақты түрде қызмет етіп, керуен сарайлар көбейді.

Осы уақытта Қазақстанның батыс аймағындағы Маңғыстау түбегі және Үстірт жазығымен керуен жолдар өтіп, керуен сарайлар мен қалалар бой көтерді. Бүгінгі күнге дейін аталған аймақтың орта ғасырға жататын қалалары мен қоныстары туралы жинақталған еңбектер жоқтың қасы болып келді. Тек соңғы онжылдықтарда бірқатар ескерткіштер есепке алынып, ғылыми айналымға енгізіліп, жекелеген қалаларға қазба жұмыстары жүргізілді. Сондықтан «Қазақстан археологиясы. Деректер мен зерттеулер» сериялық басылымының он алтыншы шығарылымы X–XIV ғғ. аралығына жататын Үстірт пен Маңғыстаудың керуен жолдары бойындағы ортағасырлық ескерткіштерді жинақтап, жарыққа шығаруға арналып отыр. Кітап авторы М.Д. Қалменов осы аймақта орналасқан ортағасырлық ескерткіштерге белсенді ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізіп, материалдарын жинақтаған.

Үстірт жазығы мен Маңғыстау түбегінде табиғаттың қаталдығына қатысты ғылыми-зерттеу жұмыстарын ұйымдастырудың күрделілігі және онда орта ғасырға жататын археологиялық ескерткіштердің сирек екендігі туралы пікірлердің қалыптасуына байланысты кейінгі уақыттарға дейін археологиялық жағынан зерттелмеген аймақ болып есептеліп келген болатын.

Кітап авторы соңғы отыз жыл ішінде жүргізілген археологиялық зерттеулерінің нәтижелерін және өзі тікелей далалық зерттеу жұмыстарына қатысу барысында алынған материалдарды жинақтап, аймақтағы ортағасырлық ескерткіштерге жүйелі археологиялық сипаттама береді. Бұрын белгісіз болып келген ескерткіштерді айналымға енгізіп, ескерткіштердің хронологиялық классификациясын жасайды. Ескерткіштердің материалдық мәдениетін талдап, қыш материалдары мен басқа да заттарын зерттейді.

АЛҒЫ СӨЗ

Автор Үстірт жазығы мен Маңғыстау түбегіндегі ескерткіштер туралы археологиялық материалдар мен жазба деректерді қарастыра отырып, X ғ. аймаққа оғыз тайпалары билік еткен кезде қалалар, қамалдар мен шағын бекіністер оғыздардың Хорезмдіктермен қақтығысы кезінде пайда болуы мүмкін деп жазады. Қалалар мен керуен сарайларды зерттей келе, олар шамамен бір уақыттарда, ал сауда жолдары олардың құрылысынан айтарлықтай бұрын болғандығын айтады.

Сауда керуендері Хорезм жерінен шығып, қазылған құдықтар арқылы Үстірт пен Маңғыстаудың шөлді кеңістігін кесіп өтіп, Каспий теңізінің жағасына жетіп, тауарларды кемелерге артып, Еуропаға, сонымен бірге тауарлар осы жолмен кері Азияға жеткізілген. Уақытша сауда орындары Каспий теңізі жағасында да болған. Сауда байланыстарының дамуында X–XI ғғ. Маңғыстау жерінде шағын қала, жазба деректе кездесетін «Манкашлаг» пайда болғандығын жазады. Оғыздардан кейінгі Селжүктердің Алдыңғы Азияға жорығы, қыпшақтардың әскери соққылары қалалардың құлдырауына алып келген.

Бұл аймаққа моңғол шапқыншылығы болғандығы туралы хабарлама болмағанымен, Маңғыстау жері Шыңғыс ханның ұрпақтарына тиесілі болған.

Бүгінгі таңда аймақтан бірнеше ортағасырлық қалалар мен бес керуен сарай анықталып отыр. Археологиялық қазба жұмыстары тек Қызылқала мен Кетікқалаға ғана жүргізілген. Қызылқаладағы қазба барысында алынған мәліметтер бойынша қала Үргеніш пен Еділ арасындағы сыртқы саяси жағдайда пайда болып, Хорезм өркениетінің солтүстік-батысындағы шеткі форпост болды деп тұжырымдайды. Зерттеу жұмыстары кезінде Маңғыстау жерінен тағы бір керуен жолын анықталады, ол бойынша керуен Түпқараған мүйісінен теңіз жолы арқылы Төменгі Еділ жағасындағы қалаларға барған.

Барлау жұмыстары барысында Форт-Шевченко қаласы маңайынан XIII ғ. басында пайда болған Қорғантас қаласын анықтаған. XIV ғ. қала өмір сүруін тоқтатып, тек орталық бөлігі жергілікті билеушінің ордасы ретінде қызмет атқарған. Қорғантас қаласымен мәдени-шаруашылық кешені ұқсас келген Кетікқалаға жүргізілген қазба жұмыстары барысында шетелден әкелінген заттардың табылуына қарап, XIV ғ. қала Маңғыстау аумағы бойынша сауда керуенінің шеткі пункті болды деп көрсетеді. Олай болса, XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. Маңғыстау сауда жолы Үстірт күре жолының бір тармағы болып, Маната арқылы Қаратау аймағымен Түпқараған түбегіне жеткен деп пайымдайды. Еңбекте қалалар мен керуен жолдары XIV ғ. 70-ші жж. Ақсақ Темір әскерінің жорықтары барысында өмір сүруін тоқтата бастағандығы жазылған.

Үстірт пен Маңғыстау жеріндегі ескерткіштер негізінен сауда-керуен жолдарына жақын орналасқан, ондағы Қызылқала, Қорғантас пен Кетікқала көшпенділермен шекаралас орналасып, ішкі және халықаралық сауда жолдарымен тығыз байланыста болды деп қорытындылайды.

Ералы Ақымбек

PREFACE

It is recognized that during antiquity and the medieval period, transcontinental trade routes traversed the expanse of Kazakhstan, strategically positioned in the heart of Eurasia, linking East Asian and Western European countries. Beyond mere trade operations, the caravan routes served as conduits for the dissemination of scientific knowledge, religious doctrines, and cultural exchanges alongside physical goods, fostering interactions among diverse cultures. Urban centers flourished with the emergence of dedicated trading hubs, catalyzing the construction of multifaceted architectural structures, including high-rise edifices. As cities evolved within a one- or two-day journey, caravanserais were erected to accommodate merchants, providing halting points for trade activities.

During the formative period of the early medieval era, urban agglomerations and municipalities underwent growth within expansive political entities such as the Turkic, Western Turkic, Turgesh, Karluk Khaganates, alongside the Karakhanid, Oghuz, Kimak, and Kipchak Khanates. Following the incursion led by Genghis Khan, several urban centers persisted and, in fact, experienced heightened prosperity under the dominion of Jochi, Chagatai, and Ogedei.

It is evident that the evolution of urban culture in various regions of Kazakhstan did not occur uniformly. Nonetheless, during the midpoint of the millennium, there was a notable surge in the proliferation of cities in specific areas of Kazakhstan. Particularly in the 10th-12th centuries, active trade routes were operational in both the eastern and western regions of Kazakhstan, leading to a concurrent rise in the number of caravanserais.

Simultaneously, caravan routes traversed the Ustyurt plateau and the Mangystau Peninsula in Western Kazakhstan, giving rise to the establishment of cities and the construction of caravanserais. Historical documentation on the cities and settlements in this region from the Middle Ages is notably scarce. It is only in recent years that a few monuments have been documented, the associated materials have been incorporated into scholarly discourse, and archaeological excavations have been conducted at select sites.

Hence, the sixteenth issue of the serial publication «Kazakh Archaeology: Data and Research» serves as a compilation of materials concerning medieval monuments situated along the caravan routes of Ustyurt and Mangystau during the 10th-14th centuries. The author of the volume, M. Kalmenov, has been actively engaged in the investigation of medieval monuments situated in this region.

Until recently, the Ustyurt plateau and the Mangystau Peninsula were regarded as archaeologically uncharted territories due to the challenges posed by the intricate organization of research efforts, exacerbated by the harsh climate conditions. Additionally, prevailing opinions about the scarcity of archaeological sites dating back to the Middle Ages contributed to the perception of these regions as largely unexplored from an archaeological standpoint.

The author of the book has compiled findings from archaeological research spanning the last three decades, incorporating materials directly acquired through personal involvement in field studies. The volume provides a comprehensive archaeological description of medieval monuments, introducing previously undiscovered sites into scholarly discourse and establishing their chronological classification. The study delves into the material culture of these monuments, conducting analyses of ceramic materials and other artifacts.

PREFACE

Taking into account archaeological materials and written records pertaining to monuments on the Ustyurt plateau and the Mangystau Peninsula, the author posits that the emergence of cities and small fortresses occurred during the conflict between the Oghuz and Khwarazmians, a period when the Oghuz tribes held sway over the region in the 10th century. In the exploration of cities and caravanserais, the assumption is made that their establishment roughly coincided, and trade routes predated their construction.

Trade caravans left Khwarazm, then traversed the desert expanses of Ustyurt and Mangystau, crossing wells along the way. They eventually reached the Caspian Sea shores, where goods were loaded onto ships for transportation to Europe and back to Asia using the same route. Temporary trading posts were also established along the Caspian Sea shores. Historical records from the 10th-11th centuries mention a small town called «Mankashlag». The eastward march of the Seljuks following the Oghuz and military incursions by the Kipchaks contributed to the decline of cities in the region. While there are no specific accounts of a Mongol invasion in this area, the lands of Mangystau came under the dominion of the descendants of Genghis Khan.

Presently, multiple medieval towns and five caravanserais have been uncovered in the region, with archaeological excavations specifically conducted in Kyzylkala and Ketikkala. Information gleaned from the excavations in Kyzylkala suggests that the city likely emerged amid the foreign policy dynamics between Urgench and the states in the Lower Volga region. It is postulated to have served as the furthest outpost of the Khwarazmian civilization in the northwest. Through research efforts, an additional caravan route originating from Mangystau has been identified. Along this route, caravans would travel from Cape Tupkaragan by sea to reach the cities in the Lower Volga region.

Exploration efforts have unveiled the existence of the city of Korgantas near Fort Shevchenko, dating back to the early 13th century. By the 19th century, the city had ceased to exist, with only its central part remaining as the residence of the local ruler. Excavations in Ketikkala, possessing a cultural and economic complex akin to that of Korgantas, unearthed imported goods dating back to the 14th century. This evidence suggests that the city served as the ultimate destination of the trade caravan route within the Mangystau region.

Thus, there is an assumption that during the 13th century to the latter half of the 15th century, the Mangystau trade route served as a branch of the primary Ustyurt route, extending to the Tupkaragan Peninsula through Karatau and the Manat descent. The monograph outlines that cities and caravan routes ceased to exist in the 1870s, coinciding with the military campaigns led by Tamerlane's troops.

In summary, it can be concluded that the monuments on Ustyurt and Mangystau were predominantly situated in proximity to trade and caravan routes. Cities such as Kyzylkala, Korgantas, and Ketikkala were strategically positioned on the periphery, bordering nomadic territories, and maintained close connections with both domestic and international trade routes.

Yeraly Akymbek

Посвящаю светлой памяти
моей мамы – Абдуллаевой Гулсары
и сестры – Калменовой Гулжамилы.
Я люблю вас.

ОТ АВТОРА

Историческое развитие западных регионов средневекового Казахстана в X–XIV вв. освещено в литературе весьма неравномерно. Наименее исследованными оказались Западный Устюрт и полуостров Мангистау (Мангышлак). Если в предшествующее время памятники сопредельных регионов (Средняя Азия и Поволжье), свидетельства письменных источников изучены и обобщены в исторических построениях сравнительно неплохо, то эпоха, наступившая после вхождения данного региона в состав улуса Золотой Орды, с полным привлечением всего комплекса источников, прежде всего археологических, рассматривалась не полностью. Связано это с тем, что материальная культура этого плато и полуострова со всеми ее составляющими в комплексе никогда не анализировалась, некоторое исключение составляет только Каракалпакская часть плато.

Причин тому несколько. В частности, это объективная узость источниковой базы. В настоящее время количество известных только по разведкам и раскопкам памятников составляет более 20. При этом ни один известный археологический комплекс не рассматривался комплексно. До сегодняшнего дня ни одно городское поселение, кроме единичных погребальных памятников, не было исследовано масштабно. В связи с этим, безусловно, необходимо принимать во внимание недостаточную археологическую изученность региона. Но это не объясняет указанного обстоятельства, учитывая, что поселения интересующего нас периода существуют, пусть и в небольшом количестве.

Археологические изыскания археологов за последние 30 лет привели к тому, что к настоящему времени на археологической карте Казахстана почти не осталось белых пятен. В результате археологических работ в регионах исследования поднялись на качественную новую ступень – от археолого-топографических изысканий и учета объектов к проблемным разработкам и глубокому изучению археологических памятников.

Плато Устюрт и полуостров Мангистау – регион, расположенный между Каспийским и Аральским морями. В связи со сложностью организации исследовательских работ и сложившимися представлениями о бедности и малозначительности археологических памятников на нем он до недавнего времени оставался археологически малоизученным.

Представленное исследование – это результат проведенных работ, где впервые дана систематическая археологическая

ОТ АВТОРА

характеристика средневековым памятникам региона, открыты новые объекты, разработана их хронологическая классификация, очерчен круг проблем, нуждающихся в дальнейшем специальном исследовании. Некоторая часть памятников была открыта еще в советский период, однако их систематическое изучение, поиски и открытие новых объектов позволили дать принципиально иную интерпретацию этих памятников, что существенно изменило характер малоисследованных проблем взаимосвязей кочевых и оседлых народов.

Я глубоко благодарен коллегам из Института истории, этнографии и археологии Каракалпакского филиала АН РУз (ныне Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук, г. Нукус), Мангистауского государственного историко-культурного заповедника (г. Актау), Центра истории и археологии ЗКО (ныне отдел археологии Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея) (г. Уральск), Института археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы), Института археологии имени А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань). От всей души благодарю казахстанских археологов – З. Самашева, М. Кожа, А. Астафьева, Е. Акымбека, А. Бисембаева за совместную работу, поддержку и оказанную помощь в предоставлении необходимой информации при подготовке данной монографии.

Я сердечно признателен коллегам, благодаря которым состоялась защита моей кандидатской диссертации, материалы которой легли в основу этой книги, и в первую очередь говорю огромное спасибо моему научному руководителю – Наилю Гатиатулловичу Набиуллину.

Искренне благодарю Е.П. Казакова, Ф.Ш. Хузина, А.Г. Ситдикова, Р.М. Валеева (г. Казань), Э.Д. Зиливинскую (г. Москва) за вычитку, консультации и ценные замечания.

Издание этой монографии оказалось возможным благодаря поддержке Института археологии имени А.Х. Маргулана и лично его директора А. Онгара.

Особую признательность и уважение заслуживают мои первые учителя, ныне покойные – В.Н. Ягодин, Е.Б. Бижанов, Г. Хожаниязов, М.Ш. Кыдырниязов, благодаря которым еще в студенческие годы состоялось мое первое знакомство с археологией.

ВВЕДЕНИЕ

Территория Устюрта и Мангистау с древнейших времен была важнейшей контактной зоной народов и культур Центральной Азии. Особенности истории данной территории известны до сего момента лишь из скудных письменных источников, которые малоинформативны и не позволяют достоверно реконструировать события и отдельные стороны экономики, культуры, социальной дифференциации и этническую историю в целом. Рассматривая эту сложную и дискуссионную тематику о взаимосвязи населявших эту территорию народов, исследователи в основном опирались на письменную и лингвистическую информацию, не уделяя должного внимания археологическим сведениям. Многочисленные археологические материалы до сих пор не введены в научный оборот – а ведь они являются основным источником по воссозданию картины исторической действительности на данной территории. В связи с накоплением новых археологических наработок вновь поднимается вопрос о необходимости более тщательного сопоставления древних памятников этого региона, находившегося в круговороте исторических событий.

Анализ и интерпретация новых источников позволяют расширить наши представления о различных сферах жизнедеятельности средневековых народов, проживавших на данной территории. Большое значение для решения проблемы исследования памятников Устюрта и Мангистау X–XIV вв. имеет изучение малоисследованных проблем взаимосвязей кочевых и оседлых народов. Достаточно высокая информативность археологического источника, с одной стороны, и совершенно недостаточная степень изученности проблемы – с другой, обусловливают актуальность избранной темы исследования.

Основой данного исследования являются средневековые памятники на караванных путях Устюрта и Мангистау, интересующие нас в аспекте определения их региональной специфики, роли и значения в системе международных культурно-экономических связей X–XIV вв. В рамках этой задачи изучены историческая и социальная топография, архитектурные и фортификационные сооружения поселений, особенности материальной культуры их жителей.

Городище Кызылкала, где проводились наиболее масштабные исследования, является одним из наиболее крупных и ярких поселений полуострова Мангистау. В изучении археологии интересующего нас региона, к сожалению, очень мало примеров последовательного и целенаправленного исследования отдельного поселения. Кроме городища Кызылкала, здесь можно вспомнить Кетиккалинский археологический комплекс, находящийся на северо-восточном берегу Каспийского моря, на полуострове Тупкараган, а также являющееся одним из уникальных памятников раннего Средневековья городище Каракавак, на месте которого в последние годы ведутся исследования под руководством А.Е. Астафьева [Astafyev, Bogdanov 2018: 68–78; Астафьев, Богданов 2019: 17–38.]. Как правило, археологические исследования дают большой материал, его изучение позволяет охарактеризовать историю поселения и проследить процессы взаимодействия и сменяемости различных культурных традиций.

Представленный труд по объему относительно небольшой, что связано с несколькими обстоя-

тельствами, из которых стоит отметить не только хронологические рамки, но и степень изученности археологических памятников. В монографии дана характеристика культуре поселений и караван-сараев, датируемой второй половиной X – первой половиной XI в. н. э. и фиксируемой на территории Средней Азии и Поволжья, и исследователи ее обозначают как тюркскую.

Следующую из представляемых культур большинство исследователей называют золотоордынской. На наш взгляд, ее правильнее называть «мангистауско-устюртской», поскольку строительный метод и материал для памятников, а точнее камень ракушечник, добывают в основном только в этом регионе.

Источниковая база может быть со временем расширена за счет сравнения материалов изученных памятников и сопредельных территорий. В качестве таковых, безусловно, необходимо упомянуть Кызылкалу. Она, как известно, является наиболее изученным памятником провинциальной городской культуры прежде всего доордынского периода. Сравнение характера застройки городской территории, основных составляющих элементов городской инфраструктуры, самих объектов и непосредственно археологического материала позволяет реконструировать соответствующие элементы культуры. В качестве дополнительного археологического источника следует привлекать материалы исследований городов и поселений Юго-Восточного Устюрта и Восточного Прикаспия, которые археологически изучены значительно лучше.

Следует отметить, что необходимо максимальное расширение источниковой базы, во-первых, за счет максимально полного использования всех археологических материалов; во-вторых, за счет сравнительного анализа одновременных памятников всего средневекового Устюрта и Мангистау и сопредельных территорий; в-третьих, за счет привлечения всех существующих письменных свидетельств и других категорий источников (сфрагистических, эпиграфических, нумизматических) для анализа процесса исторического развития данного региона.

При таком подходе появляется возможность впервые определить особенности культуры, ее общие и специфические черты по сравнению с регионами сопредельных территорий. Это позволяет более обоснованно реконструировать все стороны жизнедеятельности населения и те исторические процессы, которые протекали на этой территории в Средневековье в рассматриваемый хронологический период.

Целью представленной работы является определение места и значения памятников Устюрта и Мангистау в системе средневековых караванных путей (X–XIV вв.). Была рассмотрена история изучения археологических памятников изучаемого региона и представлен обзор источников по исследуемой проблеме.

В археологическом исследовании средневековых городов Казахстана и Средней Азии достигнуты значительные успехи: в общих чертах изучена историческая топография крупнейших среднеазиатских городов, установлены закономерности их развития. Но в этой области немало еще и нерешенных вопросов. Дальнейшие работы по изучению структуры феодального города могут идти в двух направлениях. В первом случае город рассматривается как единое целое. Однако городской организм состоит из отдельных слагаемых, причем каждое из них является неотъемлемой частью города. Следовательно, углубленное изучение наиболее важных частей городского организма тоже может быть весьма плодотворным. Наша цель, с одной стороны, систематизировать различные типы археологических памятников: укрепленные поселения, караван-сараи, крепости-убежища и прочее, с другой – проследить своеобразие материальной культуры поселений путем анализа основных категорий археологических находок (в первую очередь керамического материала, украшений и пр.) и на примере археологического комплекса городища Кызылкала и некоторых других памятников выделить основные этапы развития городов Устюрт и Мангистау, определив их место в средневековой международной торговле в Евразии.

Особенностью изучения средневековой «мангистауско-устюртской» культуры является то, что существенная часть результатов раскопок и обследований разных памятников на территории ее бытования до сих пор не введена в научный оборот. В перспективе предстоит также работа по использованию многочисленных современных методов естественно-научного характера для анализа накопленных свидетельств.

Предлагаемая работа территориально охватывает главным образом регион между Аральским и Каспийским морями, то есть территорию современной Мангистауской области Республики Казахстан, которая включает в себя части Северного и Западного чинков[1] плато Устюрт (казахстанская часть) и полуостров Мангистау (Мангышлак). Также объем работы включает памятники, расположенные на территории Центрального и Юго-Восточного чинков плато Устюрта.

Физико-географическое положение региона обусловило сосуществование народов, представлявших разные культурно-хозяйственные типы. Являясь северным ответвлением Великого шелкового пути, междуморье стало важным регионом этнических и культурных контактов кочевого населения евразийского степного пояса и оседлых земледельцев среднеазиатских оазисов.

Хронологические рамки исследования охватывают памятники X–XIV вв. Нижняя хронологическая граница обусловлена появлением на политической карте (после упадка государства Сельджукидов) мощного государства Хорезмшахов с центром в Ургенче, которое и в политическом, и в экономическом аспектах оказывало сильное влияние на соседние территории. Под влиянием Хорезма на исследуемой территории возникают поселения, жители которых занимались в основном торговлей с местными кочевыми племенами. Например, городище Кызылкала из малозаселенного поселения со временем превратилось в огромный город с развитой инфраструктурой. Возникнув в период активной внешней политики Хорезма, этот город оставался самым крайним северо-западным форпостом хорезмийской цивилизации. Городище функционировало в пределах конца X – начала XIII в. Верхняя хронологическая граница исследования определена временем расцвета Золотой Орды, активизации торгово-экономических связей ее со многими регионами Запада и Востока. Именно в этот период бурно развиваются поселения по сухопутным караванным путям Устюрта и водным путям через Каспийское море.

Также был проведен всесторонний анализ элементов материальной культуры с целью определения уровня развития и специфики хозяйственной жизни населения региона. В ходе археологического исследования средневековых городищ был разработан, в частности, собственный типолист керамических форм на основе находок из всех строительных горизонтов, с хронологической разбивкой, насколько это могла позволить стратиграфическая чистота отложений и методика фиксации.

Были изучены особенности функционирования средневековых памятников Устюрта и Мангистау на примере археологического комплекса городища Кызылкала. Достоверные сведения о средневековых поселениях Устюрта и Мангистау появляются в письменных источниках в X в. Археологические материалы подтверждают датировку этих поселений первой половиной X – началом XIV в. Выявлено несколько культурно-строительных горизонтов Средневековья, в известной степени отражающих политическую и экономическую жизнь городов.

Предпринята попытка определения роли и места Устюрта и Мангистау в средневековой международной торговле. Исследования последних лет позволили открыть на территории Мангистауского региона еще одно практически не изученное направление торгового сообщения. Считалось, что во второй половине XIII – XIV в. существовала только одна торговая артерия в регионе Арало-Каспия – из Ургенча в Сарайчик через плато

[1] Чинк (туркм.) – крутой, часто вертикальный обрыв плато высотой до 300–350 м в Западной Туркмении и Казахстане. Обычны чинки у плато Устюрт Южного Мангистау, у восточного берега Красноводского плато.

Устюрт. Установлено, что часть товаров в Сарай-Бату доставлялась через Мангистау морским путем. Здесь, в удобной Тупкараганской бухте, в XIV в. возникает большое поселение под названием «Кетиккала». Как показали археологические исследования в центральной части городища, в Кетиккалу попадали товары из провинций Китая, Ирана, Хорезма и с территории современного Азербайджана.

Территория. Исследуемый регион охватывает, кроме полуострова Мангистау (Мангышлак), значительную часть плато Устюрт и южную часть Прикаспийской низменности – полуостров Бузачи, что составляет более 16 млн га площади (рис. 1).

Ландшафт региона необычен и уникален. Многие сотни миллионов лет эта территория являлась дном океана. Однако иногда, на непродолжительные временные отрезки, океан под воздействием глубинных процессов Земли отступал. В эти периоды в единообразные многометровые морские отложения вкрапливались слои грандиозных пожарищ эпохи динозавров, застывшие в камне следы саблезубых кошек и далеких предков лошади. Каратауская складка приподняла часть морских отложений и рассекла их многочисленными трещинами. Восемь миллионов лет назад Туранская плита стала медленно подниматься с уклоном в западную сторону. Отступающий океан гигантскими волнами размывал по трещинам мягкие известняки, создавая меловые куэсты, каньоны, причудливые горы – останцы. Ветер и дождевые потоки завершили величественное творение Природы. Так появились уступы Северного и Южного Актау, легендарная гора Шеркала, долина замков Акмыштау, уникальные поля шаровидных конкреций, бескрайние солончаковые пустоши Кендерлисора, Тузбайыра и Карашека, самая глубокая на пространстве СНГ впадина Каракия, песчаные массивы Бостанкум и Кызылкум, неземные пики Бозжиры и Елшибека, пляжные лагуны и скалистые берега Каспия.

Особенности расселения человека в полупустынях Мангистау и Устюрта определялись рядом факторов и в первую очередь водообеспеченностью территории обитания. Древние кочевники этого края решали проблему дефицита воды, роя многочисленные колодцы, пробивая на десятки

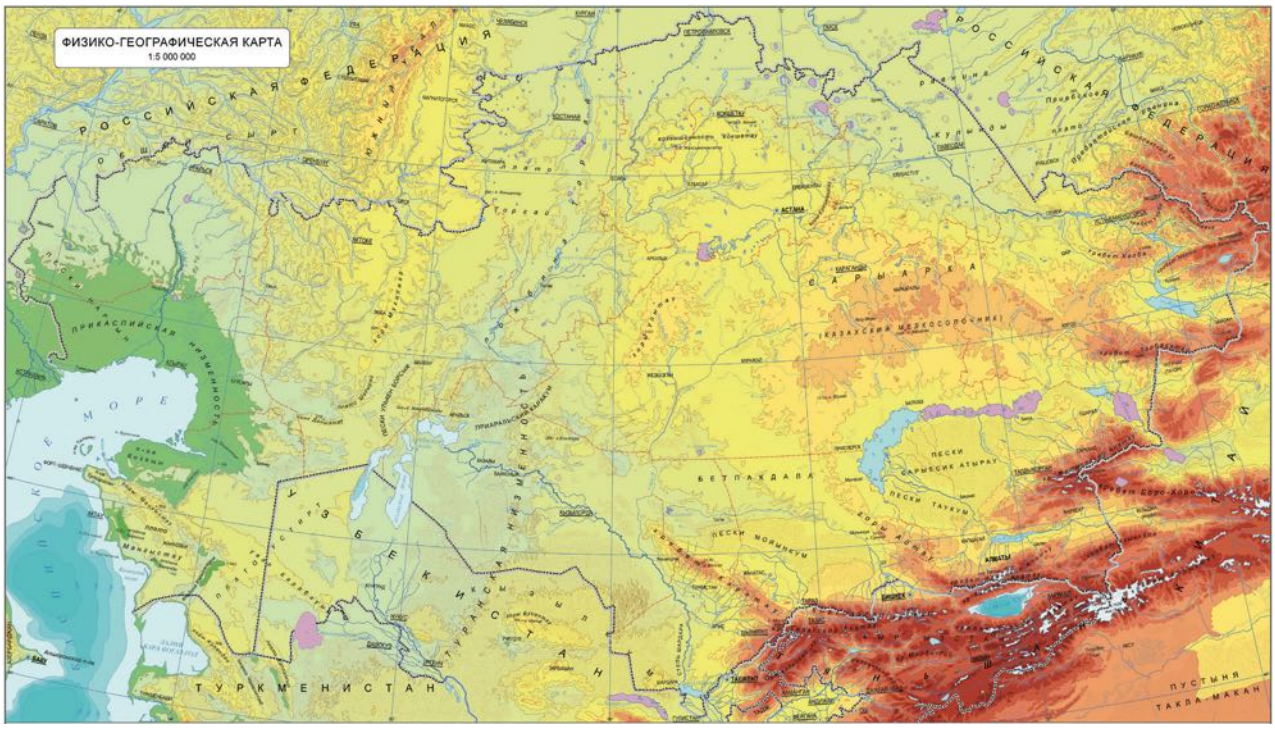


Рис. 1. Местоположение плато Устюрт и Мангыстау на физико-географической карте Казахстана (Национальный атлас Республики Казахстан. Т.1. С. 8-9)

метров известняковый щит. Глубина отдельных колодезных шахт составляет более 40 м, а вырытых колодцев на одном участке насчитывается более 60. Скот и вода являлись мерилом богатства в жизни местных номадов.

Анализ местоположения здесь памятников археологии первобытных культур выявил, что при выборе места для поселения учитывались топографические и ландшафтные особенности. Во-первых, это прибрежная зона Каспийского моря, где были обитаемы, как правило, верхние морские террасы. Поселения располагались по берегам сухих русел, вероятно, сезонных водотоков, или у такырных понижений, которые в периоды обильных осадков могли накапливать и сохранять большие запасы пресной воды. Во-вторых, это границы песчаных массивов Бостанкум, Туйесу, Карынжарык, Кызылкум, Сам с участками близкого от поверхности стояния грунтовых вод. Удивительно, но на отдельных участках современных раздуваемых песков археологи, помимо сезонных стоянок бродячих охотников, находят остатки долговременных поселений. В-третьих, это кромки чинковых уступов, останцы, берега каньонов, саев, соров, иногда обеспеченных пресными или солеными родниками.

Стоянки, заброшенные поздними кочевниками, носят сезонный характер и чаще всего подчинены условиям функционирования пастбищ. Зимники устраивались в местах, обеспечивающих ветровую защиту, а летовки – на возвышенных продуваемых участках. Крепости-укрепления возводили на труднодоступных мысовидных выступах чинков или на останцах, начиная с бронзового века. Поселения и города средневекового периода привязаны к линиям караванных трасс и морскому побережью, снабженному удобными бухтами и глубокими фарватерами. Многие несоответствия между современными ландшафтно-климатическими условиями и характером расселения человека в древности обусловлены палеоэкологической ситуацией, влиявшей на изменение численности и состава населения того времени [Самашев и др. 2007: 18–25].

Полномасштабная палеоклиматическая модель Арало-Каспийского водораздела еще не создана. На основе палеогидрологических и археологических данных, а также сопоставления с ландшафтно-климатическими аналогами сопредельных территорий можно сделать некоторые предположения об изменении климатической обстановки Устюрта и Мангистау за последние десять тысяч лет.

Геолого-палеоэкологические исследования Северного Прикаспия, очень близкого по природно-географическим условиям к Мангистау, позволили воссоздать климатическую историю региона. Временной отрезок 3700–3330 лет назад характеризуется относительным затуханием процессов ветровой эрозии, хотя сохраняются пустынные и полупустынные ландшафты. Позднее выделяется эпизод 2500–2100 лет назад с господством злаково-полынных группировок растительности, позволяющих говорить о смягчении аридной ситуации. В промежутке 2100–1400 лет назад складывается неблагоприятная природно-климатическая среда для обитания человека. Интервал между 1300 и 500 лет назад характеризуется более мягким климатом вплоть до распространения земледелия. И, наконец, последние 500 лет – это период усиления аридности климата [Варущенко и др. 1980: 27–30]. С определенными поправками на географическое положение палеоклиматическая модель Северного Прикаспия может быть применена и к территории изучаемого региона. Сегодня исследователи с полной уверенностью могут заявить об уникальности историко-культурного наследия Устюрта и Мангистау, и тому есть достаточно доказательств.

Жизнь человека в древности целиком и полностью зависела от природно-географической и климатической среды обитания. Если вы хотя бы немного знакомы с ландшафтной картой Казахстана, то знаете, что полуостров Мангистау и плато Устюрт географически располагаются между двумя морями – Каспийским и Аральским. Ландшафт этого огромного водораздела очень разнообразен и нетипичен для природы Евразии. Со-

временный засушливый климат существует здесь почти пять тысяч лет. В благоприятные периоды природа этого края могла соответствовать степной полосе с разнообразным растительным покровом, обеспеченной достаточными пищевыми и водными ресурсами для обитания в изобилии промысловых животных и для жизни человеческих сообществ [Самашев и др. 2007: 27].

Расширение ойкумены первобытных людей происходило по берегам рек и морей. Предполагается, что восточное побережье Каспия было заселено в глубокой древности. Но процесс освоения полуострова Мангистау и плато Устюрт древним человеком шел постоянно, так как преобладающие высоты этих местностей подвергались обширным затоплениям в периоды катастрофического для низменных берегов подъема вод Каспийского моря.

Археологические исследования дают возможность предполагать, что на территории региона еще в конце каменного века закладывались основы сезонной миграции части населения вслед за кочующими стадами диких животных степной и полупустынной зон – куланов, джейранов, сайгаков и степных баранов. Подобный образ жизни первобытных охотников впоследствии мог быть заимствован первыми скотоводами этого края в период иссушения климата в Азиатском регионе. Основы производящего хозяйствования – скотоводства возникли на территории Арало-Каспия в IV тыс. до н. э. [Астафьев1996: 72–74.].

В последующие времена древнее население Мангистау играло роль пограничного буфера между цивилизациями Средней Азии и Восточной Европы, оставаясь при этом географически изолированным. Пустынное пространство бескрайнего и труднопроходимого Устюртского плато отрезало полуостров Мангистау от путей Великого переселения народов, что существенно тормозило развитие экономических навыков, культурных и духовных традиций. Вместе с тем благодаря этому регион сохранил массу реликтовых, давно утраченных на других территориях моментов истории Евразии.

Возникшее приблизительно в VI в. северное ответвление Великого шелкового пути в мангистауском варианте сплело воедино историю торгового сухопутного и морского сообщений между странами Центральной Азии, Восточной Европы и Кавказа. При этом регион являлся не только транзитной территорией для прохождения караванов, но и служил местом активной торговли азиатского и европейского купечества с местными кочевыми племенами.

Наконец, с древнейших времен на полуострове при строительстве сооружений широко применялся легко добываемый и доступный в обработке дикий камень – известняк-ракушечник. Этот, казалось бы, легко разрушаемый материал может длительное время сохранять форму и возведенные из него конструкции. Построенные две-три тысячи лет тому назад сооружения из прочих материалов давно бесследно исчезли или изменили свой облик до неузнаваемости. Постройки Мангистау даже в разрушенном виде несут массу информации о быте, культуре, верованиях и архитектуре древнего населения. Еще впереди то время, когда по-настоящему полно и всеобъемлюще будет оценено искусство мастеров обработки камня. Сейчас мы стоим только на пороге познания каменного зодчества этого необычного края.

Своеобразие истории Устюрта и Мангистау в целом уже сейчас получает материальное подтверждение и вызывает неподдельный интерес. Каждый вновь открытый памятник региона занимает свое почетное место в анналах истории не только Казахстана, но и всего человечества. Это древнепалеолитические мастерские залива Сарытас, поселенческий комплекс конца каменного века Коскудук, протогорода бронзового века Токсанбай, Манайсор, Айтман, святилища раннего железного века Байте I–III, Кызылуйык, Тасастау, Кайнар, Аурентобе, Соккы, Акпан, средневековые городища Кызылкала, Кетиккала и Каракавак, подземные мечети Шакпак-ата, Караман-ата, Султан-епе, Шопан-ата, Бекет-ата, огромный комплекс погребальных некрополей Средневековья и Нового времени (рис. 2).

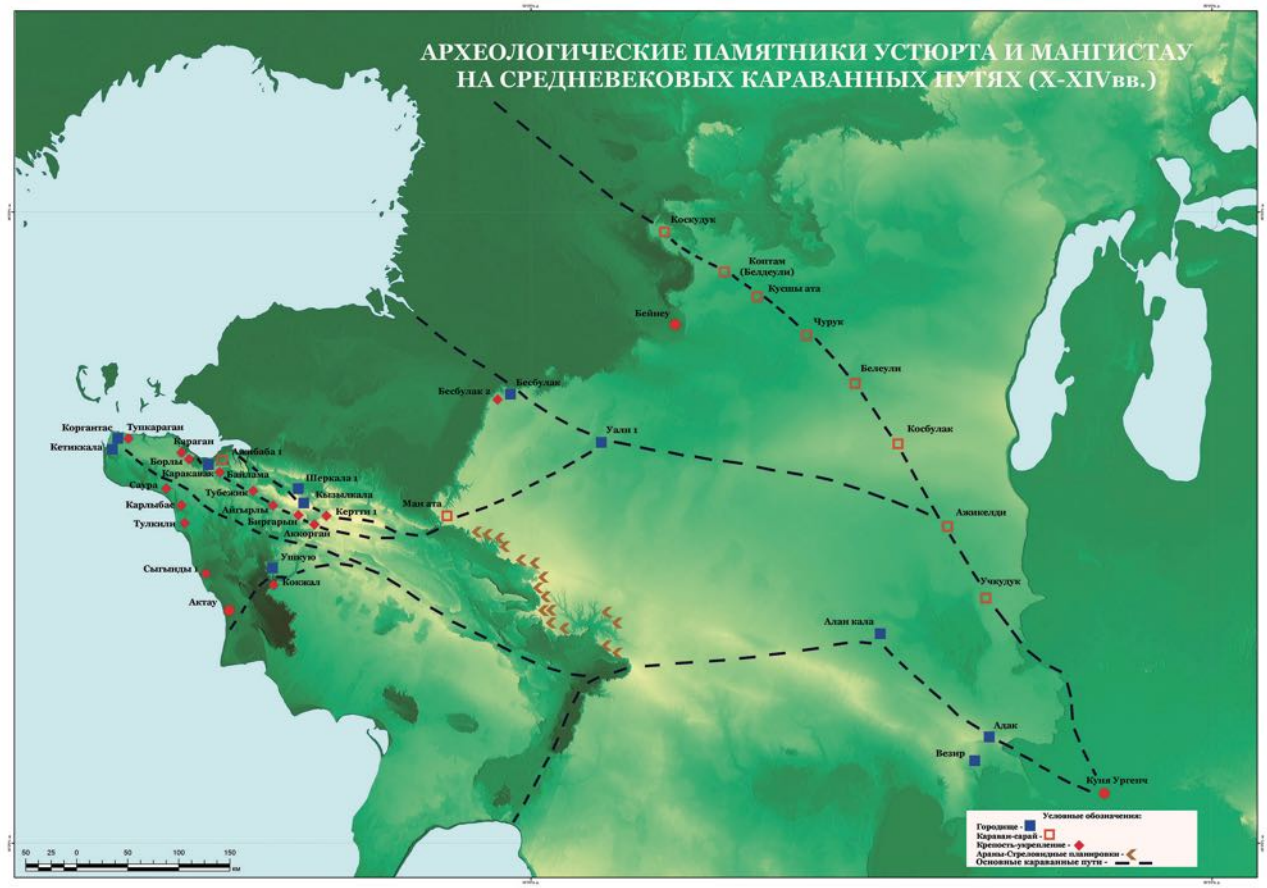


Рис. 2. Расположение средневековых археологических памятников Устюрта и Мангистау

ГЛАВА 1
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

1.1. История исследования памятников Устюрта и Мангистау

Рассмотрим историю исследования памятников и данные письменных источников по интересующей нас проблеме. Разбор сложного и противоречивого комплекса письменных источников неоднократно становился предметом специальных источниковедческих и исторических исследований. Сразу необходимо оговориться, что весь огромный и сложнейший массив письменных свидетельств по истории взаимоотношений государств X–XIV вв. не относится к теме данной главы, тем более что автор не является специалистом в области анализа письменных источников. Эта работа в значительной степени проделана и продолжает разрабатываться как отечественными, так и зарубежными специалистами на протяжении более 150 лет. Для нас представляют интерес оригинальные сообщения, связанные с рассматриваемым регионом. Традиционно история изучения памятников и письменных источников разделена на исследования памятников Устюрта и Мангистау до начала XX в., исследования, проведенные в первой половине XX в., далее работы выполнялись во второй половине XX – начале XXI в.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что главной основой изучения данного региона остаются археологические данные. Источниковую базу составляют все известные на сегодняшний день археологические материалы X–XIV вв., полученные в ходе исследований. В целом на сегодняшний день перечень археологических памятников и письменных источников, касающийся Устюрта и Мангистау, выглядит следующим образом.

Исследования памятников Устюрта и Мангистау до начала XX в. В конце XVII в. начинается активное экономическое и политическое проникновение царской России в Среднюю Азию. Рост интереса России в первой половине XIX в. к среднеазиатскому рынку сопровождался усилением деятельности русских дипломатов в среднеазиатских ханствах, а также началом мирового научного изучения политического и экономического состояния ханства, караванных путей в Среднюю Азию, ее водных артерий и т. д. [История Узбекской ССР 1956: 81.].

Наиболее ранние сведения об археологических памятниках Устюрта мы находим на картах, составленных А. Бековичем-Черкасским. Они считаются наиболее правильными и точными для первой половины XVIII в. [Княжеская 1964: 94]. На «чертеже, тушованном разными красками», выполненном А. Бековичем-Черкасским и его помощниками, отмечена башня Караумбет [Княжеская 1964: 112].

В 1732 г. в Хиву через Устюрт была отправлена торговая миссия во главе с И.Г. Гербером, отметившим на плато развалины трех городов. Руины первого города (Ирнак) находились в районе Мынсуалмаса, второго – в урочище Дзясле, третьего, известного под названием «Дели-урус», – в районе песков Сам [Григорьев 1870: 46–47]. О наличии развалин городищ у Мынсуалмаса

оставил сведения также самарский купец Д. Рукавкин, направлявшийся в Хиву в 1753 г. [Руссов 1840: 35–36].

Значительный материал по истории Оренбургского края и прилегающих к нему степей имеется в книге «Топография Оренбурга» коллежского советника и корреспондента Императорской Академии наук П.И. Рычкова [Рычков 1762: 59–60]. Книга изобилует различного рода сведениями – историческими, географическими, геологическими, этнографическими, торговыми, военными и т. п. – и выходит за пределы собственно Оренбургской губернии, включая некоторые сведения о Средней Азии, в частности об Устюрте. Описаны караванные пути из Средней Азии, а вместе с тем и связанные с ними памятники, такие как Сарайчик, Бокачи, Учкан, Чурук, Белеули.

В 1825–1826 гг. для изучения Устюрта снаряжается первая русская научная экспедиция под руководством Ф.Ф. Берга. В материалах этой экспедиции имеются данные о направлении торговых путей через плато, о развалинах Белеули, городище Давлетгирей (Курганча) на западном берегу Аральского моря и аналогичного памятника между заливами Улы-Кулмагыр и Киши-Кулмагыр [Первые русские научные… 1964: 102–103, 213]. В более поздних исследованиях об этом городище не упоминается. Возможно, оно было разрушено в результате оползней чинка Устюрта [Древняя и средневековая культура…1978: 10].

В 1832 г. вышла книга А.И. Лёвшина, в которой несколько страниц уделено путям сообщения через Устюрт и его историческим памятникам. Особый интерес представляет перечисление всех караван-сараев, начиная от Сарайчика до Ургенча, и караванных путей. Тут же мы находим упоминание о развалинах Давлетгирея. О караван-сарае Белеули А.И. Лёвшин пишет: «Строения сии еще не совсем сохранились доныне. Они были сделаны из каменных плит с кирпичными сводами. При них находился колодец глубиною сажень в 30. Стена, окружавшая сие строение, составляла род замка и имела 4 ворот, покрытых сводами» [Лёвшин 1832: 210]. Аналогичные сведения имеются и в очерке П.И. Небольсина. Анализируя состояние торговли Средней Азии с Россией в середине XIX в., автор характеризует караванные пути через Устюрт и попутно упоминает о некоторых археологических памятниках. Он приводит краткое описание городища Курганча (Давлетгирей) и башни на плато: «Бековича крепость, называемая хивинцами Давлетгирей, а киргизами Курганче. Она верстах в двух от моря. Теперь сохранилась только одна стена и под ней колодец, а сверху остаток шихана – род башенки, насыпь или кучка глины, сделанная, сколько можно судить, для дозора». Из памятников Центрального Устюрта он выделяет караван-сарай Белеули [Небольсин 1855: 109–111].

В 1842 г. по Восточному чинку Устюрта в Хиву направился Ф.И. Базинер. Он приводит краткое описание руин Давлетгерея, Урги и 12 башен. Ф.И. Базинер считает, что эти укрепления служили караван-сараями и были связаны с башнями [Древняя и средневековая культура…1978: 11].

В 1853 г. подпоручик Алексеев производил топографическое описание северной части Устюрта. Во время исследования им были отмечены развалины Уйоба, по-видимому, сигнальной башни. Он упоминает также о развалинах крепости, очевидно, караван-сарая Коскудук у Мынсуалмаса, и дает описание старых казахских мавзолеев [Первые русские научные… 1964: 251–265].

О сигнальной башне на Устюрте вблизи озера Айбугир сообщает участник посольства 1858 г. в Хиву Е.Б. Килевейн. Возведение этой башни, как и многих других, приписывались местными жителями А. Бековичу-Черкасскому, однако Е.Б. Килевейн указывает, что эта башня обозначена еще на карте греческого путешественника XVIII в. Василейоса Ватацеса и относится к более древнему периоду [Килевейн 1861: 5–11].

В 1803 г. директором Оренбургской торговой таможни П.Е. Величко было составлено «Описание хивинского ханства и дорог туда из Сарайчиковой крепости», в котором автор весьма подробно рассматривает пути в Хиву через Устюрт. Одновременно отмечены развалины крепостей и караван-сараи вдоль дорог. При П.Е. Величко это описание не вышло в свет, и лишь В.В. Григорьев издал его в 1861 г., снабдив своими ценными комментариями [Григорьев 1861: 112–115].

О развалинах крепости Девлетгерей сообщает М.Н. Галкин, следовавший в 1858 г. через Устюрт по западному берегу Аральского моря из Оренбурга в Хиву [Галкин 1868: 311].

Участники Хивинского похода 1873 г. Ф.И. Лобысевич и Н.И. Гродеков сообщают о развалинах древней крепости Алан на Устюрте, сооружение которой казахи приписывают Тимуру [Гродеков 1883: 237; Лобысевич 1873: 47–66].

Алихановым-Аварским М. описаны башня Караумбет и городище Алан, строительство которых приписывалось

Давлетгирею или Тимуру [Алиханов-Аварский 1899: 109–111].

Подробное описание крепости Давлетгирей дает другой участник Хивинского похода 1873 г. [Д.К. 1873: 11–17]. К этому же времени относятся сведения о развалинах Девкескен, собранные Л.Ф. Костенко [Костенко 1880: 197].

Некоторые археологические памятники Устюрта зафиксированы в работах русских географов и геологов конца XIX – начала XX в.

В 1876–1877 гг. под руководством Н.Г. Петрусевича была организована экспедиция для исследования старых русел Амударьи и Сарыкамышской котловины. Н.Г. Петрусевич упоминает о развалинах Девкескен и Адак [Петрусевич 1878: 252].

Большой интерес представляет работа полковника Белявского, пересекавшего Устюрт дважды – в 1884 и 1885 гг. У него мы находим высказывание о караван-сарае Учкудук и об одноименном колодце: «Место их расположения обозначается белою, издалека видною могилою. Там же имеются остатки небольшой калы». Им отмечены также башни у спуска Тайлы: «Вправо от спуска Тайля, по берегу чинка находятся развалины сторожевой башни, которая видна верст за пять, не доходя до нее». Он упоминает о развалинах башни у спуска Караумбет и дает краткое описание развалин Аланкалы: «Около родника развалины калы около 10 сажень в квадрате из каменных плит песчаника и известняка неправильной формы; высота стен 6 и толщина 2,5 аршин» [Дополнительные сведения о пути…1887: 180–201].

В 1892 г. Общество Рязанско-Уральской железной дороги снарядило экспедицию в Зауральские степи и Устюрт для выяснения вопроса о возможности прокладывания железнодорожных линий от района реки Урала до Аральского моря через Устюрт. С.Н. Никитин в главе «Устюрт и пути к Кунграду» подробно описывает все известные ему дороги через плато Устюрт, указывает пункты – колодцы и исторические памятники, через которые эти дороги проходят, самым тщательным образом наносит все эти данные на приложенную к сочинению карту [Никитин 1893: 43–86]. Повторяя маршруты С.Н. Никитина, с той же целью инженер А.Н. Рябинин в 1899 г. прошел Прикаспийские степи и Устюрт – от реки Урал до низовьев Амударьи и издал в 1905 г. свои путевые наблюдения. Путь его лежал через Сагыз и Эмбу (у Бокачи) через три ключа Учкан, затем урочища Устюрта – Мынсуалмас и Туйемойыншапкан, через колодцы Кусшы, Чурук, Белеули, Косбулак, Учкудук на спуске Шыбынды [Рябинин 1905: 37–38].

И, наконец, в 1910 г. вышла работа И.А. Кастанье «Древности киргизской степи и Оренбургского края». В ней автор ничего нового не рассказал, но, собрав отрывочные материалы о жизни этого края, разместил их в надлежащем порядке и в таком виде издал. Он приводит выдержки из сообщений А.И. Лёвшина и В.В. Григорьева [Кастанье 1910: 98–99, 188–190].

Особо надо отметить, что с этого времени внимание ученых привлекают кремневые находки. Так, М.В. Баярунас в опубликованной в 1916 г. статье «К геологии Гурьевского уезда Уральской области» отмечает обнаружение кремневых орудий вместе с обломками раковин Didacna trigonides в урочище Мынсуалмас, у подножия северных чинков Устюрта [Баярунас 1916: 72–74].

Несмотря на крайнюю скудость, сведения об археологических памятниках интересующей нас области были привлечены в работах крупнейшего русского ориенталиста В.В. Бартольда; на основе источников описываются некоторые археологические памятники (Пулжай и др.), делается попытка локализации городищ Адак, Везир [Бартольд 1965: 92]. Однако слабая археологическая изученность этой области не позволила сделать это достаточно точно.

Таким образом, до начала XX в. сведения об археологических памятниках сводились к попутным упоминаниям или кратким описаниям. Сбор сведений носил случайный характер. На карты наносились наиболее крупные сохранившиеся каменные постройки. Вопрос о датах картированных и охарактеризованных памятников, об их значении для понимания исторического прошлого оставался открытым. Для определения функционального назначения и времени возведения сооружений привлекались лишь легенды и предания. Установление функций каменных построек только в некоторых случаях (например, Ф.И. Базинер о башнях и караван-сараях по Восточному чинку) соответствовало материалам археологических исследований последних лет. В целом же археологическое изучение интересующего региона до начала XX в. носило регистрационный характер, зачастую без определения дат и функционального назначения обнаруженных объектов.

Исследования, проведенные в первой половине XX в. В первые годы советской власти продолжается стихийное накопление археологических материалов путем отдельных сборов, производимых неспециалистами. Однако наряду с неорганизованными сборами изучение археологических памятников Устюрта и Мангистау проводится и профессионалами. К систематическим и планомерным исследованиям данного региона приступили лишь в годы советской власти.

В 1927 г. на территории Устюрта участниками Казахстанской экспедиции АН СССР были найдены кремневые изделия – в песках Сам (к югу от озера Сам), около Жаркудука и южнее песков Асмантай, Матай, у колодцев Астыкудык [Археологическая карта Казахстана 1960: 190].

В 1930 г. Л.Н. Соколов посетил средневековые городища Ширванкала и Даукескен на юго-востоке Устюрта [Ершов 1944: 29]. К сожалению, материалы этого обследования не были опубликованы.

Скрупулезную работу в археологическом изучении Устюрта после Второй мировой войны проделала Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР под руководством С.П. Толстова. Были проведены маршруты по исследовательской деятельности на Устюрте. Применив авиацию для разведки на значительных пустынных территориях [Толстов, Орлов 1948: 545], эта экспедиция в 1946 г. открыла на Устюрте два средневековых торговых пути из Хорезма. Один из них шел через древние колодцы Учкудук, Булак и Белеули на северо-запад, второй – по направлению на Мангистау. Вдоль этих дорог тянулись каменные строения и караван-сараи. По мнению С.П. Толстова, их сооружение относится к X – началу XI в. [Толстов 1953: 177–180]. Кроме этого, были обследованы городища Аланкала, Шемахакала, Девкескен [Толстов 1956: 49–50]. На Восточном чинке Устюрта выявлен целый ряд развалин башен, определенных как сигнальные: Урга, Кияжол, Караумбет, Шибинды, развалины крепостей Пулжай, Караумбет и Кияжол. На них был собран подъемный материал, сняты схематические планы. Все обследованные памятники датированы С.П. Толстовым X–XI вв. [Толстов 1952: 10–11]. В том же 1946 г. геологом А.Л. Яншиным в песках Сам и на Северном чинке Устюрта обнаружены стоянки неолита с каменными орудиями и керамикой [Формозов 1947: 51; Формозов 1949: 59].

Во время комплексного авто- и авиамаршрута 1947 г. Хорезмской экспедицией были предварительно обследованы городища Шемахакала, Девкескен, Ербурун, развалины укрепления Ассекеаудан и др. На этих памятниках собран подъемный материал, сняты схематические планы [Толстов 1948: 182–190].

Басенов Т.К., обследовавший в районе песков Сам архитектурные памятники, в основном казахские мавзолеи XVIII–XIX вв., высказал предположение, что древнее городище Сам (караван-сарай Белеули (Коптам). – К.М.) находится в этом же районе [Басенов 1947: 23–24]. В 1947 г. на Западном чинке плато Устюрт, к югу от развалин мавзолея Маната, Сырдарьинской комплексной экспедицией были собраны кремневые изделия, описанные в публикации Т.Н. Сениговой [Сенигова 1951: 122–124].

В 1950 г. Хорезмской экспедицией АН СССР для изучения памятников плато был проведен автомаршрут из г. Уральска через Устюрт по старой караванной дороге. На караван-сарае Коскудык, обнаруженном вблизи колодцев Мынсуалмаса, был заложен небольшой раскоп. Дальнейший путь отряда лежал через пески Сам, караван-сараи Чурук, Белеули, Учкудук [Толстов 1958: 16–19]. В 1952 г. разведочный Устюртско-Аджаибский отряд Хорезмской экспедиции обследовал Девкескенский оборонительный вал длиной более 2 км, облицованный каменными плитами. В конце его над обрывом чинка обнаружено небольшое укрепление со стенами из каменных плит. С.П. Толстов датировал оборонительный вал XVI в. [Толстов 1958: 74]. По пути до Айбугира открыто несколько сигнальных башен, которые С.П. Толстов относит к хорезмшахскому времени [Толстов 1958: 184–186]. В 1954 г. на крепости Ассекеаудан снят схематический план и собран подъемный материал. Памятник датирован XIV в. [Вактурская, Воробьева 1952: 623].

На западной части плато Устюрт и на Мангистау в 1953–1954 гг. архитектурным отрядом АН КазССР обследованы казахские некрополи и мавзолеи XVIII–XIX вв. [Мендикулов 1987: 10–36]. В 1958 г. экспедиционным архитектурным отрядом отдела охраны памятников Министерства культуры Туркменской ССР под руководством Г.А. Пугаченковой описаны мавзолеи на городище Девкескен, отмеченные в 1946 г. С.П. Толстовым и М.А. Орловым как позднесредневековые [Орлов 1957: 160–161]. Архитектурный анализ и сравнение с подобными архитектурными памятниками Средней Азии позволили Г.А. Пугаченковой продатировать их концом XV – XVI в. [Пугаченкова 1963: 125–137].

В 1959 г. этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции обследована средневековая крепость Ургакала с сигнальной башней. По подъемному керамическому материалу памятник датирован XII–XIII вв. Снят схематический план [Толстов и др. 1963: 25–27].

Исследования, проведенные во второй половине XX – начале XXI в., оказались более основательными и результативными. Продолжалась регистрация новых памятников в целях создания Археологической карты региона, проводилось более глубокое их обследование путем шурфовки культурного слоя и небольших рекогносцировочных раскопов.

В 1960 г. сотрудники сектора археологии ИИЯЛ КФ АН УзССР обследовали ряд крепостей на Восточном чинке Устюрта. На Ургакале по керамическому материалу, датированному XII–XIII вв., заложены два шурфа [Ягодин 1963: 97]. Составлено описание сигнальных башен Кияжол, Караумбет, Шибинды, Пулжай, которые по подъемному материалу относятся к XII–XIII вв. К этому же периоду причислены крепости Кияжол и Караумбет. На городище Пулжай, открытом в 1946 г., заложены траншеи и собран подъемный материал. В.Н. Ягодин датирует возникновение Пулжая как центра сельского поселения IX–XI вв., а возведение крепости – XII в. Датировка памятника им установлена в пределах IX–XIV вв. [Ягодин 1963: 90–96]. В 1963 г. сотрудниками того же Института был произведен разведочный маршрут. Обследованы городища Алан, Аджибай, Курганча (Давлеткерей). На Аланкале заложен шурф и собран подъемный материал. Возникновение памятника Е.Б. Бижанов относит к XII–XIII вв. [Бижанов 1967: 10]. Городище Аджибай, открытое Е.Б. Бижановым, датировано хорезмшахским периодом по керамическому материалу из шурфа. Снят схематический план [Бижанов 1967: 9]. На городище Курганча (Давлеткерей) заложен шурф и собран подъемный материал, снят схематический план. Датирован памятник XII–XIII вв. [Бижанов 1965: 64–67].

Продолжались сборы археологических материалов и геологическими экспедициями. Массовые находки кремневых орудий изготовлены в южной и западной частях Устюрта. В разных частях плато в 1957–1963 гг. зафиксировано около 20 пунктов с собраниями кремневых изделий. Большинство из них оказалось утерянным [Древняя и средневековая культура…1978: 17]. Сохранились лишь отдельные коллекции из района колодца Кендерли и урочища Утебай [Виноградов, Шолохов 1967: 11]. Во время разведывательных работ в 1963 г. на Мангистау был обнаружен ряд новых стоянок неолитического времени [Коробкова, Мандельштам 1971: 23–27].

В 1964 г. Е.Б. Бижанов прозондировал средневековые городища Ербурун и Ширванкала [Бижанов 1967: 5]. Городище Ербурун отнесено к XII–XIII вв. На Ширванкале заложен шурф и собран подъемный материал. Памятник датирован XII–XIV вв. [Бижанов 1966: 96–98]. В том же году сотрудниками сектора археологии ИИЯЛ КФ АН УзССР были обследованы караван-сараи Учкудук, Булак, Косбулак, Белеули, Чурук. На караван-сараях Булак, Косбулак заложены шурфы и собран подъемный материал. Е.Б. Бижанов датировал их XIII–XIV вв. [Бижанов 1967: 11]. На Белеули и Чуруке собран подъемный материал. По мнению Е.Б. Бижанова, караван-сараи Устюрта возникли в XII–XIII вв. и повторно обживались в золотоордынский период [Бижанов, Лоховиц 1969: 59]. В окрестностях караван-сараев Булак, Косбулак, Белеули обнаружено 15 неолитических развеянных стоянок с кремневыми изделиями [Бижанов, Виноградов 1965: 33]. В 1969 г. на Западном чинке Устюрта А.Н. Мелентьев обнаружил сотни курганов, относящихся к различным эпохам [Мелентьев 1972: 195–196].

В 1970–1978 гг. сотрудниками сектора археологии ИИЯЛ КФ АН УзССР были масштабно обследованы средневековые памятники Центрального Устюрта. Изучены караван-сараи, вытянутые на 170 км по прямой, с юго-востока на северо-запад от сора Барсакелмес. Археологически изучены караван-сараи Учкудук, Ажикелди, Косбулак, Белеули и Чурук [Бижанов 1970: 56; Ягодин и др. 1973: 96–98; Манылов 1982: 170–181].

В 1978–1991 гг. члены экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Л.Л. Галкина и В.С. Ольховского занимаются проведением археологических разведок и спорадических раскопок на отдельных памятниках области (средневековое городище Кызылкала, поселение Кетиккала, погребальные комплексы на территории г. Шевченко (ныне г. Актау) [Ольховский, Галкин 1990: 72; Ольховский 1992: 67–68; Ольховский, Галкин 1997: 103].

В 1991–2000 гг. археологические исследования на территории Мангистауского региона проводились Западно-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии имени А.Х. Маргулана МОН РК под руководством З.С. Самашева. Наряду с ар-

хеологической разведкой эти работы продолжились сбором петроглифических изображений, раскопками культово-погребального комплекса Дыкылтас, работами на памятниках открытого типа в зонах песчаных массивов Кызылкум и Бостанкум, исследованием святилищ Байте I и III, Терен, Карамунке и началом работ на протогородском поселении бронзового века Токсанбай на плато Устюрт [Самашев, Ольховский 1996: 102; Самашев и др. 1997: 68–69; Самашев и др. 1999: 72–74]. В состав экспедиции входили разведочный отряд под руководством Л.Л. Галкина, Устюртский отряд под руководством В.С. Ольховского и Западно-Казахстанская археологическая группа под руководством А.Е. Астафьева.

В 2001–2010 гг. исследования проводились археологической экспедицией Мангистауского государственного историко-культурного заповедника под руководством А.Е. Астафьева и М.Д. Калменова. Эти исследования характеризуются аварийно-спасательным направлением работ в г. Актау и на территории региона, раскопками неолитического поселения Коскудук 1, исследованиями на средневековых городищах Кызылкала и Кетиккала, на культово-погребальных комплексах эпохи бронзы и раннежелезного века Улькенкудук, Меретсай 2, Тубежик 1 и 2 [Астафьев 1989: 121; Астафьев 1995: 58; Астафьев 1996: 72–74; Астафьев, Баландина 1998: 67; Астафьев, Калменов 2004: 17; Самашев, Астафьев 2004: 13; Астафьев, Калменов 2004а: 38].

В 2008 г. сотрудники ТОО «Археология» под руководством З. Самашева и М. Елеуова провели археологические исследования на месте городища Кызылкала [Самашев, Елеуов 2008: 132].

В 2011 г. была исследована и полностью вскрыта вся площадь караван-сарая Белдеули (Коптам) [Кожа, Самашев 2014: 486–489; Оңғарұлы и др. 2017: 51–54].

Многолетние археологические исследования памятников Устюрта и Мангистау дали богатый и разнообразный материал для характеристики поселений и других памятников, существовавших в X–XIV вв. Основное внимание археологов было направлено на выяснение стратиграфии, топографии и хронологии отдельных городищ и караван-сараев. Изучение памятников в плане их исторической интерпретации, уточнение их хронологии позволили выдвинуть гипотезу о регулярном экономическом обмене между земледельческим, ремесленным Хорезмом, с одной стороны, и кочевой степью и государствами Восточной Европы – с другой. В ту пору больша́я часть ныне исследованных памятников являлась пунктами (возникшими в X в., но продолжавшими функционировать в XIII–XIV вв.), расположенными на путях из Хорезма в Юго-Восточную Европу для ведения торговых операций

1.2. Обзор письменных источников

Обзор письменных материалов, привлеченных нами для характеристики средневекового периода жизни Устюрта и Мангистау, показал, что эта группа источников малоинформативна в части, непосредственно касающейся разрабатываемой нами темы. В то же время они дают много интересных и оригинальных сведений для понимания исторической ситуации в регионе, этногенетических процессов, происходивших в разные периоды среди местного населения, конкретизации торговых маршрутов и контактов с соседними землями и т. д.

Расцвет Западно-Тюркского каганата приходится на первую половину VI в. Возможно, территория Устюрта и Мангистау в то время входила в состав Западно-Тюркского государства. Еще с середины VI в. распространялось влияние каганата на Арало-Каспийские степи, о чем свидетельствуют поездки посольства кагана во главе с согдийцем Маниахом и византийским послом Земархом [Ажигали 2001: 19]. Обратный путь последнего лежал через Северное Приаралье (а может быть, и через юго-запад с выходом на Устюрт, как и сделал впоследствии Ибн Фадлан?) к Эмбе (Их), Яику (Даукс), Волге (Аттила, Итиль) и далее [Бартольд 1965: 37–67; Гафуров 1972: 220].

В эту эпоху Северо-Восточный Прикаспий включился в сферу торгово-дипломатических отношений Средней Азии с Поволжьем с одной стороны – через Мангистау и Каспий (морем), с другой – через Устюрт, Эмбу и Яик. Торговля эта была стимулирована появлением в низовьях Итиля (Волги) Хазарского каганата, постепенно вовлекавшего в сферу своего политического влияния территории Западного Казахстана. По данным письма хазарского кагана Иосифа в середине X в. придворному кордовского халифа Хасдаю ибн Шафруту, население Восточного Прикаспия на протяжении месяца пути до Гургана (то есть до юго-восточного угла Каспия) платило дань кагану [Коковцов 1932: 81–83]. Как известно, сведения эти преувеличены и относятся к более раннему вре-

мени – IX в. [Плетнева 1976: 11]. Однако земли, непосредственно граничившие в ту эпоху с территорией хазарского домена (низовья Итиля (Волги), а именно Северо-Восточное побережье Каспия, Мангистау, входили в сферу каганата. Это, видимо, нашло отражение в таком важном источнике – в труде аль-Бируни (Абу Рейхан Мухаммед Ибн Ахмед аль-Бируни) «Масудов Свод», где в пятом климате указана «гора Ян*х*шлаг» (то есть Мангистау с горами Каратау и Актау), которая находится в стране хазар [Мандельштам 1971: 164–165].

Весьма ценным по времени и значению является источник IX в. – книга «Футух аль-бульдан» («Завоевание стран»); весь материал в ней изложен по географическому принципу, автор – крупнейший арабский историк и поэт аль-Балазури (Абуль-Хасан Ахмад ибн Йахйа ибн Джабир ибн Дауд аль-Балазури) [Ал-Белазури 1939: 78]. Данный материал известен нам только в сокращенной редакции, но полный его текст был использован в XIII в. Йакутом аль-Хамави (Шихабуддин Абу Абдуллах Йакут ибн Абдуллах аль-Хамави) в его географическом словаре.

Для нас особенно важны первые сведения об огузах. Другой важный источник – арабский писатель IX в. аль-Якуби (Ахмед Ибн Абу-Якуб Ибн Джафар Ибн Вахб Ибн Вадих Ал-Якуби) [Ал-Якуби 1939: 148–149]. Он дает много интересных сведений, в частности об образе жизни огузов.

Наряду с этими авторами надо упомянуть арабского писателя начала X в. Ибн Русте (Абу-Али Ахмед Омар Ибн Русте) и его труд «Книга драгоценных ожерелий» [Ибн Русте 1939: 86–88]. Данное издание представляет собой энциклопедию на разные темы. Здесь мы находим сведения об Устюрте и о расселении огузов на огромной территории, в частности Устюрта. Следует особо отметить аль-Истахри (Абу-Исхах Ибрагим Ибн Мухаммед ал-Фариси ал-Истахри), создавшего «Книгу путей и стран» около 951 г., в которой каждой стране посвящена особая глава и карта в красках. Эту работу аль-Истахри, в свою очередь, подверг обработке Абу-л-Касим Ибн Хаукаль [Ибн-Хаукал 1939: 83–86]. Он по просьбе аль-Истахри взялся за исправление и дополнение его труда и закончил работу в 977 г. В труде аль-Истахри и Ибн Хаукаля содержится весьма ценная информация об Устюрте и Мангистау (Сякух), об огузах, о территории их расселения и вза-

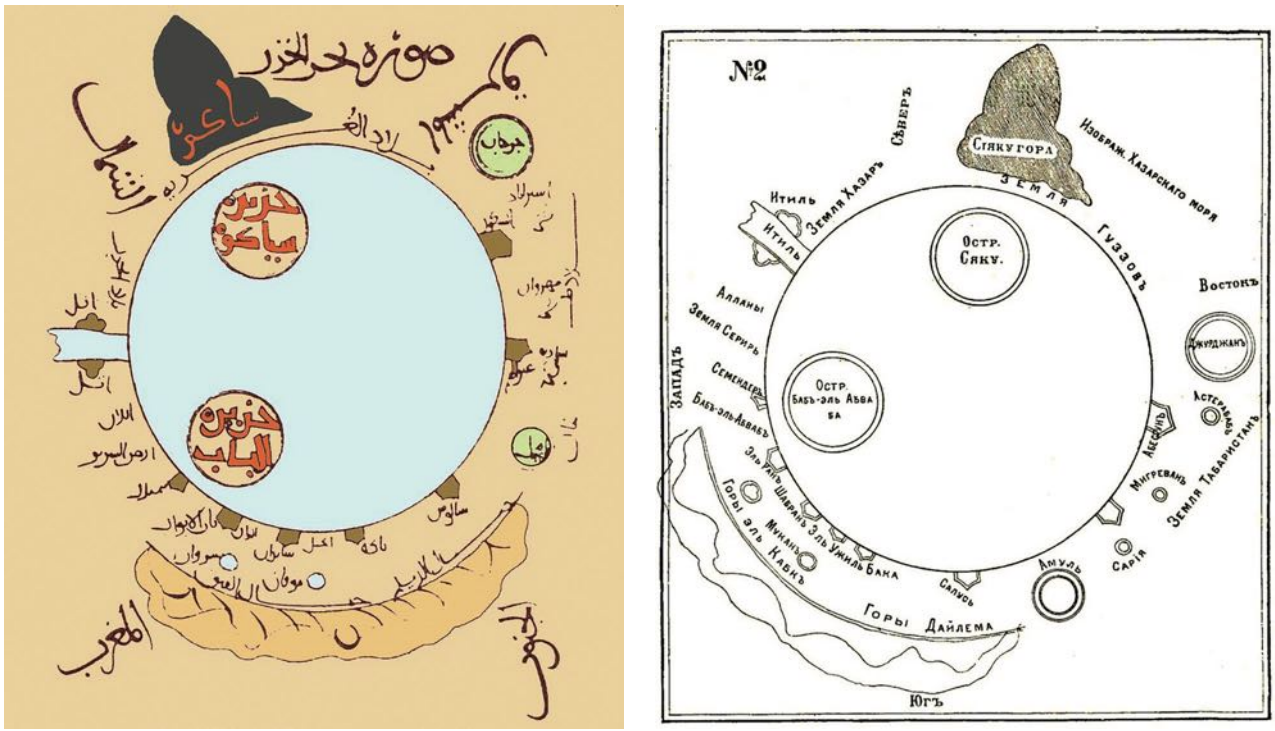


Рис. 3. Карта аль-Истахри с переводом на русский язык

имоотношениях с Хорезмом (рис. 3). Также классическим представителем арабской географической науки и ее расцвета в X в. был аль-Макдиси (Абу-Абдаллах Ибн Ахмед Ибн Абу Бекр ал-Мукаддаси) [Ал-Макдиси 1939: 174]. Его сочинение «Наилучшее распределение для познания стран», написанное в 985 г., отличается точностью и детальностью; в нем представлены данные о торговле огузов с Хорезмом.

Важным для нас первоисточником является своеобразное произведение Ибн Фадлана (Ахмад ибн Фадлан ибн аль-Аббас ибн Рашид аль-Багдади). В 921–922 гг. (309–310 гг. хиджры) посольство и торговый караван халифа Мухтадира (Абуль-Фадль Джафар ибн Абдуллах аль-Муктадир Биллах) были отправлены к царю волжских булгар с целью установления политического союза халифата в Булгарии. Участник и секретарь посольства Ибн Фадлан составил докладную записку с подробным описанием маршрута. В ней детально указан маршрут через Хорезм и Устюрт. Также в этом документе приводится ряд ценных живых наблюдений об Устюрте и огузах, имеются важные сообщения об образе жизни огузов, их обычаях и т. д. [Ковалевский 1956: 97–98]. Надо отметить историка и географа аль-Масуди (Абу-л-Хасан Али Ибн ал-Хусейн ал-Масуди) и его историко-географическую энциклопедию «Золотые луга и россыпь самоцветов», написанную в 947–950 гг. [Ал-Масуди 1939: 166]. В этой работе содержатся сведения о жизненном укладе огузов.

Заслуженной известностью пользуется великий хорезмийский ученый-энциклопедист своего времени аль-Бируни [Абу Рейхан ал-Беруни 1939: 145–146]. В его произведениях имеется информация о сложных взаимоотношениях огузов с Хорезмом. Из позднейших арабских географов следует отметить произведения Йакута аль-Хамави [Йакут 1939: 171–177]. В его трудах мы находим важные для нас сведения о торговых путях, как сухопутных, так и судоходных, шедших с Нижней Волги через Устюрт в Хорезм. В этом отношении интересны также сообщения, приведенные в сочинениях Ибн аль-Асира (Изз-ад-дин Абу-л-дин Абу-л-Хасан Али Ибн Мухаммед Ал-Асир) [Ал-Асир 1930: 138].

Значительные сведения содержатся и в персоязычной литературе. Среди трудов, написанных на персидском языке, для нас важен географический трактат под названием «Границы мира» («Худуд-ал-алем»), составленный неизвестным автором в 982–983 гг. Единственная рукопись его была обнаружена в 1892 г. в г. Бухаре А.Г. Туманским [Худуд-ал-алем 1939: 210–211]. В ней имеются сведения об огузах, их образе жизни и о землях, в состав которых входили интересующие нас территории.

Надо также отметить персидский труд исторического содержания под названием «Украшение повествования» Гардизи (Абу Са'ид Абд аль-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардизи) [Бартольд 1897: 93–94]. В данной работе мы находим ясное подтверждение информации о караванном пути из Хорезма через Устюрт на Нижнюю Волгу. Письменные источники послемонгольского периода в основном односторонние, но для нашего исследования исторически важны. Это путевые записки европейских и иных путешественников, таких как Плано Карпини, Ибн Баттута, Франческо Бальдуччи Пеголотти и др. Труды данных авторов посвящены в основном вопросам торговли и караванным дорогам Хорезма, в частности Устюрта.

В начале VII в. начинается ослабление Западно-Тюркского каганата, и степные племена северных народов Средней Азии начинают добиваться независимости. В IX–XI вв. в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи и в примыкавших к нему степях Западного Казахстана сложилось раннефеодальное государство огузских племен. В это историческое время интересующая нас территория была заселена племенами огузов. Самое раннее упоминание о них в арабской географической литературе относится к первой половине IX в.

Восточные авторы, оставившие подробное описание огузов, дают весьма противоречивые сведения об образе их жизни. Так, Ибн Фадлан, сам побывавший у огузов Устюрта, аль-Якуби и неизвестный автор произведения «Худуд-ал-алем» описывают огузов как кочевников. Они, по данным названных авторов, не имели никаких городов, постоянно перемещались с места на место и жили в войлочных юртах [Ковалевский 1956: 101; Худуд-ал-алем 1939: 149].

Другие авторы – Ибн Хаукаль, аль-Идриси и аль-Макдиси – сообщают, что у огузов были и постоянные поселения, в которых они жили оседло [Ибн-Хаукал 1939: 166]. В этом противоречии источников, по мнению С.П. Толстова, нашли свое отражение различия между разными этническими компонентами огузского объединения, которые стояли на разных ступенях развития [Толстов 1947: 70–102].

По существующему ныне в литературе мнению, огузы представляли собой очень неоднородную массу, включавшую в себя остатки древних масс ираноязычных, дахо-массагетских и сармато-аланских племен и пришельцев, перекочевавших в Приаралье и в степи современной территории Казахстана [Толстов 1938: 199].

Согласно свидетельству источников IX–XI вв., огузы занимали огромную территорию в степях – к северу от

низовий Сырдарьи до Хазар, вокруг Аральского моря [Ковалевский 1956: 178]. Автор сочинения «Худуд-ал-алем» пишет, что вокруг Аральского моря «все места принадлежали огузам» [Худуд-ал-алем 1939: 210]. Аль-Истахри отмечает, что «с севера и запада Хорезм граничит с (землями) огузов» [Бартольд 1965: 56].

Сведения об огузах и об их образе жизни имеются у Ибн Фадлана. Направляясь к волжским булгарам, он проехал через страну огузов и познакомился с ее населением. Рассказ Ибн Фадлана дает ценнейший материал для характеристики общественного строя огузов. У них налицо уже явное имущественное неравенство: с одной стороны, владельцы тысяч голов овец и лошадей, с другой – бедняки, выпрашивающие лепешки [Ковалевский 1956: 101]. Распространено было и рабство. Так, по свидетельству Ибн Фадлана, если заболеет один из огузов, имеющий рабынь и рабов, то они ухаживают за ним; если же человек был рабом или бедняком, люди бросают его в дикой местности и отъезжают от него.

Управлялись огузы родовыми старейшинами, главный из которых носил титул «ябгу». Его заместитель именовался «козергин». Достаточно крупной фигурой являлся начальник войска, но его власть была невелика. Особым почетом пользовались также родовые старейшины и «главарь», у них испрашивали совета в важных делах. Но в то же время старая родовая демократия еще была сильна. Дела решались «общим советом», причем, по словам Ибн Фадлана, даже после того как решение состоялось, «приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и унижает то, на чем они сошлись» [Ковалевский 1956: 159]. Характерный для родового строя обычай гостеприимства приобрел у огузов особые формы в связи с тем, что их страны посещали купцы из других государств. Яркое описание этих обычаев дает рассказ Ибн Фадлана [Ковалевский 1956: 161].

Покойников огузы хоронили в большой могиле, куда вместе с умершим клали его имущество. Ибн Фадлан особо отмечает лук и деревянную чашу с опьяняющим напитком. Могилы покрываются деревянным настилом, наверху сооружают подобие юрты из глины (курган). На могиле помещают вырезанные из дерева фигуры лошадей по числу врагов, когда-то убитых покойным, надеясь, что они будут служить ему в загробном мире.

Огузы, видимо, как и другие тюрки, почитали бога Тенгри. По словам автора «Худуд-ал-алем», «…они поклоняются каждой вещи, которая (чем-нибудь) хороша и удивительна. Они почитают лекарей (шаманы), которые распоряжаются и жизнью, и имуществом их…» [Ковалевский 1956: 159].

Ибн Фадлан в своих рассказах об огузах отмечает также, что они проявляют определенный интерес к исламу, охотно слушают чтение Корана, расспрашивают об Аллахе и даже по-своему, по-тюркски, иногда молятся единому Богу [Ковалевский 1956: 211].

Оживленные торговые контакты с кочевым и полукочевым миром важны были не только для Хорезма, но и для огузов, занимавших окраинное положение. В.В. Бартольд пишет, что самая оживленная торговля происходила в пограничных пунктах Хорезма, в числе которых письменные источники называют Гит (Пулжай) [Материалы по истории …1938: 188] и Ургенч [Материалы по истории …1938: 178]. Кочевники сами пригоняли свои стада, не дожидаясь, пока придут хорезмийские купцы в их степи [Бартольд 1965: 564]. Но эта торговля, как указывает аль-Истахри, происходила только в мирное время [Материалы по истории …1938: 179–180].

С другой стороны, все исторические сочинения X в. утверждают, что огузы время от времени совершали набеги на земледельческий Хорезм. По сообщению аль-Бируни, набеги степняков заставили царей Хорезма каждую осень выходить с войсками к границам степи и охранять от них пределы своего государства [Материалы по истории …1938: 219]. «Война с огузами, – пишет С.П. Толстов, – явление повседневного быта хорезмийцев X в.» [Толстов 1948: 244].

К концу X в. все чаще стали возникать политические конфликты между огузами и правителями огузских племен. Огузы, находясь на торговом пути в Поволжье, вступая в военные союзы с русскими князьями, становятся серьезной угрозой для Хорезма, издавна связанного с Хазарией и опасавшегося захвата ее другими государствами. По этому поводу С.П. Толстов пишет, что успехи Хорезма в Поволжье были достигнуты благодаря непрерывным войнам с сильными соперниками – северными соседями Хорезма, тюрками-огузами, территория которых лежала на пути Хорезма на Волгу [Толстов 1948: 246], а также, что «…к правлению Текеша относится темное свидетельство Гарнати о сорокалетней борьбе хорезмшаха Аллауддина с гузами за город Саксин в низовьях Волги…» [Бартольд 1965: 588–589; Толстов 1948: 275]. Однако в основном отношения огузов с Хорезмом были мирными. Так, В.В. Бартольд указывает, что «в документе, написанном в 1156 г., хорезмшах Атсыз напоминает Дуданбеку, что он, хорезмшах, часто оказывал гузам гостеприимство в Хорезме, очевидно, они приходили туда (в Хорезм) на зимовку, как в XI в. при Алтунташе» [Бартольд 1965: 582].

На основании сообщений письменных источников можно составить достаточно ясное представление об устюртско-мангистауских торговых путях, шедших из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье, а также о морском пути на Нижнюю Волгу. Устюрт в Средние века пересекали два караванных пути, один из которых пролегал из Ургенча через Замджан, называемый «Воротами тюрок» («Баб-ат-тюрк»), и селение Хабаб [Ковалевский 1956: 158]. Затем дорога поднималась на плато Устюрт, как полагал Я.Г. Гулямов [Гулямов 1957: 139], по одному из наиболее удобных подъемов – Караумбетскому, далее шла на Эмбу, а оттуда к Волге, разветвляясь на два пути – к хазарам [Материалы по истории…1938: 178] и к булгарам. Другая дорога тянулась из Ургенча на запад, поднималась (подъем Каскажол) на плато Устюрт и, обходя сор Барсакелмес, направлялась на Мангистау, отсюда по Каспийскому морю плыли до Нижней Волги [Бартольд 1965: 56].

Устюртский караванный путь из Хорезма в Поволжье известен нам благодаря подробному описанию этой дороги Ибн Фадланом. Караван, с которым следовал Ибн Фадлан в 922 г., прошел через Ургенч к Устюрту, затем на Эмбу, Жайык (Урал), к Самаре до Булгар. Гардизи, автор XI в., описывая путь, идущий из Хорезма (Ургенча) через Устюрт к печенегам, пишет: «Дорога к ним на гору Хорезм, от этой горы идет к печенегам, подходит к озеру Хорезма, оставляя озеро по правую руку, далее через степи до печенегов» [Бартольд 1965: 45].

Караванные тропы, судя по всему, в то время еще не были оборудованы караван-сараями (трудно предположить, что Ибн Фадлан не заинтересовался бы ими и не описал их).

Возросшее к XII–XIII вв. значение интересующего нас торгового пути подчеркивается стремлением Хорезма к захвату Мангистау. В.В. Бартольд по поводу этой стези пишет, что в XII в. единственным государством, которое могло думать о захвате данной дороги, был Хорезм [Бартольд 1965: 582–588].

Степные дороги по Устюрту обеспечивались сетью колодцев и караван-сараев. Огузы и печенеги – кочевые скотоводы – как и раньше нуждались в этой торговле, поставляя в обмен на необходимые им товары продукты кочевого хозяйства.

После первой четверти XIII в. развитие интересующей нас территории было временно прервано монгольским завоеванием.

Войдя в состав Золотой Орды, Хорезм заново начал экономически развиваться. Во второй половине XIII в. его ирригационная система, если не вся, то, во всяком случае, в большей своей части, была восстановлена [Гулямов 1957: 335]. Начало возрождаться и ремесленное производство. Вместе с ростом ремесла оживилась и городская жизнь Хорезма. Как сообщают письменные источники, монголы, утвердившись у власти, начали восстанавливать города, разрушенные ими при завоевании, и даже строить новые. Тогда же стали налаживаться прежние торговые связи Хорезма с другими областями. Так, по свидетельству Ибн аль-Асира, почти сразу же возобновился торговый путь в Дешт-и-Кипчак, заброшенный во время походов на него Джебе и Субедея [Якубовский 1930: 28]. Из Саксина в Хорезм добирались не только сухопутной дорогой, но и морской – через Мангистау на Каспий [Якубовский 1930: 30].

Наиболее ранние упоминания о некоторых археологических памятниках Устюрта имеются в труде персидского историка XV в. Мирхонда (Мухаммед ибн Хонд-шах ибн Махмуд) «Раузат ас сафа» («Сад чистоты») [Мирхонд 1939: 538], а также в сочинении внука Мирхонда и продолжателя его трудов, талантливого историка конца XV – начала XVI в. Хондемира (Гийяс ад-Дин ибн Хумад ад-Дин Мухамад Хаванд Амир). Так, например, в рассказе Хондемира о походе султана Хусейна в 1460 г. впервые отмечаются Адак и Везир [Бартольд 1965: 67]. Упоминание тех же крепостей имеется у Мирхонда [Мирхонд. 1939: 539]. Описание Везира и его окрестностей в дни его процветания мы находим у английского путешественника Э. Дженкинсона [Английские путешественники…1937: 176–177]. Об этих крепостях (Адак и Везир) говорится и в трудах хивинских историков конца XVIII – начала XIX в., в частности, в книге хана – историка Абу-ль-Гази (Абул-гази, Багадур-хан, Абульгази Бахадурхан) [Гулямов 1957: 173–174] и в хивинской хронике Муниса (Шир-Мухаммад бен Эмир Аваз-бий-мираб) и Агахи (Мухаммад Риза-мираб бен Эр-Нийаз-бек) [Гулямов 1957: 188].

Древнерусские летописи также отмечают, что в золотоордынский период продолжали функционировать те же два основных пути на Ургенч, которые были известны на Руси и до монголов: во-первых, через Саксин и позднее Астрахань, во-вторых, степью через Яик (Рогожская летопись [Лурье 1976: 37–38], Никоновская летопись XIV в. [Клосс 1980: 312].

Во времена правления ханов Золотой Орды караванные пути находились в выгодном положении. В этом отношении интересно сообщение Ибн Арабшаха (Ахмед ибн Мухаммед ибн Арабшах), так характеризующего торговые пути того времени: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут к себе на телегах спокойно до самого Крыма… Караваны не

брали с собой проводников вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у (живших там) людей». Ю.А. Якубовский пишет, что в течение почти 150 лет Золотая Орда обеспечивала караванной торговле благоприятные условия [Якубовский 1931: 91].

Интересующие нас территории изображены в Каталонском атласе 1375 г. (рис. 4), а также на карте братьев Доменико (Доминик) и Франческо (Франциск) Пиццигани (Пиццигано), венецианских картографов XIV в. (рис. 5).

Насколько велика была в это время роль Хорезма в международной торговле, можно судить по данным Франческо Бальдуччи Пеголотти, агента Флорентийской торговой фирмы. В своем наставлении купцам, написанном около 1340 г., он отметил, что в Ургенче в его время можно было закупить все интересные «для европейского рынка товары» [Бартольд 1965: 62–64].

В целом же письменные документы имеют второстепенное значение в нашем исследовании, уступая место по богатству исторической информации археологическим источникам.

Результаты археологических исследований в памятниках Устюрта и Мангистау дали богатый и разнообразный материал для характеристики поселений и других памятников, существовавших в X–XIV вв. Основное внимание археологов было направлено на выяснение стратиграфии, топографии и хронологии отдельных городищ и караван-сараев. Средневековые памятники охватывают сравнительно узкий этап.

На основе средневековых источников намечены два направления торговых путей из Хорезма – на северо-запад и на побережье Каспия. Города длительное время являлись крупными транзитными точками на трассе северного ответвления Великого

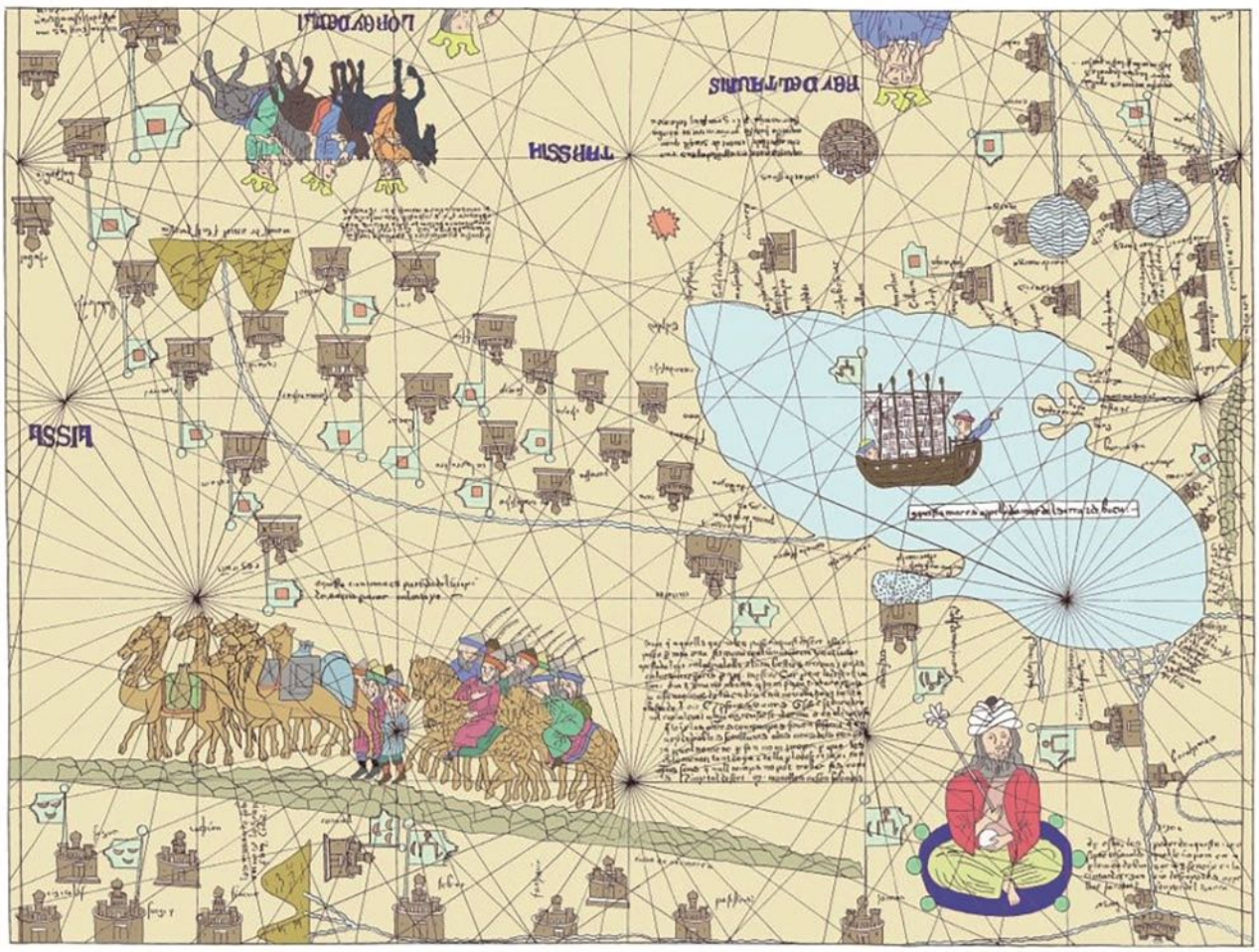


Рис. 4. Каталонская карта

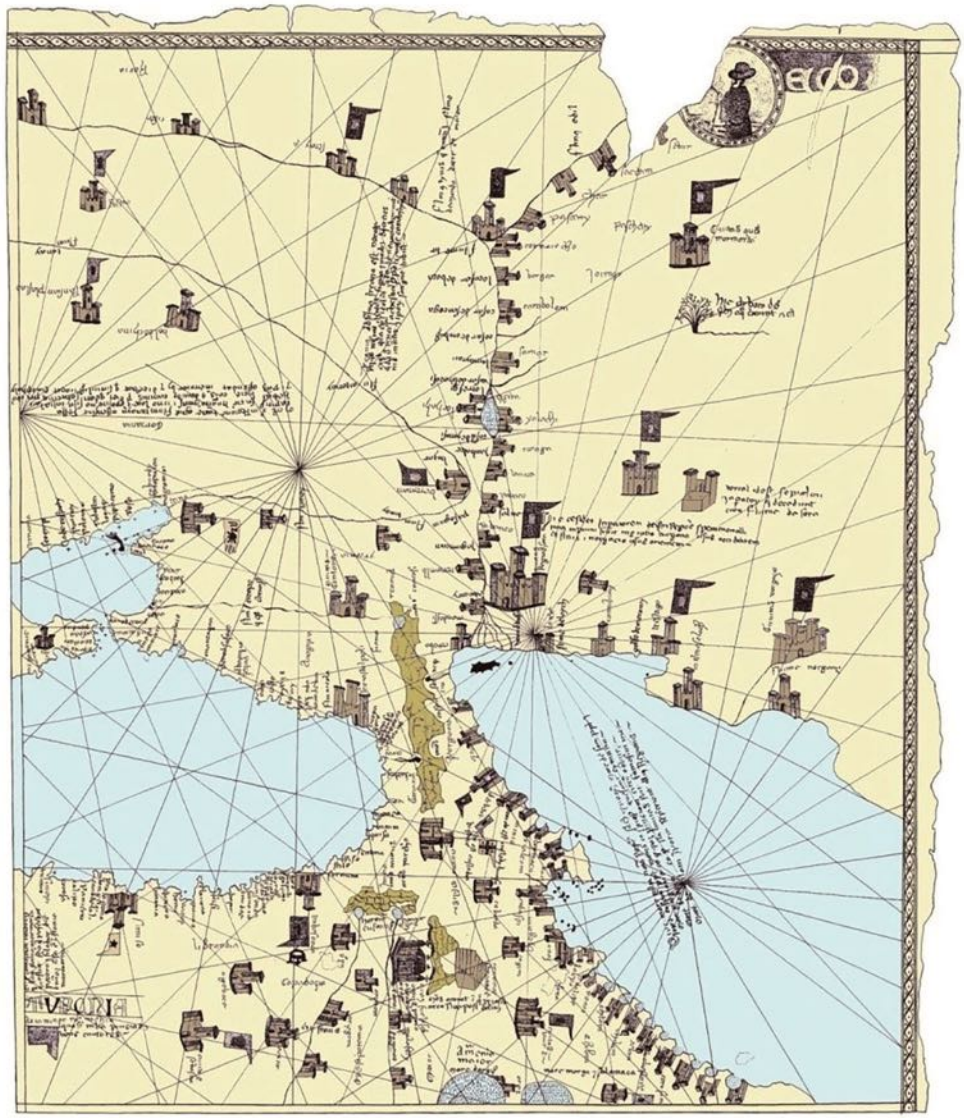


Рис. 5. Карта братьев Пиццигани

шелкового пути, позволявшим золотоордынскому и западноевропейскому купечеству торговать со странами Азии. Северное ответвление было связано с одной стороны прямой дорогой с первой столицей Золотой Орды – Сараем, с другой – с центром Хорезма – Ургенчем. В XIII–XIV вв. этот путь являлся основной караванной артерией, связывавшей Восток с Западом. Путь от Сарайчика до Ургенча издавна привлекал внимание исследователей и довольно хорошо известен. По всей трассе этой караванной дороги, отрезок которой шел из Сарайчика прямо на восток до р. Сагиз, были выложены дорожки из обтесанных камней, пролегавшие по пустынным безводным районам. На расстоянии, примерно соответствующем одному дневному переходу, были построены караван-сараи [Байпаков 2016: 14].

Таким образом, обширный материал, который дают письменные источники, в сочетании с археологическими данными является той базой, на основе которой мы постарались представить последовательно, этап за этапом, историю заселения региона. Все перечисленные работы выявили богатство и типологическое разнообразие археологических памятников и стали тем фундаментом, на котором возможно было начать работы по систематическому археологическому изучению региона как особого историко-культурного ареала.

ГЛАВА 2
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ

2.1. Природно-географическая характеристика региона

Исследуемый регион с запада омывается Каспийским морем – побережье выдается на западе в виде полуострова Мангистау с глубокими заливами Комсомолец, Мангышлакский, Казахский, Кендерли. В северо-восточной части Каспийского моря находятся Тюленьи острова – группа осторовов у Мангышлакского залива, к западу от полуострова Мангышлак и примерно в 13 км к северо-западу от полуострова Тупкараган, в 27 км к северу от Баутино [Берг 1934: 111]. Северная часть с обширными солончаками расположена на Прикаспийской низменности, южную часть занимают горы Мангистау (гора Бесшокы, 556 м), плато Устюрт, Мангышлак и Кендерли-Каясанское (на юге). Несколько впадин лежат ниже уровня моря, в том числе самая низкая точка Казахстана – впадина Каракия на полуострове Мангистау с отметкой –132 м. Большáя часть территории области занята полынно-солончаковой пустыней с участками кустарниковой растительности на бурых почвах; поверхность частично покрыта солончаками, такыровидными солонцами и песками с весьма редкой флорой. Климат резко континентальный, крайне засушливый. Средняя температура в январе −7 °С, в июле +27 °С (в отдельные дни максимальная температура превышает +40 °С). Осадков выпадает около 100–150 мм в год [Общая физико-географическая… 1950: 130–132].

В пределах административных границ Республики Казахстан располагается вся северная и значительная часть Западного Устюрта. Поверхность плато, ограниченная отчетливыми чинками, имеет непосредственно геологическую структуру района благодаря многометровой бронирующей толще известняков среднего сармата и нижнего понта. Уже в топографии района вырисовываются Северо-Устюртский прогиб (абсолютная высота в осевой части менее 100 м), Кассарминская мегантиклиналь (плоская поверхность со средними отметками 180–200 м), Карабауырская и Музбельская мегантиклинали Мангышлакской субширотной зоны, выраженные отчетливыми увалами (высоты 250–290 и 250–340 м соответственно), и Ассекеауданский прогиб (120–160 м). При более детальном рассмотрении тектонические структуры мелких порядков также находят отражение в, казалось бы, однообразном рельефе. Традиционно принято рассматривать вместе с Мангистау и территорию полуострова Бузачи, но она по устройству поверхности аналогична Прикаспийской аккумулятивной равнине [Герасимов 1952: 76–77].

Мангистау-Устюртская физико-географическая провинция занимает обширные территории юго-запада Туранской платформы и представлена платообразными возвышенностями и низкогорьями (абсолютная высота 500–560 м), приподнятыми равнинами и крупными песчаными массивами.

Низкогорья Мангистауских Каратау сложены пермотриасовыми отложениями, представлены песчаниками и сланцами, собраны в крутые складки, разбиты системой поперечных сбросов. Вершины их выровнены, поскольку в миоцене они были в основном абрадированы морем. Хребет Каратау окаймлен отложениями юрского и раннемелового возраста. Общий фон сглаженных низкогорий видоизменяется крутосклонными грядами, мелкими остроконечными сопками. Юго-западнее расположены хребты Северного и Южного Актау с крутыми склонами – чинками, сложенными разноцветными толщами мергелей, известняков, глин позднемелового

миоценового возраста. Данные хребты являются типичными куэстами: чинки обращены в сторону Каратау и сформированы сарматскими известняками. Пологие склоны их соответствуют падению слоев в обе стороны от поднятий Каратау и образованы мягкими мергелями и глинами. Характерен останцовый рельеф.

Западные окраины низкогорий плавно переходят в платообразную возвышенность Тупкараган, которая крутыми уступами обрывается в сторону Каспийского моря. В центральной части региона расположено слабоволнистое Мангистауское плато, сложенное ракушечно-оолитовыми миоценовыми и плиоценовыми известняками. Абсолютные отметки колеблются в пределах 200–300 м. В приморских чинках глины этого возраста образуют гигантские ступени древних оползней. В морфоструктурном отношении плато делится на три части: северную – наклоненную к югу, составленную из сарматского известняка; среднюю – выровненную ступень, переходящую местами в пологий вал, к которому прилегают богатейшие залежи нефти и газа; южную – полого-плоскую равнину, образованную известняками понта. На поверхности расположены серии бессточных котловин, абсолютные отметки которых ниже уровня океана: Каракия (–132 м), Кауынды (–57 м), Кошкарата, Жазгурлы, Басгурлы и др. Все они приурочены к оси Мангистауской синеклизы. Впадина Каракия является одной из крупнейших в мире. Днища этих котловин заняты сорами. По бортам характерны карстообразующие процессы [Алексейчик 1941: 132].

На самой границе с Туркменистаном расположено ступенчатое Кендерли-Каясанское плато, наклоненное на север. Плато сложено сарматскими известняками, на поверхности которых сохранены останцово-столовые возвышения. Восточные окраины провинции заняты бессточной котловиной Карынжарык, с барханными и бугристо-грядовыми, ячеисто-бугристыми песчаными массивами, к которым с севера примыкают пески Баскудыка, Бостанкума, Сауыскана, Туйесу, Сенгиркума и других природных зон, имеющих аналогичный характер и генезис. Все они созданы в результате эолового переноса.

На востоке провинции простирается обширное плато Устюрт, часть которого находится за пределами Республики Казахстан. Это возвышенная, почти плоская равнина с абсолютными высотами 300–350 м. Равнина слабо наклонена с юга на север. На северо-западе в зоне чинков имеются крупные соры – Матай, Асмантай, Косбулак, Сам. На восток от Устюрта расположена впадина Барсакелмес.

Плато Устюрт со всех сторон обрамляется чинками, высоты которых составляют несколько десятков метров. Плато слабо расчленено сухими неглубокими логами, хаками, воронками и бронировано сарматскими ракушечно-оолитовыми известняками. На Устюрте прослеживаются четыре пояса поднятий: Северо-Устюртский, Центральный, Музбелско-Карабауырский, Южно-Устюртский. Между ними отмечаются три прогиба: северный – с котловинами Матай, Сам; средний – с впадиной Барсакелмес; южный – с впадиной Ассекеаудан. Данные увалы не изменяют общий облик монотонных и однообразных ландшафтов. Это связано с тем, что поверхность плато не соответствует их первичному уровню, верхний слой увалов и прогибов переработан денудацией. Ведущую роль в денудации играли карстообразующие и солончаково-эоловые процессы.

Типичным мезорельефом Устюрта являются долинообразные ложбины не речного происхождения, лишенные аллювия, с большими линзами пресных вод. В строении платформенного чехла участвуют осадочные образования – от пермотриасовых, выходящих на дневную поверхность или залегающих сравнительно неглубоко в горной части, до современных – на побережье Каспийского моря и в песчаных массивах. В осадочных отложениях платформенного чехла содержится целая серия водоносных горизонтов, среди которых основными являются горизонты трещиноватых метаморфизированных пород пермотриаса, песчаных отложений средней юры, нижнего мела, отчасти палеогена и известняков сармата.

Наибольшее бальнеологическое значение имеют высоконапорные подземные воды отложений средней юры, местами палеоцена, залегающих на севере Устюрта и Мангистауского плато. На большей части их распространения в подземных водах содержатся кондиционные концентрации ряда микроэлементов (брома, йода, сероводорода и др.) и органических веществ. Нередко они имеют повышенную и высокую температуру. Эти показатели свидетельствуют об их биологически активных (лечебных) свойствах. Указанные воды разнообразны по химическому составу – от хлоридно-сульфатных, сульфатно-хлоридных, хлоридно-гидрокарбонатных, кальциево-натриевых и натриевых до хлоридных натриевых. Минерализация их изменяется в основном от 2 до 35 г/л. Воды такого состава развиты в юрских, нижнемеловых и палеогеновых отложениях на северо-востоке Мангистауского плато, в центральных и северо-восточных частях Устюрта. Глубина их распространения уменьшается от 1000 м в краевых зонах прогибов до 500 м в центральных частях. Подземные воды всюду напорные. Глубина

залегания 20–25 м. Самоизливающиеся скважины имеют производительность от 250–400 до 1500 м³/сут.

По лечебным свойствам наибольшее значение приобретают воды нижнемеловых отложений Южной Прикаратауской долины с глубиной залегания 100 м и минерализацией 3–20 г/л. Аналогичные воды характерны и для Узень-Жетыбайской нефтегазоносной структуры. В химический состав входят следующие микроэлементы: бром, йод, бор, аммоний и ряд металлических компонентов (мышьяк, марганец, цинк и др.), а также в небольших количествах органические элементы. Основным компонентом в составе растворенных в воде газов является азот, вблизи нефтяных месторождений – метан. Присутствуют сероводород (до 1–10 мг/л) и углекислый газ. Эти воды имеют лечебные свойства при заболеваниях органов пищеварения, мочевыводящих путей, а также при нарушении обмена веществ.

Особое бальнеологическое значение имеют комплексные воды, выявленные в районе города Актау. Эксплуатационные запасы этих вод составляют 432 м³/сут. Азотно-метановые и метановые, хлоридные, натриевые, сульфидные воды умеренной концентрации выявлены на Мангистауском плато (Ералиевское месторождение). Из биологических активных элементов можно назвать йод, бром, метаборную и кремниевую кислоты, из органических кислот – гуминовые и жирные кислоты, фенолы. В состав воды входят марганец, железо, ванадий, алюминий, барий, кремний. Кроме этого, йодобромные воды с повышенным содержанием сероводорода характерны для всех нефтегазоносных структур Мангистау-Устюртской физико-географической провинции. Высокие лечебные свойства можно применять при заболеваниях нервной системы, органов движения и опоры. Воды в некоторых родниках настолько обильны, что их используют для орошения овощных культур.

Плато Устюрт также обводнено за счет колодцев. В связи с тем, что в регионе отсутствует поверхностный сток, местное население расходует грунтовые воды для хозяйственных нужд. Особо значение имеют линзы грунтовых вод песчаных массивов. Водопровод Сауыскан – Актау частично удовлетворяет нужды жителей города и близлежащих поселков [Заиков 1941: 143].

Климат провинции в холодный период формируется под влиянием масс воздуха, поступающих из западного отрога Сибирского антициклона. В теплый период холодный воздух сменяется перегретыми тропическими массами из пустынь Средней Азии и Ирана. Под влиянием этих воздушных масс формируется континентальный засушливый климат. Среднеянварская температура составляет –9 °С на севере и повышаются до –3 °С на южных окраинах. Среднеиюльская варьируется от +26 до +28 °С соответственно, на морском побережье +25 °С. Сумма среднесуточной температуры воздуха выше 10 °С составляет 3600–4000 °С. Экстремальная температура –30… –34 °С зимой и +40… +45 °С летом. Длительность периода со среднесуточной температурой выше 0 °С составляет 217–252 дня. Безморозный период длится 170–220 дней. Последние заморозки весной могут наблюдаться 6–21 апреля, первые осенние – 8–30 октября. Влагообеспеченность недостаточна, коэффициент увлажнения составляет 0,2–0,3. Среднегодовая скорость ветра довольно значительна – от 4 до 7 м/с. Среднегодовое количество осадков составляет 180–200 мм в год, а в некоторые годы их величина не превышает 140–150 мм и даже меньше (до 100 мм). Устойчивый снежный покров образуется во второй декаде декабря, средняя высота его на севере 10–15 см. Распределение осадков по сезонам года неравномерное. За холодный период выпадает почти половина годовой нормы. Самые южные окраины провинции относятся к южной пустынной зоне, и максимум осадков приходится на осенне-зимне-весенний период.

На большей части территории Мангистау-Устюртской физико-географической провинции снег сохраняется меньше месяца. Сход снежного покрова происходит в первой половине марта, и к этому периоду приурочены первые этапы более активного функционирования природных комплексов. К весне запасы продуктивной влаги в метровом слое почвы составляют в среднем 50–60 мм, что равно 50–60 % наименьшей полевой влагоемкости. С наступлением второй половины мая запасы влаги уменьшаются до 10–30 %, а в отдельные годы до нулевых значений. Почвенная засуха зачастую сопровождается атмосферной. В такие годы функционирование природных комплексов заметно снижается, наблюдается преждевременное выгорание, изменяются геофизические параметры, и общий запас надземной массы резко уменьшается. Число дней суховеями 135–145, в отдельные годы до 185. Исходя из вышесказанного, следует отметить основную специфику климатических условий провинции – огромные запасы ресурсов тепла.

Современные природные комплексы региона отличаются друг от друга в простирании с севера на юг. Это связано не только с зональными отличиями биоты и почвенного покрова, где главными параметрами выступают гидрометрические условия. Специфика функционирования природных

комплексов главным образом привязана к основному ландшафтообразующему фактору – литогенной основе. Отличительной чертой современного функционирования природных комплексов является их мозаичность, в большей степени зависящая от характера материнских пород: на водоразделах Каратау-Актауских низкогорий развиваются сообщества злаков и полыней на светло-каштановых почвах; на щебнистых склонах куэстов, где мелкозем обогащен солями, – ксерофитная растительность с тасбиюргуниками на серо-бурых почвах; на платообразных возвышенностях Тупкарагана в условиях слабосолонцеватых слабокарбонатных бурых пустынных почв формируются белополынно-тырсиковые сообщества; на мелких песчаных массивах приморья и межгрядовых понижениях доминируют полынно-пырейные сообщества.

Природные комплексы Мангистауского плато сформированы на известняково-гипсовой литогенной основе и имеют среднепустынную биоту, образованную на серо-бурых неразвитых почвах. В целом все перечисленные природные комплексы слабоустойчивы к антропогенным факторам в связи с маломощностью почвенных горизонтов, динамичны и функционируют в условиях переходного среднепустынного и южно-пустынного гидротермических режимов. Самыми распространенными растительными ассоциациями являются биюргуновые и биюргуново-тасбиюргуновые, произрастающие на бурых и серо-бурых солонцеватых почвах Устюрта и Мангистауского плато. К этим ассоциациям примешиваются комплексы серополынников, кейреучников и редкие заросли черносаксаульников. Во влажные годы довольно обильны эфемеры: мятлик живородящий, осочка, бурачок и др. Кормовая ценность серополынно-боялычево-кейреучковых растительных сообществ в сочетании с чернополынниками намного выше, чем биюргунников. Такие угодья представляют несомненный интерес и имеют практическую значимость, поскольку используются круглогодично [Мамонов 1953: 152].

Широко распространены на Мангистауском плато серополынно-эфемеровая и эфемероидная растительность с примесью житняка сибирского, полыни астраханской и песчаной, мятлика луковичного, осочки вздутоплодной. На песчаных массивах Бостанкум и Карынжарык преобладают кустарниково-полынно-злаковая и житняково-терескеновая растительность с примесью жузгуна безлистного, из травянистых – ковыль, волосенец гигантский, мятлик луковичный. Значительные территории провинции имеют очень низкую продуктивность (0,1–1,2 ц/га), а в связи с деградацией пастбищных угодий развиваются крупные участки антропогенно-дефляционных пустошей. На таких выбитых почвах произрастают мортук, эбелек, которые нередко образуют сообщества с итсигеком и биюргуном.

Из вышесказанного следует, что естественные растительные ресурсы в основном используются для содержания и выпаса скота. Кормовые ресурсы имеют низкую видовую и количественную насыщенность с небольшим запасом надземной массы. Это объясняется и маломощным почвенным покровом, и низким содержанием гумуса, и суровыми погодными условиями. В годы, когда влагообеспеченность растительного покрова достаточна, продуктивность кормовых угодий достигает 3,8–5,6 ц/га. Проективное покрытие увеличивается от 5–10 до 30–50 %.

Развитие различных типов пастбищ позволяет организовать систему сезонного использования пастбищ, предотвратить деградацию столь ценных, но малопродуктивных участков. Территория Мангистау-Устюртской физико-географической провинции с древних времен используется в качестве пастбищных угодий [Физическая география…1991: 163–170].

Таким образом, расположение археологических памятников – Кызылкала, Кетиккала, Бесбулак, Уали, Тубежик, Карлыбас, Сыгынды, Коскудык, Белдеули и других на территории плато Устюрт и на полуострове Мангистау, специфика их пространственного размещения по отношению друг к другу, по отношению к разным формам рельефа и различным ландшафтам, а также конструктивные особенности таких памятников, как араны – Балга, Тузбайыр, Ащысор, Бауырбас, определяются в значительной степени зоопсихологическими, поведенческими (этологическими) факторами. Для жизни на этой территории большое значение имеют условия залегания и динамика подпочвенных вод. Действительно, бесплодные земли региона, скудость источников воды, сезонный характер пастбищ ограничивали весьма узкими рамками выбор формы хозяйственной адаптации в данном районе, позволяя вести лишь кочевое скотоводческое хозяйство с сезонными перекочевками только в меридиональном направлении, на пастбища с созревающими травами и располагающими лишь строго сезонными кормовыми ресурсами [Григорьев 1944: 130].

Средневековые памятники в регионе представлены только хорезмийскими. Тем не менее указания средневековых авторов акцентируют внимание на свидетельствах о расселении на Устюрте и Мангистау кочевых племен, в частности огузов.

2.2. Характеристика основных памятников: городища, караван-сараи

Важную роль в торгово-экономических контактах между Востоком и Западом играла территория полуострова Мангистау как один из транзитных участков торгового пути. Здесь сложилась удивительная комбинация сухопутного и морского торгового сообщения. Доставка товаров из Азии производилась караванами до берега Каспийского моря. Здесь товар перегружался на парусные суда, которые перевозили его на Волжское побережье или западный берег Каспия. Помимо этого, в морскую торговлю включилось Мангистауское побережье с удобными бухтами и гаванями, где курсировали каботажные суда.

Удивительно, что азиатско-европейские торговые отношения практически не отражены в документах и летописях того времени, а факт существования караванной торговли совсем не упоминается историками и географами Востока.

В настоящее время на территории региона известны остатки нескольких средневековых поселений. Одно из них располагается в местности Акмыш, недалеко от горы Шеркала. Местное название городища – Кызылкала.

Несмотря на то что городище Кызылкала находится на государственном учете и здесь в период с 1978 по 1984 г. спорадически проводились археологические раскопки Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Л.Л. Галкина (г. Москва), информация о памятнике остается очень скудной и малоинформативной. В ходе археологических исследований прошлого столетия были не полностью раскопаны фундаменты двух усадеб, обнаружены восемь мусульманских захоронений среди остатков фундамента наземной постройки (предположительно мавзолея) и три пода гончарных печей, закартировано более ста строений [Галкин 1991: 23].

Исследования Л.Л. Галкина установили однослойный характер поселения, которое существовало в X–XII вв. [Варущенко и др. 1987: 91]. Основные работы по обследованию площади городища были произведены в 2004–2005 и 2009 гг. [Астафьев 2004: 82; Астафьев 2005: 73; Астафьев 2010: 93]. В 2008 г. на территории городища работал археологический отряд под руководством М. Елеуова [Самашев, Елеуов 2008: 132]. В работе 2009 г. эти исследования были дополнены анализом базовой спутниковой съемки высокого разрешения Google-Земля.

Основное городище протянулось вдоль двух русловых проток с севера на юг на 700 м при ширине 400 м. Протоки на севере сливаются в единое русло. Их ширина достигает 15–20 м при глубине до 5 м. Восточное русло (местное название «родник Акмыш») имеет слабую обводненность водами нескольких маломощных родников. Местность на межрусловом участке относительно спокойная, с уклоном в северо-восточном направлении и перепадом высот до 4 м. В западном секторе находится грядовое возвышение, вытянутое по линии СЗЗ – ЮВВ на 140 м и преобладающее над местностью (рис. 6).

Городище состоит из остатков крепостного укрепления, по периметру окруженного многочисленными усадьбами. Укрепление отчетливо читается по высокому валу (высота до 3 м) с просматривающимися элементами массивных каменных кладок панцирного типа шириной 1,9–2 м. В средней части северо-западной стены устроены главные ворота. Конструктивно они образованы двумя башнями на концах стен с осевым смещением, чем определяется диагональный проход. По выступающим элементам каменных кладок с внешней стороны стен крепости читаются угловые и по две промежуточные башни общим числом 12. Башни выступают в среднем на 0,6 м на уровне поверхности крепостных валов при ширине до 5 м.

Гражданский поселенческий комплекс (рабат) хорошо прослеживается по местам массового распространения подъемного материала – черепков глиняной посуды, обломков плинфы, фрагментов костей животных и других находок, а также по фундаментам построек. Фундаменты (полностью или фрагментарно) определяются по каменным кладкам на уровне дневной поверхности или скоплению бутового камня. Согласно составленному в 2004 г. плану, обнаружено более двухсот фундаментов построек жилого и бытового назначения без учета остатков фундаментов, не читающихся на поверхности сырцовых построек. При дальнейшем изучении был открыт новый сегмент застройки усадебного типа в ЮЮВ секторе поселения, в районе затакыренного понижения. На этом участке обнаружены фундаменты 20–22 построек. Еще около десяти усадеб выявлено западнее крепостных валов на противоположном берегу русловой протоки.

Такырное понижение с юга и юго-востока ограничено двумя грядовыми возвышениями, между которыми размещается вал искусственного происхождения. Его протяженность около 70 м, ширина в нижнем основании достигает 20 м, а высота со стороны городища более 2 м. Вал в трех местах имеет большие промоины. С противоположной стороны от вала располагается также затакыренный участок поверхности (до 2 га), но с более высокими уровневыми отметками. Сюда подходит одно

Рис. 6. Городище Кызылкала. Аэрофотосъемка 2004 г.

из сухих русел сезонных водотоков, берущих начало у Каратауского хребта. Вероятнее всего, вал играл роль плотины водохранилища, питаемого ручейной водой.

В юго-восточном секторе городища за современным аулом открыт обширный участок (более 12 га), где фундаменты построек практически не фиксируются, но в большом количестве встречаются россыпи фрагментов красноглиняной станковой керамики. Восточный сектор этого участка затронут распашкой ныне заброшенной бахчи. Возможно, эта площадь была обитаемой и отводилась под сезонное заселение зимующих на окраинах поселения местных кочевников. Подобная ситуация, но в меньших масштабах, наблюдается на юго-западной окраине стойбища.

Практически по всей периферии застроенной части городища располагаются могильники. В юго-восточном секторе городище смыкается с синхронным мусульманским кладбищем, занимающим площадь в 2 га. Здесь отмечаются фундаменты сооружений, каменные выкладки и оградки. Надгробных архитектурных форм не найдено. Помимо кладбища выявлено 15 локальных скоплений остатков надмогильных сооружений в виде вытянутых каменных набросок, прямоугольных оградок, площадок и фундаментов оград или мавзолеев. Отдельные сооружения возводились с использованием плинфы и декоративного кирпича. В могильниках насчитывается от пяти – семи до 25–30 захоронений. Ориентация могил восток – запад с отклонением как к северу, так и к югу. Для каждого могильника характерна только определенная ориентация могил. Могильники основной массой располагаются на грядовых возвышениях или у их оснований.

В 2005 г. на юго-западной оконечности городища по древнему сухому руслу каскадом было выявлено 12 сильно затянутых ям диаметром 4–6 м. По периметру ям местами просматривается каменная обкладка. Современная глубина достигает 1 м. Нынешнее русло сезонных водотоков находится в 10–15 м западнее и на 1–1,3 м промыто ниже древнего. При анализе спутниковой съемки в 2009 г. в этом же русле (в 50 м выше по течению) зафиксировано еще 15 по-

добных углублений. С учетом вновь выявленных особенностей планировки городища его возможная площадь составляет более 70 га.

На основе анализа спутниковой съемки окрестностей городища в 0,8–1,3 км юго-западнее выявлен обширный участок древнего земледельческого возделывания, местами хорошо просматриваемый, с грядообразной разбивкой площади. Ранее здесь было зафиксировано небольшое огороженное пространство около 0,7 га с остатками небольшой запруды в старом сухом русле. Вблизи этого сектора встречались фрагменты станковой красноглиняной керамики. На северной части возделывания прослеживается, возможно, система водонакопительных ям и арыков. Общая площадь ныне определенного участка возделывания может составить около 30 га. Следует предполагать, что в ходе проведения детальной археологической разведки здесь может быть обнаружено небольшое земледельческое поселение.

При проведении полевых исследований была произведена топографическая съемка валов крепости с уточнением очертаний крепостных стен и башен. Съемка производилась вручную при помощи нивелира на основе сеточной разбивки площади крепости.

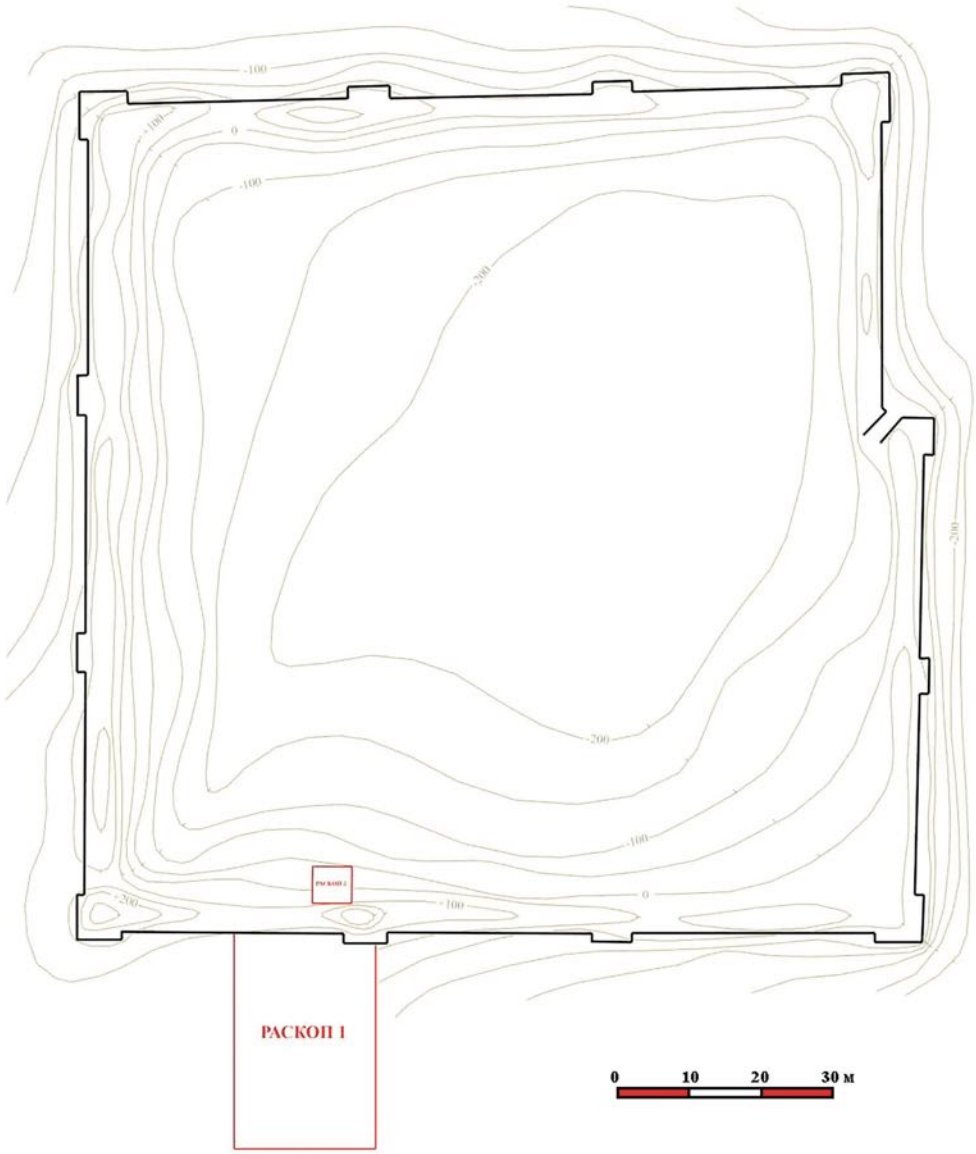


Рис. 7. Топографический план крепости городища Кызылкала

Установлено, что внешний ряд кладки панцирного типа сильно разобран практически по всему периметру крепости, но просчитывается на основе приметных сегментов внутреннего ряда кладки. Толщина каменной стены на уровне валов колеблется в интервале 180–210 см. Наиболее сильно пострадали внешние контуры башен. Их очертания прослеживались благодаря сохранившимся фрагментам кладок либо по аналогии уже открытых башен в основном раскопе, в восточном углу крепости, а контуры привратной башни угадывались исходя из линий внутренних кладок.

В ходе создания топографического плана выявлены детали устройства крепости. Параметры крепости по плоскостям стен на уровне поверхности валов следующие: северо-восточная 118 м, юго-восточная 116 м, юго-западная 116 м, северо-западная 118 м. Башни выступают на 1–1,2 м при средней ширине 6 м. Деформация квадратного плана крепости вызвана созданием диагональной конструкции входных ворот (рис. 8). Естественный уклон местности в северо-восточном направлении установлен на всем протяжении северо-западной стены и составляет перепад в 1,2 м между угловыми башнями.

Первоначально предполагалось, что крепость имела 13 башен. Однако начало работ по расчистке крепостных ворот установило наличие только одной башни. Таким образом, крепостная стена была укреплена 12 башнями, из которых четыре угловые и по две пристенные. Каменная стена повторяет очертания сырцовых башен. Перестройка коснулась только конструкции привратной башни. Угловые и пристенные башни в среднем (30 м) равноудалены друг от друга. Исключение составляет северо-восточная стена, где расстояния варьируются из-за конструкции ворот. Главные ворота располагались в северо-восточной стене крепости со стороны русла родника. Конструктивно они диагонального типа, укреплены одной башней.

Современная высота крепостных валов в пределах 1,6–3 м относительно прилегающих участков поверхности. Микрорельеф внутреннего пространства крепости указывает, что к южной башне с северо-западной стороны примыкали малые ворота (конструкция и размеры пока не определяются), имелся обширный двор. К стенам, за исключением северного участка северо-восточной стены, примыкали пахсовые или сырцовые постройки, ширина которых могла достигать до 8 м.

В восточном углу крепости, вероятно, находилась многокомнатная постройка. Плоскость двора крепости углублена относительно внешней поверхности на 50–90 см и имеет блюдцеобразное сечение.

В 2009 г. были исследованы крепостные ворота, расположенные в северо-восточной стене крепости. Основная задача археологов сводилась к ликвидации грунтового балласта до обнажения каких-либо культурных напластований или завалов каменных конструкций, а также к определению границ раскопа. В ходе раскопок удалялись рыхлый и затечный грунт, отдельные камни и блоки, остававшиеся в положении «на попа». Таким образом, были открыты верхние секторы стен входного проема северо-западной стены привратной башни и северо-восточной стены крепости. Кроме того, выровнена поверхность привратного участка до обнажения остатков, вероятно, пристроенного к основному комплексу укреплений привратного прохода.

Стены входного проема выложены массивными каменными блоками аналогично облицовке крепостных стен. В результате расчистки входного проема открыт каменно-кирпичный завал, возможно, возникший

Рис. 8. Местонахождение арабографических надписей на каменном блоке восточной стены прохода крепостных ворот городища Кызылкала

в результате обвала арочного перекрытия. Завал не разбирался. В глубине прохода практически на уровне современной поверхности открыты два ряда фрагментов кирпичной кладки, примыкающих под тупым углом к западной стене проема. Возможно, кладка маркирует поворот прохода вдоль крепостной стены. На одном из блоков восточной стены входного проема сохранились две арабографические надписи (рис. 8).

К северному углу привратной башни прилегают остатки сильно разобранной на камень постройки трапециевидной в плане формы с оползанием кладок в сторону общего уклона местности (рис. 9). Через просвет с северо-запада к ней примыкает еще одно помещение. Возможно, это сооружение в комплексе с дополнительной, но еще не открытой стеной формирует первые ворота, пристроенные в более поздний период, чем строительство каменной стены крепости. Отмечается плотный глинистый затек между первыми воротами и открытым участком северо-восточной стены крепости.

По периметру городища располагается обширный могильник, разделенный топографически на отдельные группы. Была предпринята попытка пробных раскопок на участке могильника, примыкающего к современным постройкам небольшого аула. Группа надгробий в виде прямоугольных или ящикоподобных выкладок располагается на восточном берегу глубокого русла сезонного ручья, в 280 м юго-восточнее крепости. Небольшой раскоп был заложен непосредственно на участке степной дороги, пролегавшей через вероятные надмогильные сооружения.

Ввиду сильной укатанности грунта произведена заливка водой отведенного участка, после чего начаты работы по расчистке каменных скоплений. Открыты два каменных скопления, вытянутых продольной осью по линии СЗЗ – ЮВВ и залегавших друг от друга на расстоянии 1 м.

Скопление 1 состоит из пяти крупных и восьми мелких плит песчаника. Плиты уложены в одну линию и имеют одинаковый уклон в северо-восточную сторону. Разборка камней и зачистка основания не дали признаков вероятного наличия очертаний могильной ямы. Подстилающий грунт лессово-щебнистой плотной

Рис. 9. Остатки привратных построек в районе крепостной башни городища Кызылкала

структуры.

Скопление 2 протяженностью чуть больше 3 м при наибольшей ширине 1 м. До расчистки на современной поверхности условно просматривался контур каменного прямоугольника. После расчистки в центре конструкции было открыто просевшее многослойное плитчатое перекрытие (рис. 10).

Проседание плит отмечается до глубины 0,5 м от условного уровня древней поверхности. В ходе разборки плитчатого завала оконтурены границы узкой могильной ямы. На глубине 0,5 м от уровня древней поверхности через уступ высотой 0,25 м могила сужается до погребальной камеры. На дне могилы (0,8 м от уровня древней поверхности) расчищен скелет взрослого мужчины, лежавшего в вытянутом положении на спине, головой на СЗЗ. Костяк частично поврежден грызунами. Ось тела слегка изогнута. Череп лежит на правой стороне, челюсти сомкнуты. Кости рук вытянуты вдоль тела. Кости ног сведены в области колен, что, вероятно, свидетельствует о пеленании умершего. Характер залегания провалившегося перекрытия указывает на то, что могильная яма на момент создания плитчатого свода не имела засыпки. Размер и конфигурация плит не позволяют создать без дополнительных опор устойчивого заграждения. По этой причине возможно предположение о существовании деревянной обрешетки, на которую укладывались плиты. Наличие по соседству с могилой каменной выкладки может подразумевать устройство в древности прямоугольной ограды, позже практически полностью разобранной.

Следующий раскоп был заложен с внутренней стороны крепостного вала с целью определения конструктивного устройства внутренней части стены, выполненной сырцовым кирпичом. Общая протяженность северо-западного разреза культурных напластований вокруг крепостной стены составила почти 19 м. При анализе вскрытых остатков глинобитных конструкций раскопа можно составить следующие выводы:

1. Фундаментом крепостной стены служат остатки глинобитной стены раннего происхождения. Ее шири-

Рис. 10. Остатки плитчатого перекрытия погребения могильника 1 городища Кызылкала

Рис. 11. Участок кладки внутренней поверхности крепостной стены городища Кызылкала. Сырцовая кладка чередуется с толстым слоем глиняного раствора

на в основании достигала 3,5 м. Внешняя и внутренняя поверхности стены имеют положительный уклон с приблизительным углом наклона 15°–18°. Верхняя часть стены с внутренней стороны облицована сырцовым кирпичом из серой глины 25 × 25 × 4 см, с толстым прослоем глиняного раствора, который имеет толщину 5–6 см (рис. 11). Этот тип кладки характерен для территории Хорезма периода раннего Средневековья [Толстов 1962: 250].

На высоте в пределах 3–3,5 м от материковой поверхности, в разрезе сильно оплывших глинобитных кладок хорошо просматриваются внешние и внутренние границы бортика, сохранившегося на высоту более 0,5 м. При этом мы не заметили следов сырцовых кирпичей ни при вертикальной, ни при горизонтальной зачистке, что указывает на пахсовый тип возведения бортика или верхнего пояса стены. Согласно изучению стенок второй выгребной ямы позднего происхождения, частично прорезавшей крепостную стену, фундаментом последней служила также пахсовая набивка. Предположительно, боевая площадка располагалась на высоте 3 м от поверхности. С учетом возможной высоты бортика и крепостных зубцов общая высота стены могла достигать высоты 5 м (рис. 12). Глинобитная стена крепости, как и каменная, имела башни, выступавшие на 0,6–0,8 м. На основе четко прослеженных границ между глинобитной стеной и ее каменной облицовкой на поверхности западного угла крепостного вала достоверно известно, что ширина выступов угловых башен достигала 6,5 м, а промежуточных – 4,8–6,5 м.

Вероятнее всего, строительство глинобитной стены связано со временем появления больших ям с внешней стороны у ее основания, откуда брали глину для возведения стены, что совпадает по времени с возведением горизонта 1 раскопа 1. В хронологическом порядке соответствует X в.

2. В период возведения стена была укреплена толстыми (более 1 м) перегородками внутренних помещений. Одна стена попала на площадь раскопа,

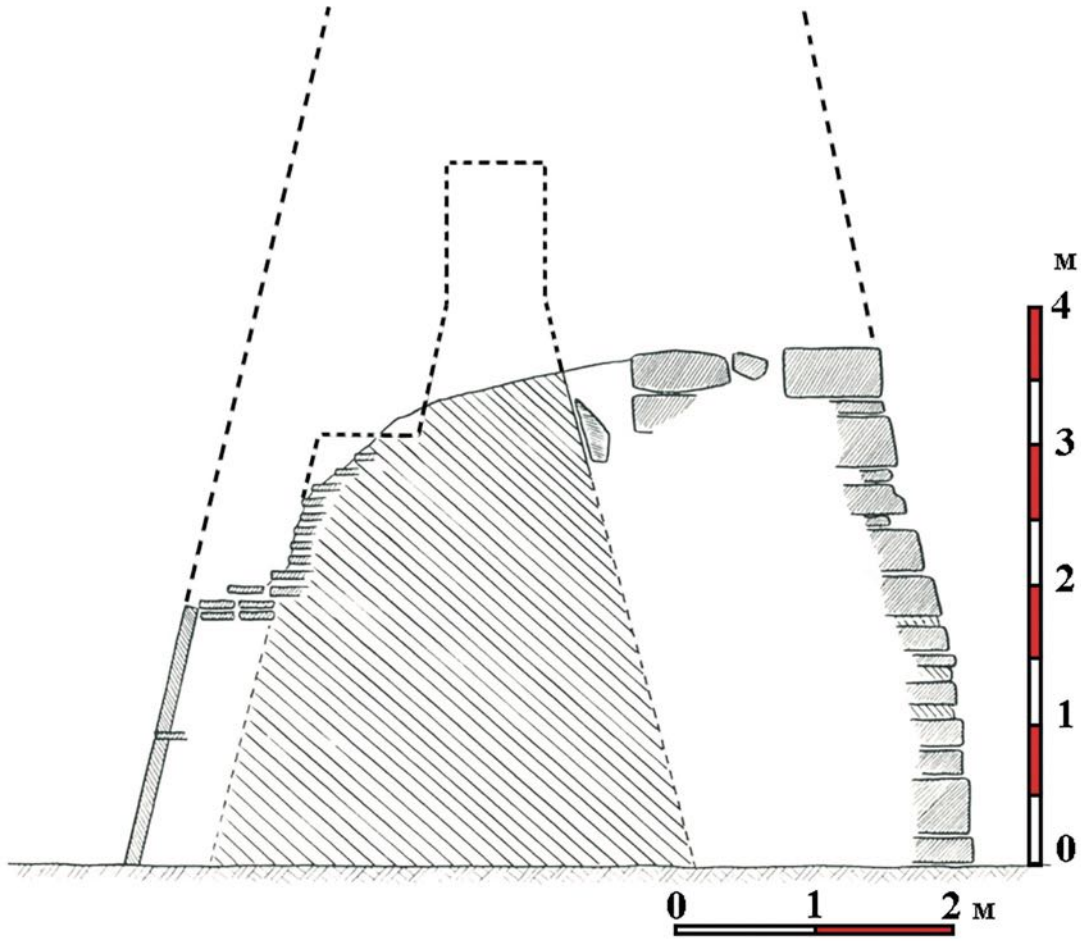


Рис. 12. Разрез крепостной стены городища Кызылкала. Выделена сырцовая стена

но была вскрыта только, с одной стороны. Контур границы второй стены прослежен в юго-западной стенке раскопа 2. Расстояние между стенами 3,6 м. Наибольшая сохранившаяся высота 1,4 м. Плоскости стен имели положительный уклон. Тип глинобитной кладки – пахса с последующей облицовкой толстым слоем двухцветной глины (верхний горизонт – серая глина, нижний – коричневатая). Облицовка и выравнивание стен производились по направляющим дощечкам, от которых на поверхности стены сохранились продольные и поперечные желобки (рис. 13). Желобки после выравнивания поверхности затирались глиняным раствором.

Описанные стены, наряду с выступающими крепостными башнями, могли играть роль контрфорсов.

3. В период возведения горизонта 3 (соответствует событиям XI в.) происходит перестраивание крепостной стены: с внешней стороны она укрепляется каменными кладками, а с внутренней наращивается на толщину 0,6 м за счет двух рядов сырцового кирпича, дополнительно укрепленного толстой глиняной обмазкой. По технике исполнения обмазка аналогична описанной выше с той лишь разницей, что применялась одноцветная коричневатая глина и горизонтальная граница между ярусами прокладывалась одним рядом сырцового кирпича. Выровненная и тщательно оштукатуренная поверхность была побелена. Сырцовый кирпич (25 × 25 × 4 см) изготавливался из коричневатой глины с толстым (до 6 см) прослоем глиняного раствора. Сохранившаяся высота наращенной кладки 1,8 м.

4. Некоторое время спустя к юго-западной стене X в., возможно, частично разрушенной, пристраивается стенка, сложенная из сырцового кирпича 26 × 26 × 5 см с тонким глиняным раствором. Ширина ее 0,6 м.

Плоскость стенки имела тонкую глиняную штукатурку. Стенка сохранилась на высоту 1,4 м. В средней части вскрытого участка стеновые кладки сильно разрушены, за счет чего их высота составляет 0,7 м.

5. После возведения этой стенки в помещении нарастает культурный слой с использованием открытых необустроенных очагов (нижний слой). Мощность слоя 0,2 м.

6. Следующий этап – использование помещения в качестве отхожего места, за которым следует период разрушения перегородок.

7. Последний этап – образование мусорного пласта (верхний слой) и его перекрытие глинистым слоем разрушающихся стен. В какой-то отрезок этого времени, частично прорезая глинобитную крепостную стену, сооружается глубокая выгребная яма с расходящимися к низу стенками и ровным дном диаметром 1,4 м. Серо-зеленая уплотненная супесь отмечена только на дне ямы слоем в 10 см. Остальное заполнение – комковатый неоднородный грунт как следствие разрушения и осыпания стенок ямы. Предположительно, этот слой связан с периодом позднего Средневековья.

В 1,5 км северо-восточнее городища Кызылкала, у основания горы Шеркала находится небольшое укрепленное поселение. Условное название «Шеркала 1» (рис. 14). Памятник выявлен Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Л.Л. Галкина в 1982 г. [Галкин 1982: 37].

Памятник стоит на краю обширной долины Акмыш, в которую выходит часть русел родниковых и паводковых вод Прикаратауской площади. Поселение устроено под северной стеной горы Шеркала, между двух природных гряд. Здесь же, с напольной стороны, находится грунтово-каменный вал протяженностью более 180 м при высоте 1,5–1,7 м и ширине 5 м (рис. 15). Вал имеет два разрыва, обозначенных сухими руслами. В местах рассечения вала просматриваются элементы каменной двухрядной кладки шириной 2,5 м, выполненной природным камнем и определяющей наличие остатков крепостной стены. По природным грядам располагаются остатки каменной однорядной стенки. Общая площадь отгороженной территории составляет

Рис. 13. Пахсовая стена внутрикрепостного помещения

Рис. 14. Городище Шеркала

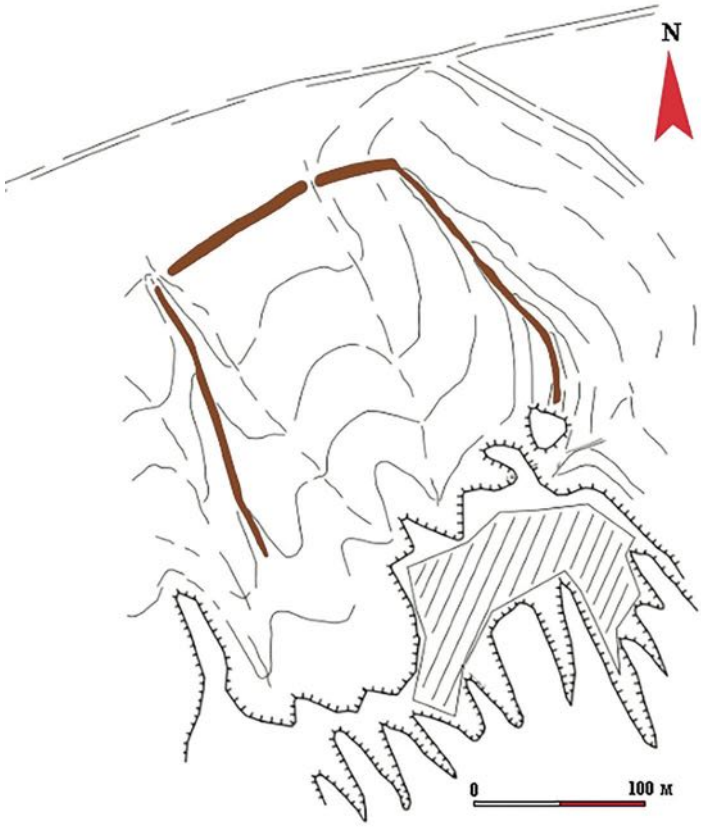


Рис. 15. План городища Шеркала

Рис. 16. Городище Кетиккала. Спутниковая съемка

около 5 га. В юго-восточной стене горы, к которой примыкает городище, имеется лаз на гору, где находилась небольшая обитаемая площадка в 1 га. В стенах русловых промоин были вырублены небольшие обитаемые ниши. На поселении площадью 12 га в изобилии встречаются керамический материал домонгольского периода и обломки красного кирпича, аналогичные кызылкалинским материалам. Археологические раскопки на памятнике не проводились.

Исследования последних лет позволили открыть на территории региона еще одно практически не изученное направление торгового сообщения. Считалось, что во второй половине XIII – XIV в. существовала только одна торговая артерия в регионе Арало-Каспия – из Ургенча в Сарайчик через плато Устюрт. Однако некоторая часть товаров в Сарай Бату доставлялась через Мангистау морским путем. Здесь, в удобной Тупкараганской бухте, в XIV в. существовало небольшое поселение под местным названием «Кетиккала». Его остатки обнаружены у северной оконечности скального кряжа Курганташ. Ныне поселение отстоит на 3 км от береговой линии бухты. Но в XIV в. море уходило значительно южнее, позволяя торговым судам причаливать в непосредственной близости от портового городка. Предполагаемая площадь поселения около 4 га.

Городище Кетиккала располагается в 800 м на северо-восток от г. Форт-Шевченко. Выявлено Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Л.Л. Галкина в 1983 г. [Галкин 1983: 21].

На современной поверхности фиксируются по вертикально врытым плитам остатки 14 каменных сооружений. Среди них выделяется фундамент крупной постройки 18 × 27 м, исследованной в 1984 г. ВУАЭ (рис. 16). Городище стоит на нижней морской террасе, сложенной выходами скальных гряд и морских песчаных отложений. Площадь распространения культурного слоя с западной стороны ограничена низкими отметками обширного песчаного пляжа, затапливаемого в периоды высокого стояния Каспийского моря (–22 м) (рис. 17).

В 2009 г. по проекту «Археологическая разведка на окрестностях Форта-Шевченко и поселках Аташ и Баутино» был произведен рекогносцировочный раскоп для выявления стратиграфии городища (рис. 18).

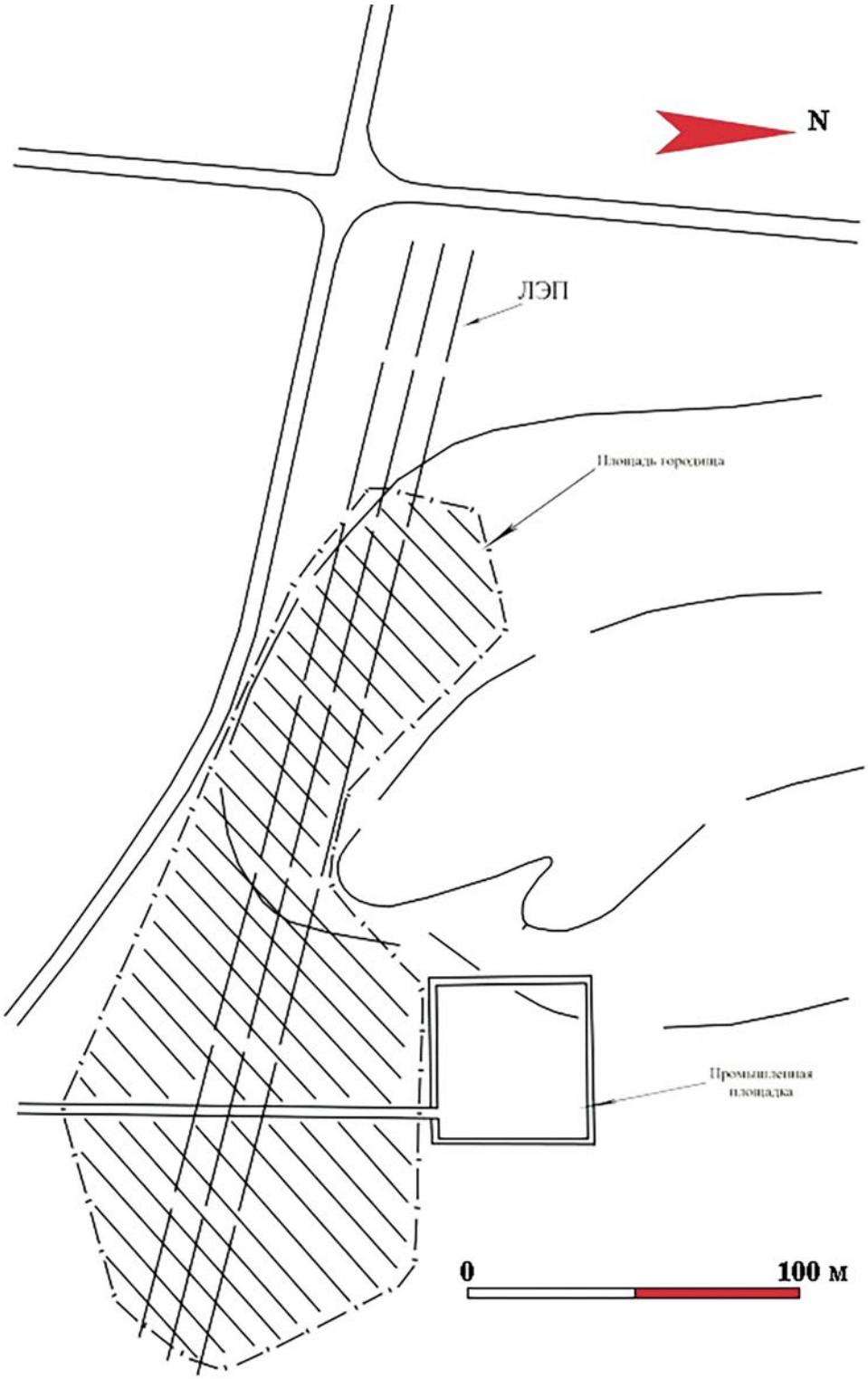


Рис. 17. План городища Кетиккала

Городище первоначально занимало площадь более 16 га. Границы определяются по распространению обломков глиняной посуды. В настоящее время треть его территории в северном секторе практически полностью разрушена песчаным карьером. Сохранилась центральная часть города (это около 5 га), представленная тремя или четырьмя строительными горизонтами. Здесь мощность культурных отложений составляет 2 м. Слои перекрыты песчаным надувом и пластом современного строительного мусора. Через поселение проложены четыре линии электропередач. По предварительным данным, в основании городища лежат большие землянки, позже сменившиеся наземными постройками из обработанного камня и сырцового кирпича, а также полуземлянки с конструкцией стен из вертикально установленных плит. Культурный слой насыщен материалами XIV в. (керамика, изделия из камня, железа, меди и бронзы, стёкла и монеты). Имеются свидетельства существования земледелия у насельников данной местности. Керамический материал доказывает наличие торговых контактов с Хорезмом, Ираном, Китаем, Азербайджаном. Вероятно, именно этот город указан на итальянских картах второй половины XIV в. Городище имело статус ключевого портового города на восточном побережье Каспия. Могильники не выявлены.

Недалеко от Кетиккалы в северо-восточном направлении выявлено городище Коргантас. Памятник располагается на северо-восточной оконечности г. Форт-Шевченко, занимает часть скального кряжа Коргантас и его основание с восточной и западной стороны [Астафьев 2008: 18]. Городище имеет площадь, предположительно, 15 га (рис. 19). Вероятно, состояло из укрепленной крепостными стенами цитадели площадью 4,5 га и торгово-ремесленной слободы. Зафиксированы архитектурные элементы благоустройства склонов кряжа (искусственное террасирование). Найден небольшой могильник. Точные границы городища не определены: они размыты в период активного гражданского и хозяйственного строительства в 60–70-х гг. прошлого столетия.

На основании анализа подъемного материала (станковая и лепная керамика) (рис. 20) установлено,

Рис. 18. Рекогноцировочный раскоп на городище Кетиккала

Рис. 19. Городище Коргантас (синий контур) и городище Кетиккала (красный контур). Спутниковая съемка

что городище основано в домонгольский период (ориентировочная дата – XII в.) оседлыми кочевниками как портово-торговое поселение. Население занималось земледелием, обработкой меди и железа, производством лепной качественной посуды.

Домонгольским периодом датируются большинство выявленных на данный момент городищ. Одним из таких памятников является городище Уали **1**. Городище находится в 6 км на северо-запад от 6-го разъезда. Выявлено археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Справочные статьи…2006:]. Городище площадью 10 га читается по остаткам земляного вала высотой до 2 м и шириной 30–35 м, в плане имеющего овальную планировку 300 × 170 м, длинной осью ориентированную по линии восток – запад (рис. 21).

В северо-западном секторе вал имеет разрыв шириной 10 м. На вершине вала местами сохранились участки цокольной двухрядной кладки каменной стены шириной 2 м. В северо-западном секторе, в районе прохода по валу, просматриваются очертания четырехугольной постройки.

Здесь же сохранилась цокольная однорядная кладка пристройки к валу размером 70 × 30 м. Еще один фундамент двухкомнатного помещения 14 × 10 м находится у основания вала в юго-восточном секторе. В пределах вала с концентрацией в западном сегменте встречаются фрагменты станковой красноглиняной керамики домонгольского периода (XI–XIV вв.).

На юго-западном направлении, в 50 км от городища Уали 1 располагается городище Бесбулак **1**. Оно находится в 34 км на СВВ от пос. Сай-Отес. Выявлено в результате археологической разведки Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1990 г. [Галкин 1991: 23].

Остатки городища примыкают к краю восточного борта небольшого ущелья Бесбулак Западного чинка

плато Устюрт. Памятник состоит из двух объектов. Объект 1 – остатки небольшой руинированной крепости 17 × 15 м с угловыми, вероятно, полукруглыми башнями и проходом в северо-восточной стене. Кладки не прослеживаются. Ширина каменных валов достигает 6 м при высоте 2 м. Крепость устроена на небольшом скальном останце высотой 5 м. У северного угла крепости находится обустроенный серпантиновидный спуск с борта ущелья к пресноводному роднику. Объект 2 – остатки большой четырехугольной крепости, привязанной к скальному обрыву. Длина стен составляет 44, 45 и 45 м. В юго-западной стене недалеко от обрыва имеется проход в крепость в виде перекрывающих друг друга участков стен. Стены в современном виде выглядят в виде каменно-грунтовых валов шириной 5–6 м при высоте 1,2–1,5 м, в которых просматриваются элементы горизонтальных кладок. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой без раствора, из природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки 1,3–1,5 м, сохранившаяся высота до 1,3 м (рис. 22).

Восточный угол малой крепости и южный угол большой крепости соединены друг с другом слегка дугообразной цепочкой в виде семи небольших

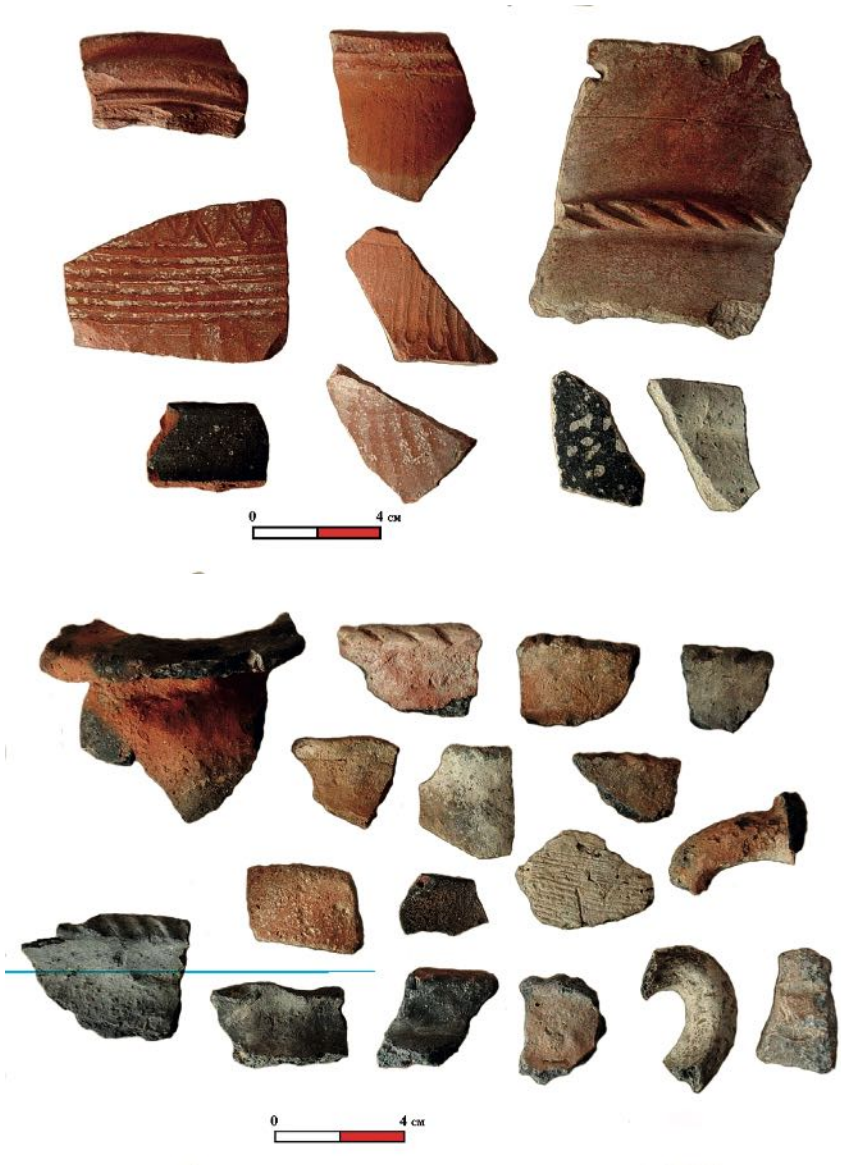


Рис. 20. Фрагменты станковой и лепной керамики домонгольского периода городища Коргантас. Подъемные материалы

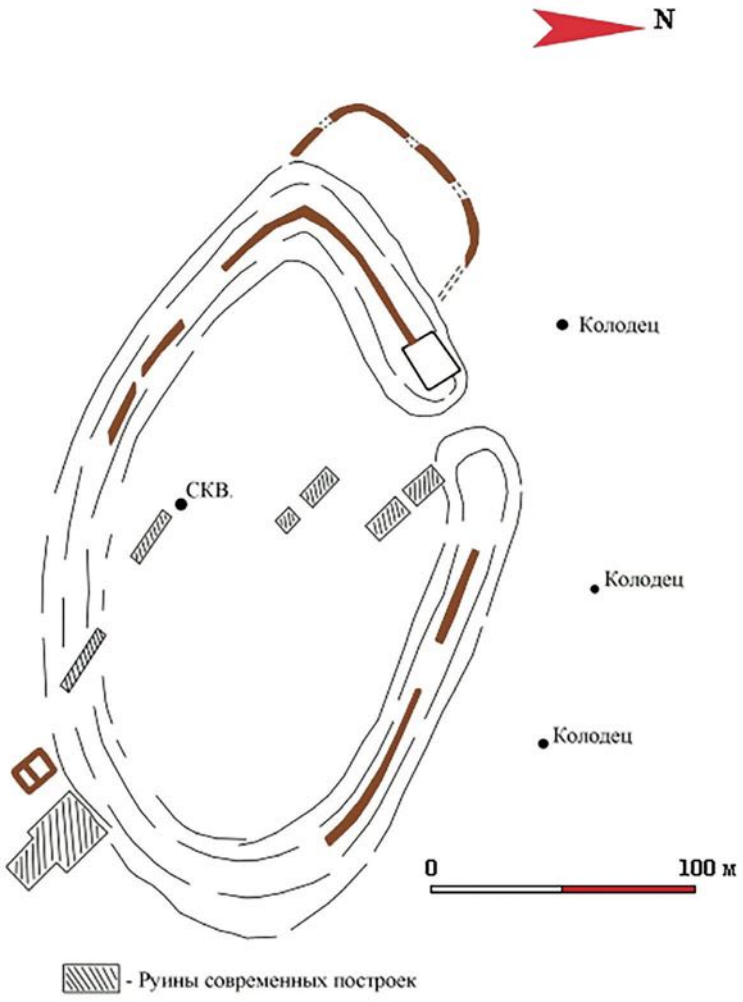


Рис. 21.
Остатки крепостного вала и план городища Уали

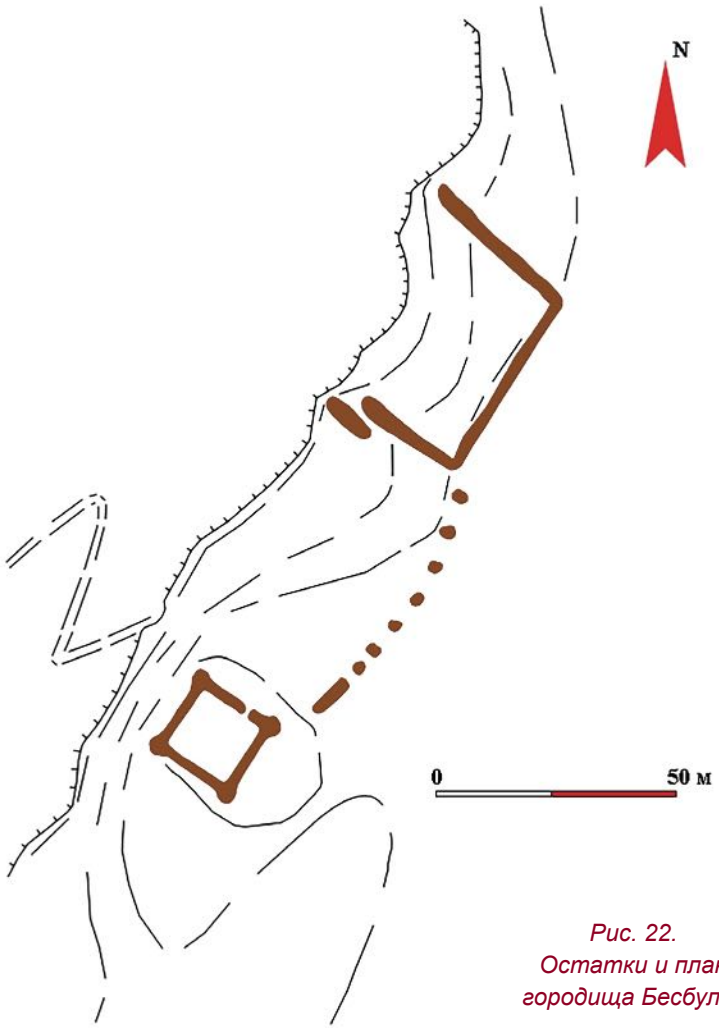


Рис. 22.
Остатки и план
городища Бесбулак

курганообразных каменных набросок и участка каменного вала шириной 2 м, протяженностью 8 м.

С напольной стороны перед городищем выявлены мелкие фрагменты станковой красноглиняной керамики, датируемой X–XIII вв.

В 60 км к юго-западу от городища Кызылкала, в каньоне Ушкую у восточного борта впадины Каракия было найдено еще одно укрепленное поселение, находящееся на расстоянии, равном дневному переходу (около 35–45 км), от Актауской бухты. Каньон тянется более чем на 20 км от колодцев Бекы. Городище Ушкую датируется золотоордынским периодом, находится в 38 км на восток от ж/д ст. Мангистау. Выявлено сотрудниками МГИКЗ в 2004 г. [Справочные статьи…2006:]. Городище площадью 10 га устроено на скальном уступе, образованном в результате оползневого процесса известнякового пласта (рис. 23).

Уступ со стороны плато перекрыт шестью квадратными башнями 4 × 4 м, высотой до 3 м, расположенными на расстоянии 100–160 м. Одна башня возведена на скальном останце. С юго-востока, со стороны плато и склона, уступ укреплен крепостными стенами высотой 1–2 м. Основная крепостная стена сложена методом двухрядной кладки с каменно-грунтовой забутовкой. Со стороны спуска имеется проход, зафиксированный двумя четырехугольными полубашнями. Здесь же сохранились участки обустроенной тропы-спуска. На площади укрепленной части уступа находится пещера протяженностью более 60 м. На некоторых участках уступа отмечается искусственное выравнивание и расширение площадок.

Найдены изображения средневековых тамг. На площади городища встречаются фрагменты станковой красноглиняной керамики XIV–XV вв. Выявлены один могильник, относящийся к XII–XIII вв., и небольшое кладбище. Через колодцы Бекы, согласно описаниям караванных путей, сделанным русскими топографами в XIX в., проходила одна из караванных дорог [Ливкин 1902: 65–74]. Найденные обломки керамики актамского типа позволяют связать эту крепость с периодом XIV в. и, возможно, наметить еще одну ветку караванной дороги, ведущей через современный поселок Сенек к устюртскому подъему Каражар-Босага [О полуострове Мангышлак… 1873: 74–78].

На побережье залива Кочак обнаружено ранее неизвестное поселение, наименованное по названию

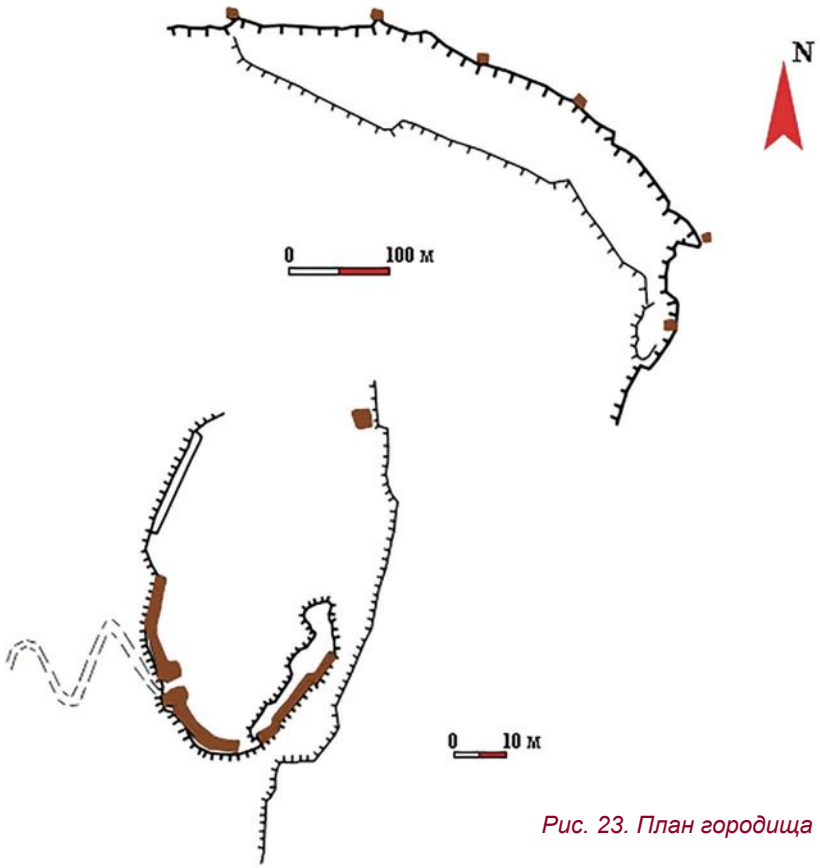


Рис. 23. План городища Ушкую

каньона Каракавак, предположительно относящееся к периоду IX–X вв. Городище располагается в 17 км на север от пос. Таучик. Выявлено археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Справочные статьи…2006:]. Последние годы под руководством А.Е. Астафьева производятся интенсивные археологические исследования. Согласно их результатам, нижний слой поселения более древний, а само городище относится к гуннскому периоду V–VI вв. [Астафьев, Богданов 2019: 17–38].

Город состоял из естественно укрепленной «цитадели» в виде скального мыса площадью около 15 га, вокруг которой располагались поселения и отдельно стоящие усадьбы с несколькими могильниками общей площадью более 30 га (рис. 24). «Цитадель», возвышающаяся над окружающей местностью на 45–50 м, с восточной стороны отделена от плато большим природным рвом, один из бортов которого укреплен каменной стеной протяженностью около 50 м. Крепостная стена ныне превратилась в каменный вал. Попасть в «цитадель» можно было только через ров и крепостные ворота или с противоположной стороны почти по отвесной стенке, в которой были прорублены ступени.

Ровная площадь останца была почти полностью застроена каменными сооружениями, от которых сохранилось большое число курганных насыпей. Самые большие из них располагались в центральной части «цитадели» и имели диаметр 20–25 м. Эти курганы сопоставимы с руинами крупных многокомнатных построек, возможно, дворцового комплекса местного правителя.

Вся площадь «цитадели» усыпана обломками керамической посуды. Местами встречаются расколотые кости животных, следы обработки железа и меди. Большая часть глиняной посуды изготовлена методом ручной лепки, но имеет прекрасный печной обжиг. Судя по фрагментам, это были котлы и горшки с плоскими днищами, различных размеров. Часть посуды весьма необычна для территории региона. Она изготовлена на гончарном круге и очень высокого качества. Такая керамика производилась на территории Хазарии и Волжской Булгарии в IX–X вв. [Плетнева 1976: 98], где главными городскими центрами были Итиль и Булгар.

Керамика Нижнего Поволжья, найденная на побережье полуострова Мангистау, свидетельствует как минимум о торговых контактах между Каракавакским городищем и Итилем через Каспийское море.

Торговля являлась важнейшей составляющей жизни человеческого общества с древнейших времен. Известно, что некоторый обмен материальными продуктами у многих народов осуществлялся уже в каменном веке. Однако торговля в современном понимании этого термина, то есть обмен с целью получения выгоды, стала развиваться только тогда, когда стали появляться излишки производимых продуктов и товаров. Внутренняя, а затем и внешняя торговля становится существенным фактором исторического развития стран в разные эпохи [Зиливинская 2018: 11].

В II в. до н. э. на Востоке сложился Великий караванный путь, соединявший Средиземноморье и Восточный Туркестан. Он проходил через Кавказ, Месопотамию, Иран, Среднюю Азию и Семиречье и был оборудован колодцами и постоялыми дворами, которые известны на территории Парфии [Гульмурадов 1978: 149]. К парфянскому времени относится городской постоялый двор в Дура-Европос – торгово-перевалочный пункт на пути караванов. Планировка его напоминает более поздние караван-сараи, так как в основе плана лежит большой двор, по периметру которого находятся различные помещения [Всеобщая история…1971: 318].

Для путешественников составлялись «дорожники», в которых указывалось расположение стоянок и расстояние между ними. К ним относится известное произведение Исидора Харакского, в котором дается описание двух «царских дорог», связывающих различные районы Парфии, с указанием мест для постоя [Антология источников… 2000: 378]. В Средние века в Центральной Азии до прихода арабов на торговых путях существовали постоялые дворы как необходимый элемент международной торговли. В Иране в сасанидское время строились «торговые крепости», служившие для обороны, но приспособленные также для приема и содержания купеческих караванов [Хмельницкий 1992: 179].

Средняя Азии, в отличие от Ирана, где была сильная центральная власть, состояла из небольших разрозненных владений; в доисламский период таких учреждений известно немного. В Ташкентском оазисе исследовано каменное здание с большим внутренним двором, которое, предположительно, считается караван-сараем середины I тыс. н. э. [Буряков 1978: 179]. Есть данные, что в VII–VIII вв. в Согде существовали постоялые дворы, причем, судя по письменным источникам, владельцем двух из них, расположенных в верховьях Зеравшана, был согдийский правитель Дивашчич [Смирнова 1970: 179]. Только после арабских завоеваний на Востоке складывается достаточно стандартный и хорошо узнаваемый тип постоялого

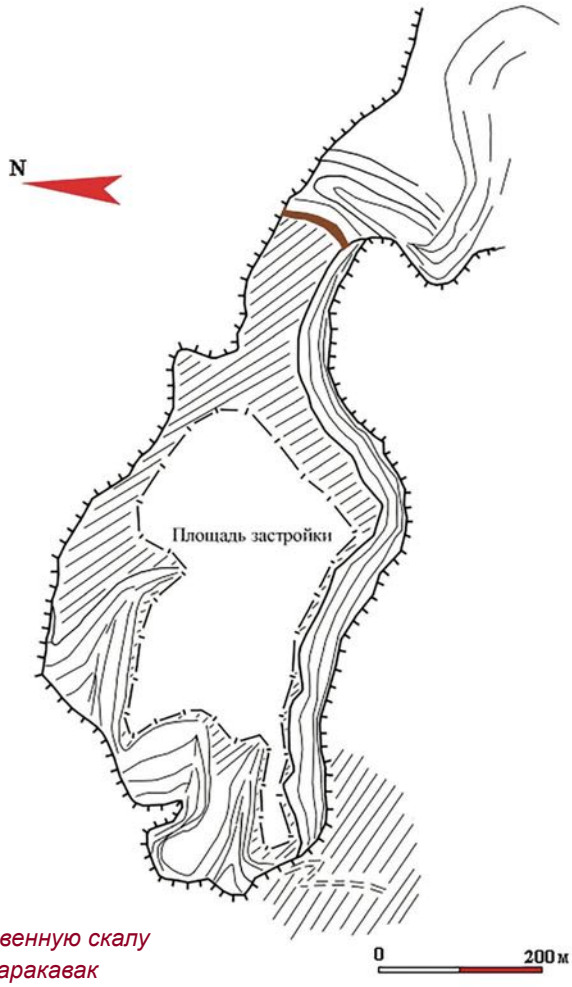


Рис. 24. Вид на естественную скалу и план городища Каракавак

двора, предназначенного для купеческих караванов. В арабских странах такие постройки назывались *караван-сарай*, то есть дворец для караванов, а в областях, где преобладали тюркские языки, к ним применялось название *хан*. Также известен такой термин, как *фундук*, но он чаще применяется к городским постоялым дворам [Hillenbrand 1994: 331-332].

В первые века хиджры, во время арабских завоеваний, на Востоке возводились крепости для борцов за веру – *газиев*, и крепости назывались *рибаты*. Впоследствии, в более спокойные времена, они превращаются в придорожные гостиницы, часто сохраняя название *рибат* или *рабат* [Немцева 1983: 139–141; Хмельницкий 1992: 180; Hillenbrand 1994: 331-332]. В XI–XII вв. были перестроены постоялые дворы, а также некоторые замки (кешки) [Пугаченкова 1958: 166–167]. Караван-сараи возводились вдоль караванных путей на расстоянии, которое равнялось дневному переходу (около 35–45 км), как уже было отмечено выше. Эти постройки сохранили вид хорошо укрепленных крепостей с мощными стенами и единственными воротами. Углы могут быть фланкированы круглыми башнями, а к стенам пристроены полубашни. Прямоугольник стен окружает обширный двор, внутри которого вдоль стен тянутся галереи помещений различного назначения: стойла для вьючных животных, складские помещения для товаров, комнаты для гостей. В хорошо обустроенных караван-сараях были банные помещения и почти всегда – мечеть. Некоторые крупные караван-сараи, такие как, например, Рабат-и Малик (особенно во втором периоде), действительно напоминали загородные дворцы и, вполне возможно, в составе помещений имели покои, в которых останавливались правители и другие важные гости во время путешествий. Для защиты караванов от разбойников в придорожных гостиницах мог быть небольшой военный гарнизон. Рядом обязательно находились источники воды – колодцы или сардоба. Караван-сараи играли важную роль не только в торговле, но и во всей системе коммуникаций в Средние века. Часто с караванами купцов пускались в странствия дипломаты, паломники, просто путешественники.

В период правления золотоордынского хана Узбека (1312–1340 гг.) приоритетным караванным сообщением становится дорога через плато Устюрт, оснащенная грандиозными, хорошо укрепленными гостиными дворами – караван-сараями. Теперь торговые караваны из Ургенча попадали в город Сарайчик, стоявший на реке Жайык, и далее направлялись в столицу Золотой Орды – город Сарай-Бату на Волге. Укрепленные караван-сараи были привязаны к колодцам или к искусственно созданным хранилищам – водонакопителям сезонных осадков, располагавшимся на расстоянии одного или двух дней перехода каравана. Главная постройка в виде небольшой крепости служила гостиницей для купцов и состоятельных путешественников. Здесь имелись небольшие комнаты, кухня, столовая, возможно, баня, а также складские помещения для хранения перевозимых товаров.

Караван-сараи выполняли и функции почтовых станций, где гонцы могли обменять лошадей. Небольшой военизированный отряд, расквартированный поблизости, был призван охранять и контролировать торговую трассу на этом участке. Вблизи караван-сараев возникали небольшие селения для обслуживающего караваны персонала – погонщиков, охранников, мигрирующего населения. На сегодня известно восемь караван-сараев, пять из которых находятся на территории современной Каракалпакии: это Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук.

На казахстанской части плато Устюрт археологические исследования караван-сараев пока не проводились. В 2005 г. сотрудниками МГИКЗ при участии автора было произведено предварительное обследование двух памятников у колодцев Кусшы-ата, Коптам (Белдеули) и у родника Есетбулак (Коскудук), сняты архитектурные планы этих построек и сделано подробное описание.

Из всех памятников хуже других сохранился караван-сарай Кусшы-ата, расположенный у юго-восточной кромки песчаного массива Сам. Памятник размещен на южном борту песков Сам, недалеко от водопровода Амударья – Бейнеу (рис. 25). Здесь насчитывается около 300 нагробных памятников: саганатамы, койтасы, кулпытасы (надгробные сооружения казахов), ограждения из необработанных камней. Особо выделяются пять мавзолеев с куполом. Недалеко от некрополя расположена группа колодцев, которые имеют более или менее пресную воду на глубине 4–12 м [Вялов 1934: 136]. Некрополь занимает площадь 0,7 га, основная масса памятников датируется XVIII – началом XX в. Элементы памятников сложены из блоков ракушечника и красного кирпича (плинфы), размеры которых 22–23 × 22–23 × 5–5,5. Плинфа датируется золотоордынским временем. К сожалению, остатки гражданской постройки не сохранились.

Местами встречаются фрагменты сероглиняной штампованной керамики золотоордынской эпохи. То, что в постройках погребальных памятников Нового времени в очень большом количестве присутствуют

Рис. 25. Общий вид на некрополь Кусшы-ата

средневековые красные кирпичи, говорит о том, что в Средневековье здесь была крупная постройка (рис. 26).

В «Журнале расспросов Экспедиции 1825–26 гг.» при определении пути от Сарайчика в Хиву отмечен колодец Кушчи, но о каких-либо строениях нет никакого упоминания [Первые русские научные… 1964: 68–82]. Почему мы всё же считаем, что здесь был караван-сарай?

Во-первых, место находится на транзитном пути от Хорезма; во-вторых, Кусшы размещен между Чуруком и Коптамом. Караван-сарай Чурук расположен в 35 км к юго-востоку, караван-сарай Коптам – в 46 км к северо-западу, а исследованные караван-сараи Каракалпакии – на расстоянии 25–57 км, то есть однодневного пути для вьючных караванов.

Мы на основании расположения некрополя Кусшы-ата на караванном пути, выявления средневековых кирпичей в постройках надгробных памятников в некрополе, наличия в подъемном материале фрагментов золотоордынской керамики, а также размещения колодцев предполагаем, что в Средние века (XIV в., на основе керамики) в этом месте был расположен караван-сарай.

Весьма важные результаты были получены в 1997 г., когда здесь побывала казахстанско-каракалпакско-французская археолого-этнографическая экспедиция. Одной из особенностей данного комплекса является использование в поздних памятниках XVIII–XIX вв. (мавзолеях, оградках, ступенчатых надгробиях) обожженных кирпичей средневекового стандарта. Местные жители показали «источник» этих кирпичей – расположенный в 150–200 м к северу от некрополя холм подквадратной в плане формы, размером 25 × 30 м. Поверхность его покрыта в большом количестве обломками квадратных жженых кирпичей размерами 22–23 × 22–23 × 5–5,5 см. Здесь же встречаются фрагменты керамики, в том числе относящиеся к хорезмшахскому времени, по мнению В.Н. Ягодина. Обнаруженный памятник, по его предположению, являет собой остатки караван-сарая, функционировавшего в системе торговой трассы Хорезм – Поволжье. Достаточно убедительно об

этом свидетельствует оптимальное местоположение данного пункта как недостающего звена в ряду выявленных уже караван-сараев трассы [Ажигали 2002: 528].

Судя по рвам, оставшимся после выборки кирпича, караван-сарай имел квадратную в плане форму и размеры 25 × 25 м.

Следующий после Кусшы-ата памятник – караван-сарай Коптам (Белдеули**)**. В июне 2005 г. сотрудники отдела археологии МГИКЗ при участии автора производили разведывательные изыскания с целью проработки казахстанского отрезка караванной трассы Ургенч – Сарайчик в урочище Мынсуалмас.

В 20 км к северо-западу от населенного пункта Туруш расположен караван-сарай Белдеули (Белбеули). Здесь были произведены съемки генплана местоположения всех объектов и архитектурного плана, фотосъемка караван-сарая, сбор подъемного материала [Калменов 2007: 278–282]. В 2011 г. были осуществлены археологические раскопки [Кожа, Самашев 2014: 486–489; Оңғарұлы и др. 2017: 51–54]. Остатки караван-сарая размещены в центре обширной котловины, на дне которой имеется пять колодцев, два из которых засыпаны, остальные три – с водой. На топографической карте местность и колодцы носят название «Бескудук». На современной поверхности фундамент караван-сарая просматривается в виде грунтово-каменных валов (рис. 27). В каменном бутовом заполнении стен местами используется обожженный кирпич 26 × 26 × 5 см. Максимально развалы стен возвышаются над современной поверхностью на 1,4 м. Участок фундамента караван-сарая на месте входа изрядно разобран на камень. Однако сохранилось пространство, на которое упали кладки

Рис. 26. Жженые красные кирпичи на куполе мавзолея некрополя Кусшы-ата (Новое время)

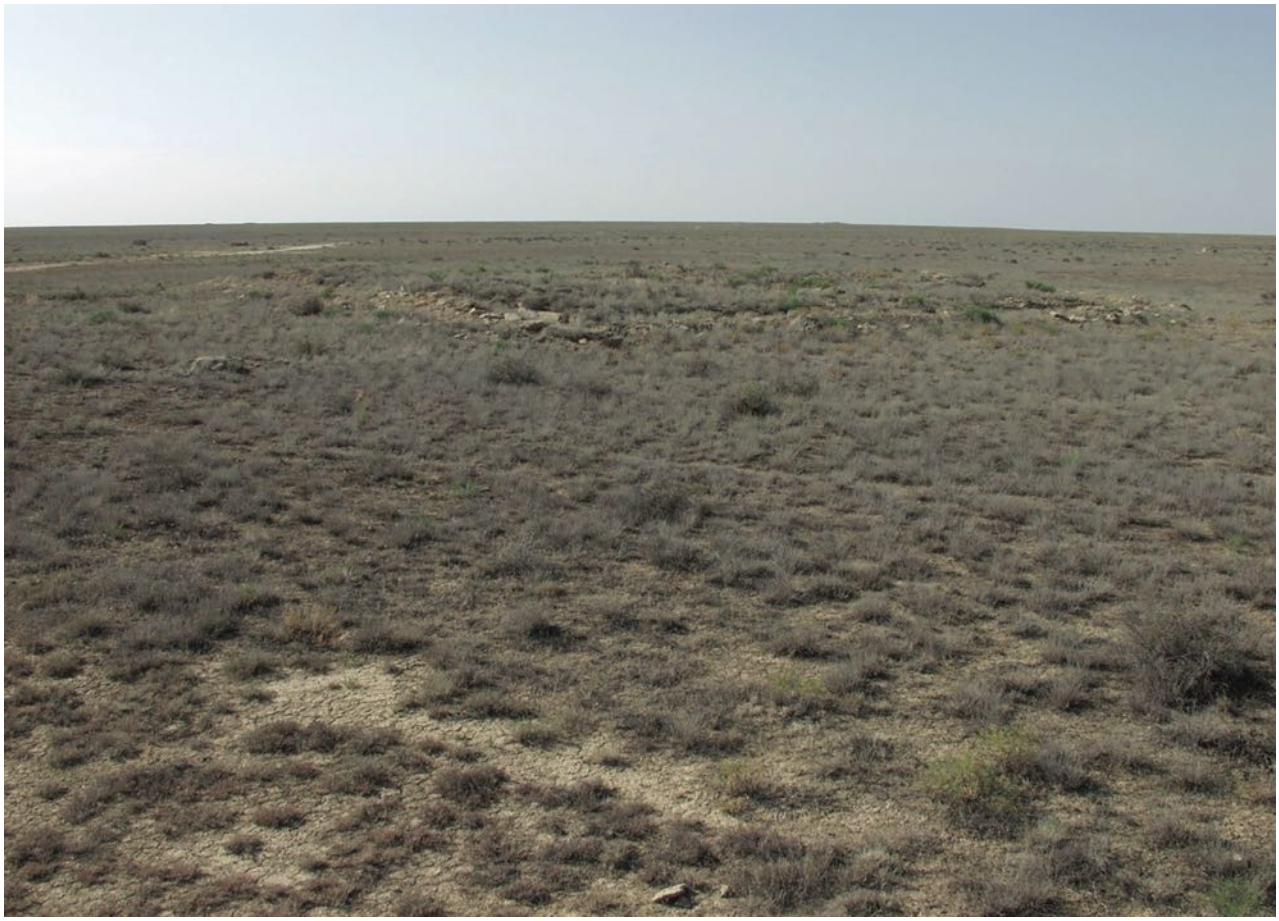


Рис. 27. Остатки караван-сарая Коптам (Белдеули)

и один пилон портальной ниши, сильно перекрытый грунтовыми наносами. Выпавшие кладки прослеживаются на длину около 8 м от условного основания фундамента. На основании просматривающихся на поверхности фрагментов кладок стен и их развалов, а также небольшой зачистки осыпей бутового грунтово-каменного заполнения составлен точный план караван-сарая (рис. 28).

Караван-сарай Белдеули имеет правильную четырехугольную форму 27 × 24 м, ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Вход устроен в середине юго-восточной стены. Его предполагаемая высота около 3 м, протяженность 7 м. Фундаменты пилонов портальной арки полностью разобраны, но, вероятно, сохранили свои очертания по бутовому заполнению. Толщина внешних стен составляет 1,1 м, за исключением боковой юго-западной, имеющей толщину 0,9 м. Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Почти полностью уцелел фундамент северной башни, имевший диаметр 2 м. Наличие остальных башен подтверждается рухнувшими крупными облицовочными плитами с округлой обработкой лицевой стороны. У восточной башни упавшая облицовка просматривается на длину в 4 м.

Помещения внутри башен отсутствуют. Внутренняя планировка комнат караван-сарая в некоторых местах прослежена по остаткам фундамента, где-то воспроизведена зеркальным повторением согласно оси симметрии устройства всего сооружения. Справа и слева от входа располагаются по две комнаты размерами 5,1 × 4,2 м и 2,7 × 4,2 м. Между комнатами правого крыла, вероятно, была каменная лестница шириной 1,25 м. Дверные проемы помещений, скорее всего, оформлялись на углу со стороны главного входа. Караван-сарай имеет обширный четырехугольный двор 17 × 14 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение. Вдоль северо-восточной и юго-западной стен построй-

ки устроены небольшие жилые помещения, по четыре у каждой стены.

Конструктивно стены помещений выполнены из массивных обработанных плит известняка, установленных вертикально в два ряда с бутовым заполнением. Ширина стены со стороны двора и перегородок составляет 0,8–0,9 м. Средние размеры помещений 4,3 × 3,2 м. Со стороны двора с востока по плоскости поперечных стен помещений устроены дверные проемы шириной 0,8–0,9 м. Вдоль всей задней стены находилось помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение. И оно было отделено от двора стеной толщиной 1 м с одним центральным проходом шириной 1,25 м. Вход со стороны двора был оформлен, вероятно, утопленной аркой шириной 2,6 м, глубиной 0,7 м. С внутренней стороны проход оформлен двумя прямоугольными тромпами 0,8 × 0,4 м. Внутренняя ширина помещения составляет 3,3 м. Подъемный материал изобилует керамикой золотоордынской эпохи. Среди завала камней найден фрагмент резного глиняного изделия, выполненного из пластичной обожженной глины кремового цвета. Мы определили его как фрагмент тимпана (рис. 29). Как нам известно, в караван-сарае Белеули до 1972 г. находились барельефные изображения львов (рис. 30). Плиты размером 0,98 × 0,82 м, на которых они выполнены, имели прямоугольные очертания с одним срезанным углом [Толстов 1958: 15].

В 50–60 м северо-восточнее караван-сарая на небольшом возвышении имеются пять скоплений бутового камня от небольших разобранных построек.

Самой грандиозной постройкой на устюртском отрезке караванного пути являлся караван-сарай Коскудук. Его первые исследования были произведены экспедицией С.П. Толстова в 1950 г. [Манылов, Юсупов 1982: 175]. Тогда был составлен полуинструменталь-

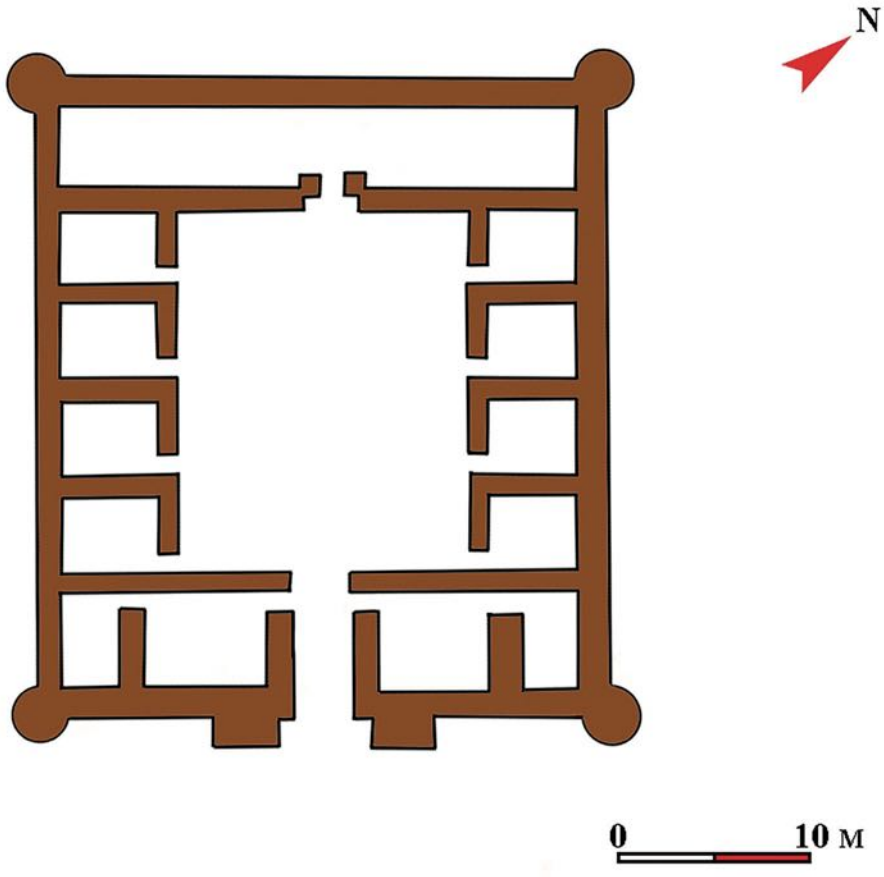


Рис. 28. План караван-сарая Коптам (Белдеули)

Рис. 29. Фрагмент тимпана, найденный возле караван-сарая Белдеули

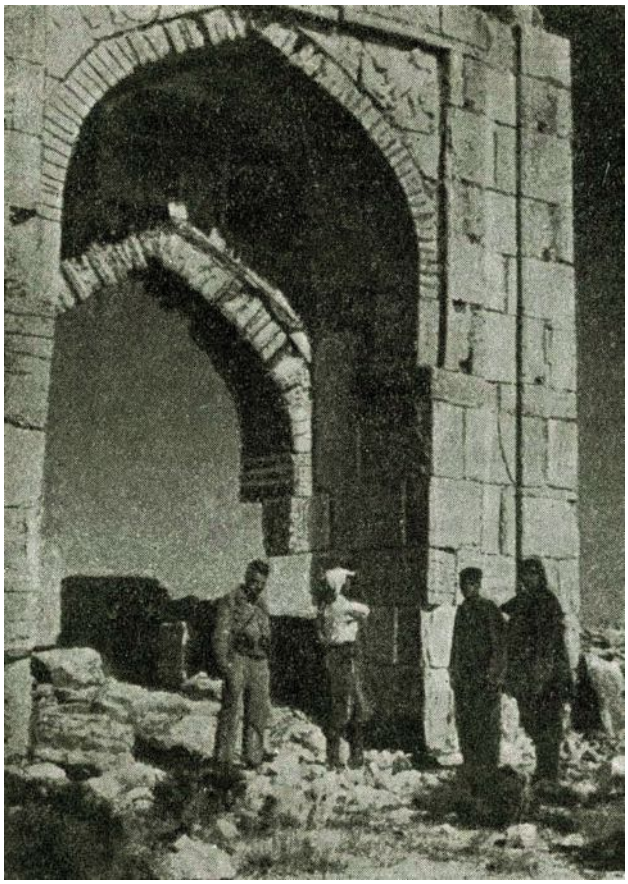


Рис. 30. Портал караван-сарая Белдеули. На правом углу портала расположен тимпан. Фото 1948 г.

ный план его развалин и раскопаны два помещения (рис. 31).

В настоящее время мы можем подробнее рассказать об этом сооружении. В местности Есетбулак обнаружены руины указанного караван-сарая. Здесь были произведены съемка генплана местоположения всех объектов и архитектурного плана, фотосъемка караван-сарая, сбор подъемного материала, прорисовка основных типов надгробий средневековой части кладбища Есетмола [Калменов 2007: 278–282]. Караван-сарай Коскудук с хозяйственно-бытовыми постройками и синхронным кладбищем располагается на краю чинка плато Устюрт в северо-западной оконечности местности Мынсуалмас.

Край чинка террасирован двумя невысокими уступами. Непосредственно под чинковым уступом, на удалении около 1,5 км на север от караван-сарая находится родник Есетбулак с малым дебитом воды. В районе родника встречаются фрагменты красноглиняной станковой керамики. Здание караван-сарая возведено почти на краю верхней террасы с небольшим понижением рельефа. Остатки сооружения хорошо просматриваются по каменно-грунтовым валам, образовавшимся при разборке стен на камень. Стены памятника возводились из крупных обработанных плит известняка толщиной 15–25 см, устанавливаемых вертикально в два ряда, с каменно-грунтовой забутовкой внутреннего пространства (рис. 32).

Камень добывали из обнажения скальных террас. Часть строительного камня была взята на возведение надгробий казахской части кладбища Есетмола, но основная масса камня, вероятно, увезена отсюда в 30-х гг. XX в., в период коллективизации и активного колхозного строительства. Высота сохранившихся фундаментов относительно уровня дневной поверхности составляет 1,4–2,5 м. Среди каменных завалов, образовавшихся из-за извлечения камня и рухнувших перекрытий, хорошо прослеживаются очертания части внешних стен, башен и внутренних помещений.

При небольшой дополнительной зачистке без проведения археологических раскопок удалось практически полностью воспроизвести масштабный архитектурный план всей постройки. План снимался при помощи рулетки и угломерных счислений, производимых при помощи ручной буссоли (рис. 33). Сооружение имеет правильную четырехугольную форму 41,6 × 40,8 м с ориентацией плоскостей стен, близкой к сторонам света (смещение 11° к западу). Вход устроен в середине западной стены. Его ширина 3,8 м. С фасадной стороны сохранились фундамен-

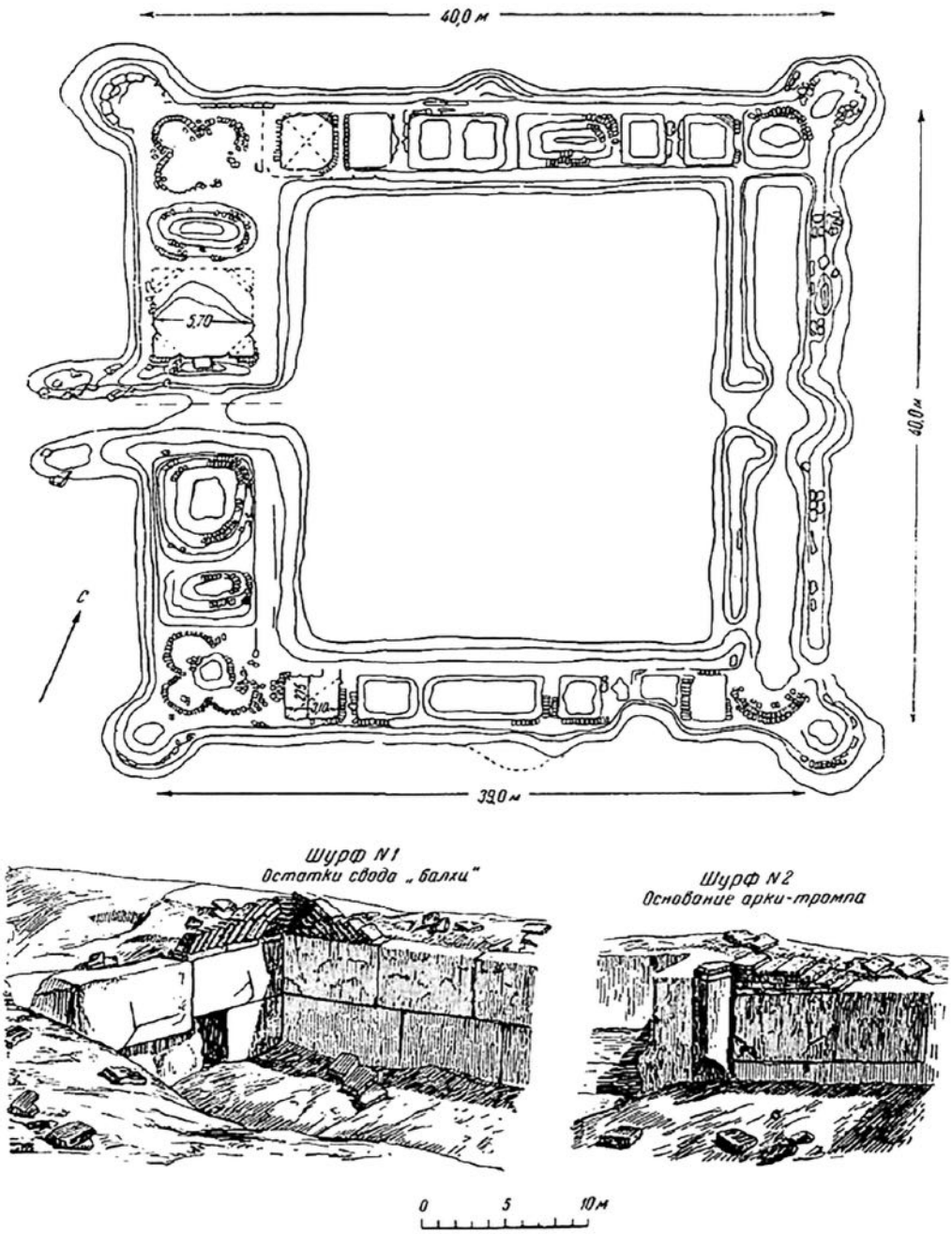


Рис. 31. Караван-сарай Коскудук. Чертежный материал ХАЭЭ

ты двух пилонов шириной 2,7 м, выступающих от плоскости стен на 1,2 м. Расстояние между пилонами 4,8 м, глубина портальной арки 2,5 м, длина прохода 7,2 м.

С фасадной стороны, напротив фундаментов пилонов, располагаются два широких каменных вала, в которых просматриваются ряды повалившихся каменных кладок протяженностью до 8 м. Эти валы следует расценивать как остатки упавшего П-образного оформления портала, достигавшего в высоту около 10 м. Толщина внешних стен составляет 1,5 м, за исключением задней, имеющей толщину 1,2 м. Планировка внутренних помещений караван-сарая практически полностью читается без проведения раскопочных работ. Справа и слева от входа зеркально располагаются по две большие, квадратные в плане комнаты размером 5,7 × 5,7 м. Стены этих помещений уцелели на наибольшую высоту – до 2,5 м, благодаря чему хорошо прослеживается конструкция сводчатых перекрытий.

На высоте 1,5–1,7 м от уровня пола (по исследованиям караван-сарая Коскудук, осуществленным ХАЭЭ АН СССР в 1950 г.) [Толстов 1958: 15] стены возводились из массивных вертикально установленных плит. Далее сводчатое перекрытие выкладывалось обработанными в форме кирпичей плитками известняка средним размером 20 × 20 × 5 см и 20 × 30 × 5 см. В описываемых помещениях своды сооружались при помощи тромпов – промежуточных опорных выступов в стенах, с которых выводились полукружия углов помещения. Помещения, примыкавшие к входу, имели простенки в виде неглубоких ниш, оформленных стрельчатыми арками. Края ниш отделаны треугольными выступами, поддерживавшими по углам комнаты полусводы, вероятно, стрельчатых очертаний, с которых, в свою очередь, выводилось основное сводчатое перекрытие.

Рис. 32. Остатки стены помещения караван-сарая Коскудук

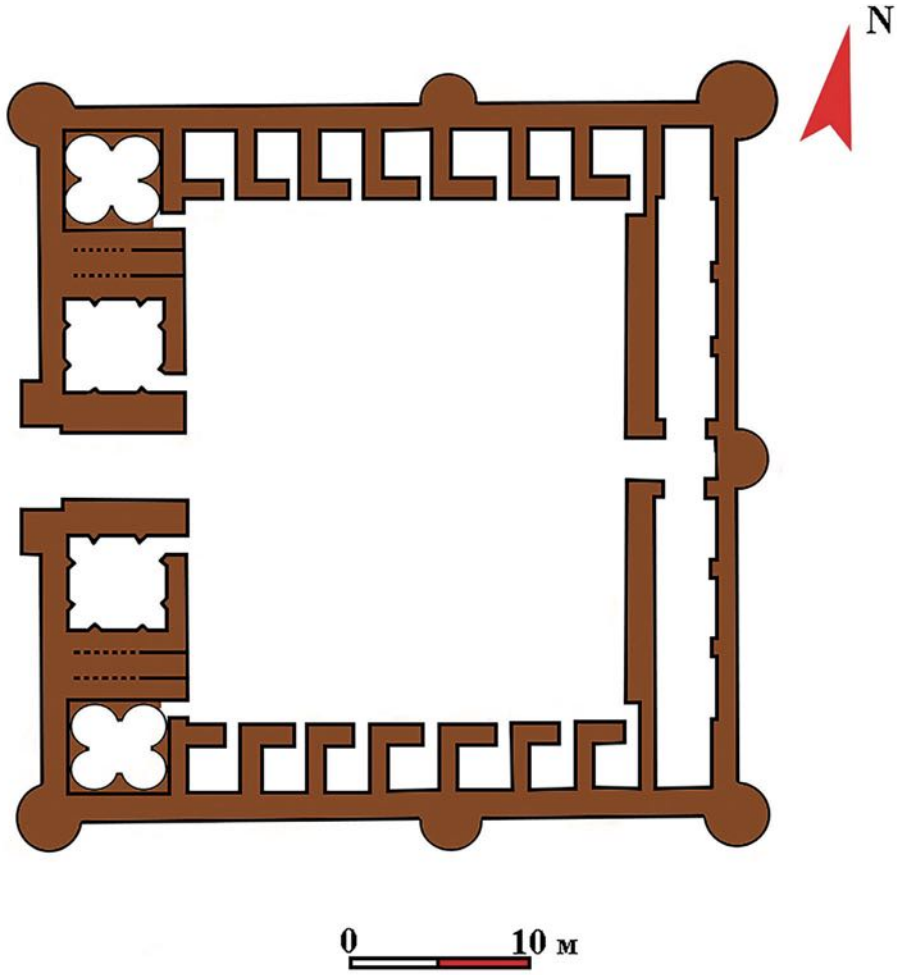


Рис. 33. План караван-сарая Коскудук

Угловые комнаты имели немного иное перекрытие. Здесь тромпы сильно выступали из плоскости стен и располагались в ее средней части. До настоящего времени на поверхности развалин этих комнат хорошо сохранились крестовидные очертания кладок нижнего сечения выводимых полусводов, также когда-то удерживавших купольное перекрытие. Вероятно, все помещения постройки имели алебастровые оштукатуренные поверхности.

Между комнатами каждого крыла были устроены каменные лестницы шириной 1,2–1,3 м, выходившие, вероятно, на уровень стрелковых площадок стен караван-сарая. Ступени правого крыла сохранились на высоту 2,4 м при средней ширине и высоте ступеней в верхней части 26 и 26 см соответственно. Это позволило предположить, что уцелевший лестничный марш может насчитывать девять или десять ступеней, а с учетом его возможной длины количество ступеней могло быть равно 22–24. Из этого следует, что стрелковая площадка могла располагаться на высоте 5,5–6 м.

Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Башни со стороны ворот и три промежуточные по периметру сооружения имеют диаметр 3,3 м, а две угловые башни с тыльной стороны – диаметр 4 м. Внутрибашенные помещения отсутствуют.

Караван-сарай располагал обширным четырехугольным двором 30,5 × 25,5 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение. Вдоль северной и южной стен постройки были устроены небольшие жилые комнаты, по семь у каждой стены. Очертания помещений хорошо просматриваются ближе к углам караван-сарая. Контуры центральных помещений восстановлены относительно общей планировки караван-сарая.

Конструктивно стены помещений выполнены

из массивных обработанных плит известняка, установленных вертикально в два ряда, с бутовым заполнением, на высоту 1,6–1,7 м. Ширина стены со стороны двора составляет 1,2 м, ширина перегородок 1 м. Средние размеры помещений 2,7 × 2,8–3 м. Помещения перекрывались сводами типа балхи из обработанных под кирпич плиток известняка. Со стороны двора с востока по плоскости поперечных стен помещений устроены дверные проемы шириной 0,9 м. Вдоль восточной стены располагалось помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение; оно отделено от двора стеной толщиной 1,6 м с одним центральным проходом шириной 2,5 м. Внутренняя ширина комнаты 3,6 м.

От входа помещение поделено парными прямоугольными тромпами (ширина 1 м, выступают на 0,5 м, ширина арки 2,8 м) для удержания арочного перекрытия на два симметричных крыла. Каждое крыло дробится еще на четыре сектора, тоже расчлененных арочными проемами (промежуточные по внешней стене караван-сарая также имели тромповые выступы; ширина 0,5 м, выступают на 0,3 м, ширина арки 3,3 м). Подобная конструкция стен позволяет высказать предположение о многокупольном перекрытии. Угловые помещения немного заужены – 2,7 × 3,8–4 м. Они, вероятно, тоже имели широкий арочный проем и купольное перекрытие, которое прослеживается на поверхности в виде просевших кладок из обработанной известняковой плитки, располагающихся по полупериметру помещений.

В 20 м напротив главного входа караван-сарая имеются остатки каменного фундамента многокомнатного помещения размером 24 × 6 м. Помещение длинной осью ориентировано по линии север – юг. Фундамент местами возвышается на 0,2 м от уровня современной поверхности, где сохранилась массивная вертикально установленная облицовочная плита. Вблизи северной стены караван-сарая, на краю невысокой террасы располагается каменный фундамент второго помещения размером 12 × 9 м. Высота фундамента до 0,4 м от уровня дневной поверхности. Фундамент третьего двухкомнатного сооружения 11 × 6 м, хорошо просматривается на удалении 30 м от северо-западной башни караван-сарая. Возле фундаментов этих построек отмечается наибольшее скопление мелких обломков станковой керамики второй половины XII – XIV в. Черепки подобной керамики фиксируются вокруг караван-сарая с разной плотностью концентрации на площади более 3 га.

В 130 м южнее юго-западной башни караван-сарая сохранился фундамент четвертой постройки, определенной как сигнальная башня. На месте этого сооружения уцелел лишь фундамент размером 6 × 6 м, облицованный массивными вертикально установленными плитами обработанного известняка, просматривающимися от уровня современной поверхности на высоту до 0,3 м. Внутреннее пространство башни заполнено грунтом и обломками красного кирпича размером 22 × 22 × 6 см. Грунтовое заполнение выглядит как оплывшая насыпь высотой 1,2 м.

В 30 м северо-восточнее караван-сарая сохранилась каменно-грунтовая запруда, перегораживающая небольшое русловое понижение. Запруда имеет полукруглые очертания. Ее длина составляет около 35 м, ширина 2 м при высоте 1 м. Западная часть плотины смыта паводковыми водами. Подъемный материал изобилует фрагментами красноглиняных станковых сосудов, мелкими обломками глазурованной керамики, а также черепками стенок штампованной сероглиняной керамики золотоордынского периода. Местами встречаются осколки стеклянных изделий. Около портальной части караван-сарая найдена бусина из стеклянной пасты.

В 100 м юго-западнее караван-сарая располагается большое кладбище, состоящее из средневекового комплекса надгробий и казахских захоронений XVIII–XIX вв. Комплексы надгробий не разграничены территориально, а устроены вперемешку. К средневековым надгробиям следует отнести фундаменты семи разобранных на камень мавзолеев и более ста надгробий в виде одно-, двух- или трехступенчатых постаментов и пирамидки с навершием наподобие двухскатной крыши.

Во время археологической разведки по выявлению памятников на берегу залива Кочак были обнаружены остатки караван-сарая вблизи родового кладбища Ажибаба, названного нами Ажибаба **1**. Памятник расположен в 18 км на север от пос. Таучик. Выявлен археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Справочные статьи…2006:].

Следы караван-сарая и других хозяйственных сооружений просматриваются на современной поверхности по валам, всхолмлению и двум котлованам (рис. 34). Остатки караван-сарая определяются валом прямоугольной в плане формы, в котором хорошо заметны очертания бутового наполнителя фундамента стен постройки 40 × 30 м (рис. 35). Стены сложены из природного камня, сохранились на высоту 0,3–0,8 м. Ширина постройки ориентирована по сторонам света. В северной стене, ближе к северо-западному углу, выявлен проход. С севера к караван-сараю примыкает округлый котлован диаметром 35 м и глубиной более

Рис. 34. Вид на остатки караван-сарая Ажибаба 1

2 м, а с северо-западного угла – вытянутое по линии север – юг холмообразное возвышение с элементами каменных конструкций внутри (высота более 2 м). Еще один котлован располагается в 20 м западнее возвышения.

Обитаемая зона составляла около 4 га. На площади караван-сарая и на удалении до 150–200 м встречаются фрагменты станковой керамики XI–XII вв., которая, по-видимому, относится к периоду государства Хорезмшахов. С востока к первому котловану примыкает могильник (13–15 захоронений), определяемый по каменным вымосткам, наброскам и каменным ящикам. Еще один могильник (около 20 захоронений) расположен в 200 м северо-восточнее караван-сарая, на противоположном борту сухого русла. По фрагментам керамической посуды установлено, что караван-сарай существовал в XI–XII вв.

На устюртском подъеме Маната во время разведки нами были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики. Археологическое обследование выявило, что это остатки небольшого караван-сарая периода Улуса Джучи. Памятник был назван «караван-сарай Маната». Он находится в 27 км на северо-восток от пос. Жетыбай. Выявлен сотрудниками отдела археологии МГИКЗ в 2006 г. [Справочные статьи…2006:]. Остатки караван-сарая расположены недалеко от удобного спуска с плато. Памятник сохранился очень плохо, на уровне цокольных кладок. Девятикомнатное сооружение имеет подпрямоугольную форму 24 × 11 м, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад (рис. 36).

В восточном углу была однокомнатная пристройка 5 × 4,5 м. Северо-восточная стена имеет полукруглую в плане пристройку. Стены сложены методом

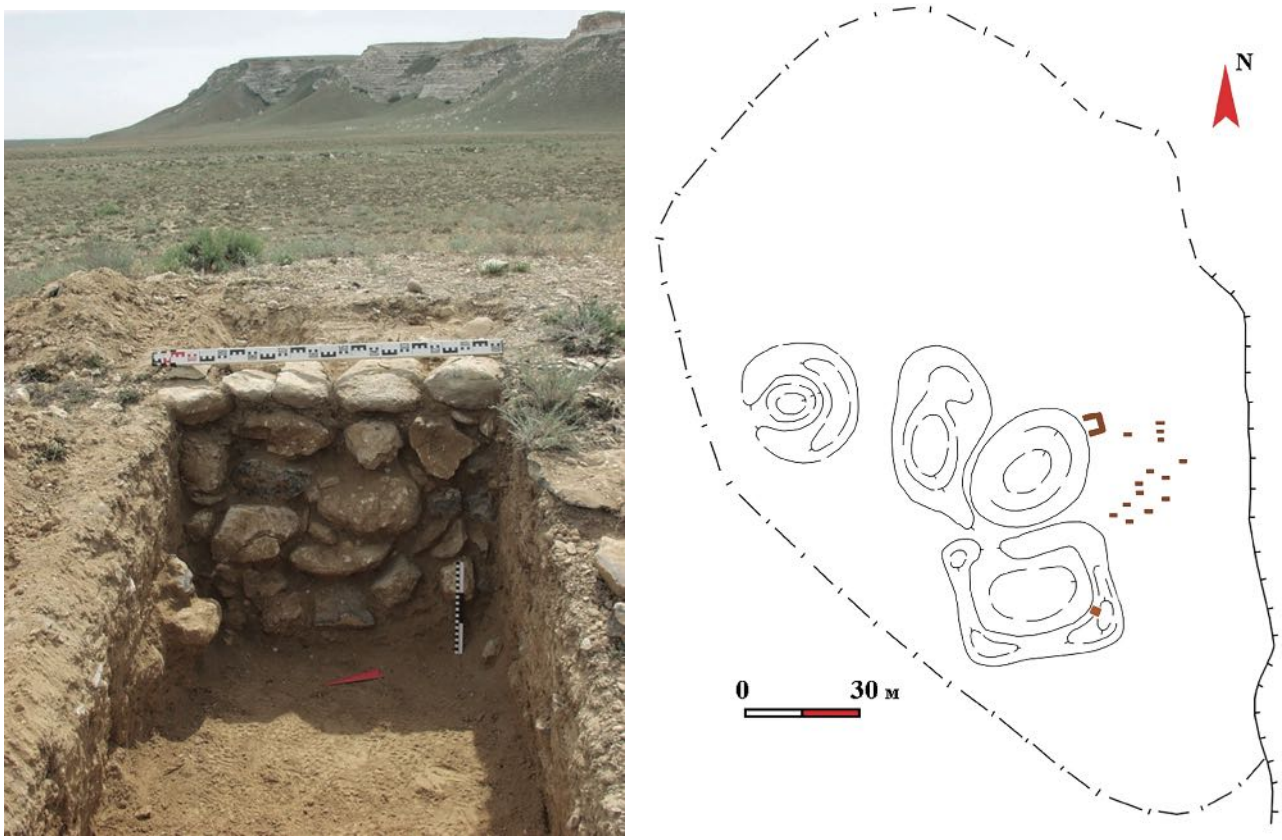


Рис. 35. Фундамент стены и план караван-сарая Ажибаба 1

двухрядной кладки с грунтово-щебнистой забутовкой в сочетании с вертикально установленными плитами. Ширина стен 0,9–1,2 м. На площади караван-сарая и восточнее его на удалении до 150–200 м встречаются фрагменты станковой керамики XIV в. Восточнее и юго-восточнее от караван-сарая находятся три могильника, синхронные по времени караван-сараю, и два казахских кладбища Нового времени. Возможно, памятник, кроме обслуживания торговых караванов, выполнял и иную задачу, такую как контроль над одним из наиболее удобных спусков с плато. На основе найденных фрагментов керамики памятник датируется XIV в.

Удалось установить, что во второй половине XIII – XIV в. Мангистауская торговая трасса являлась ответвлением Устюртской магистрали и проходила через спуск Маната, зону Каратауских гор с выходом на Тупкараганский полуостров. Этот факт открывает новую страницу в изучении торговых сношений стран Азии с Золотой Ордой, связанную в том числе и с морской навигацией.

Таким образом, результаты археологического изучения памятников Устюрта и Мангистау, исследования археологического материала и письменных источников позволяют сделать следующие выводы:

1. Археологические исследования средневековых городищ Устюрта и Мангистау позволили получить представление о городской топографии, городском жилище, общественных и культовых постройках, фортификации. В Кызылкалинском комплексе был вскрыт участок у крепостной стены и расчищено несколько домов на уровне нижнего строительного горизонта (X–XI вв.). Кызылкала является одним из наиболее археологически изученных городищ, занимавшим площадь около 50 га, был обнесен крепостной каменной стеной, имел застройку разной плотности. Город возник в X в.; видимо, к этому времени относится сырцовая крепостная стена. В этой стене находился въезд, который хорошо прослеживается в топографии. Кызылкала отличается от другого крупного города – Кетиккала, расположенного на бе-

регу моря и возникшего в эпоху Золотой Орды, о чем свидетельствуют культурный слой и найденные монеты, относящиеся к этому периоду [Петров, Калменов 2015: 22–28].

2. На территориях Устюрта и Мангистау, ставших в XIII в. частью Золотой Орды, караван-сараи существовали задолго до прихода монголов, например, вышеописанный караван-сарай Ажибаба. Сведения письменных источников о караванных дорогах, о поселениях, рассредоточенных вдоль этих путей, а также на побережье Каспия, в основе своей относятся к X–XI вв., когда эти дороги еще только начинали функционировать. В результате монгольских завоеваний некоторые из них были заброшены, а иные восстановлены и использовались и в золотоордынское время. В начале XIII в. на караванных дорогах, которые расположены на плато, появляются оборудованные караван-сараи: Кусшы-ата, Белдеули (Коптам), Коскудык, свидетельствующие о росте их значимости.

3. Памятники размещены цепочкой, практически по прямой линии, идущей с юго-востока на северо-запад, от северного борта сора Барсакельмес до края чинка плато Устюрт в его северо-западной оконечности ущелья Мынсуалмас. Возможно, этот караванный путь являлся не единственным на Устюрте в золотоордынское время. Западный путь, ведущий от Ургенча к полуострову Мангистау, был известен, по крайней мере, с хазарского времени. Он также был оборудован караван-сараями, но все известные постройки датируются домонгольским периодом [Астафьев 2010: 56–60].

4. Исследованные караван-сараи Устюрта и Мангистау свидетельствуют о том, что все они относятся к одному типу планировки. Все здания представляют собой однодворовые постройки квадратные или близкие к квадрату в плане, с одним входом. Застройка секционно-галерейная, комнаты расположены вдоль четырех стен в один ряд, причем к трем стенам примыкают жилые секции и общественные помещения,

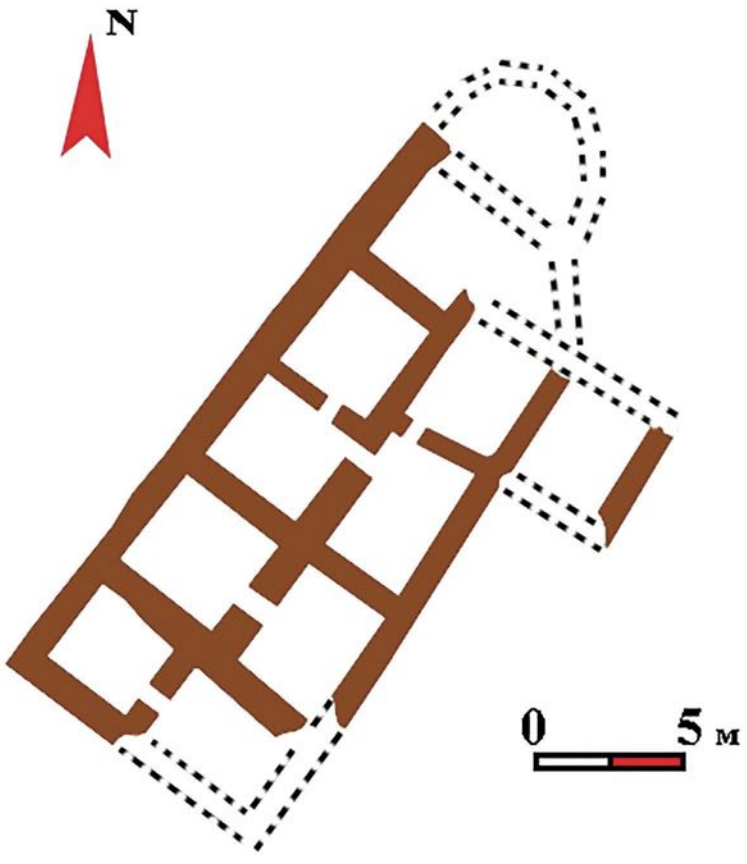


Рис. 36. План караван-сарая Маната

а к стене, противоположной входу, – хозяйственная галерея. В XIII–XIV вв. караван-сараи используются особенно интенсивно, что свидетельствует о стабильном политико-экономическом положении региона. Предполагается, что после завоевания Тимуром столицы Золотой Орды на Волге Устюртская торговая трасса была заброшена.

Следует отметить, что, несмотря на значительные работы по выявлению и первоначальному обследованию укрепленных поселений и караван-сараев на древних торговых путях Устюрта и Мангистау, перед археологами стоят еще более масштабные задачи, направленные на планомерное изучение этих памятников путем раскопок широкими площадями.

2.3. Крепости-убежища и араны – стреловидные планировки

В местах, наиболее удобных стратегически и сочетающих выгоды ландшафта на Устюрте и Мангистау (Мангышлак), расположены крепости-убежища. Подобные крепости перегораживали мысовидные выступы с обрывистыми краями, создавая тем самым небольшое защищенное пространство. Иногда стеновыми кладками укрепляли и относительно пологие борта мыса. Эти сооружения были практически необитаемы, так как использовались только по необходимости в моменты боевых действий. Цель такой крепости: 1) защита небольшой группы населения; 2) обеспечение безопасности людей, груза и тягловых животных торгового каравана на время ночлега близ колодца; 3) прикрытие спуска караванной тропы от набегов грабителей и враждебных соседних кочевых племен.

Крепости-убежища разбросаны по всей территории Мангистауского региона. Наиболее известные из них располагаются в местностях Карлыбас, Караган, Борлы, Сагынды, Тулкули, Кокжал, Айгырлы, Тубежик. Возводились крепостные стены из природного камня методом двухрядной горизонтальной кладки без раствора с забутовкой внутреннего пространства. Устойчивость стены достигалась устройством полукруглых глухих башен с боевыми площадками. С внутренней стороны на стену высотой более 3 м можно было попасть по небольшим лестничным маршам. Обычно узкий вход в крепость устраивался между стеной и обрывом или ближе к краю стены, укрепленной башнями.

Крепость-убежище Айгырлы. Памятник расположен в 16,5 км на ЮЮЗ от пос. Таучик. Выявлен археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:]. Крепостная стена перегораживает мысовидный выступ (рис. 37). В плане представляет собой немного извилистую линию протяженностью более 62 м. С северной стороны скального обрыва основная стена продолжена невысокой кладкой протяженностью 30 м (рис. 38). Стеновые кладки почти полностью разрушены в результате извлечения камня и представляют собой каменно-грунтовый вал шириной 6–7 м и высотой до 2,5 м. С напольной стороны стена была укреплена четырьмя полукруглыми башнями диаметром 3–5 м. Между третьей и четвертой башнями имеется разрыв вала, вероятно, маркирующий наличие прохода.

Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой без раствора из природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. С южной стороны скального мыса перед стеной сохранились остатки обустроенной караванной тропы шириной более 1 м.

Тропа у основания мыса ограничивается остатком небольшого поселения, состоявшего из нескольких построек. На современной поверхности прослеживаются рудименты фундаментов четырехугольных построек. На площади поселения, как и на площади крепости, встречаются фрагменты станковой и лепной керамики домоногольского периода. В 100–120 м западнее мыса находится небольшой могильник, состоящий из более чем 20 надгробных форм, которые характеризуются каменными ящиками, плитами с антропоморфными стелами, вытянутыми вымостками и двумя развалившимися оградами с плитами. Аналогичные памятники из близлежащего региона датированы X–XIII вв. [Поляков 1973: 67–72].

Крепость-убежище Аккорган. Крепость находится в 7 км на ЮЮВ от пос. Шетпе. Выявлена в результате археологической разведки Западно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Л.Л. Галкина в 1990 г. [Галкин 1991: 12].

Крепостная стена протяженностью 60 м перегораживает небольшой высокий участок мыса (рис. 39). Стена сложена горизонтальной кладкой без раствора из природного камня в два ряда с забутовкой. Высота сохранившегося участка составляет 2 м, ширина стены 1,8–2 м (рис. 40). Линия стены прямая, без башен. С западной стороны стена не примыкает к обрыву, образуя проход шириной до 3 м. Подъемный материал отсутствует.

Крепость-убежище Байлама. Крепость располагается в 12,5 км на ССВ от пос. Таучик. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Крепостная стена перегораживает узкий перешеек

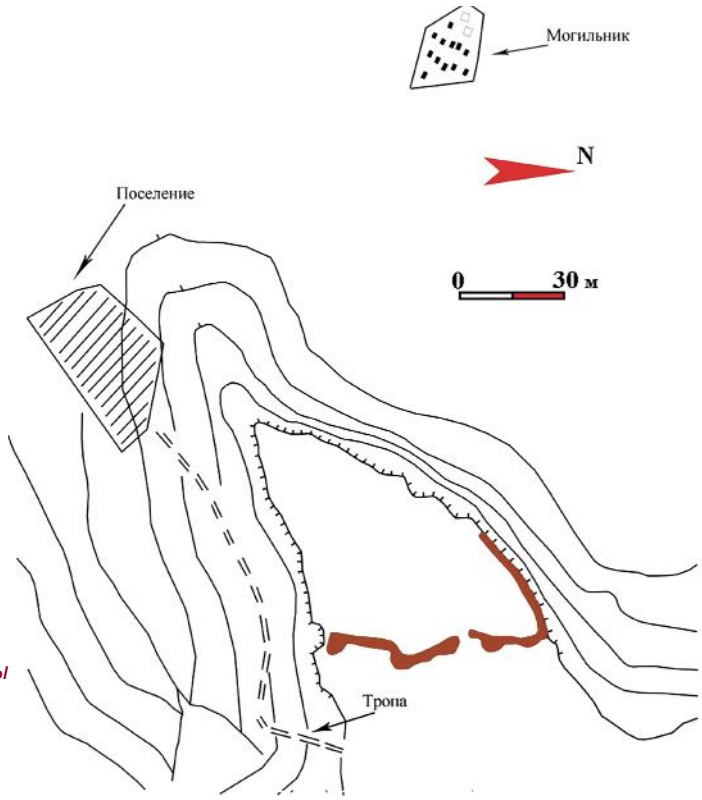


Рис. 37.
Ситуационный план крепости-убежища Айгырлы

Рис. 38. Фрагмент конструкции стены крепости-убежища Айгырлы

между каньонами Каракавак и Шульдор и отграничивает от основного плато участок 6 × 3 км. Стена в плане представляет собой прямую линию протяженностью более 600 м. С напольной стороны она укреплена шестью полукруглыми башнями диаметром 3–3,5 м. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой без раствора из природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки 1,3–1,7 м, сохранившаяся высота до 1,5 м (рис. 41). С напольной стороны перед стеной имеется оплывший ров шириной до 5 м и глубиной 0,5–0,7 м. В пределах крепости каких-либо артефактов не найдено. Можно предположить, что памятник относится к Средним векам. По данным информаторов, на данный момент памятник разрушен.

Крепость-убежище Бесбулак 2. Памятник находится в 34 км на СВВ от пос. Сай-Отес. Выявлен в результате археологической разведки Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1990 г. [Галкин 1991: 16].

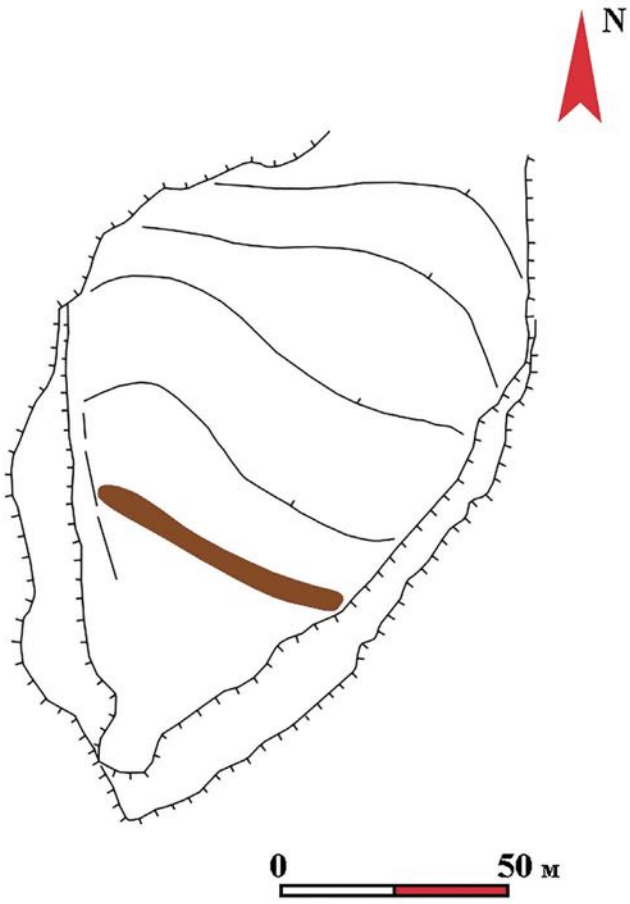


Рис. 39. План крепости-убежища Аккорган

Остатки крепостной стены примыкают к краю восточного борта небольшого ущелья Бесбулак Западного чинка плато Устюрт.

Стена сохранилась не полностью; с юго-западной стороны, вероятно, разобрана на камень при сооружении новой крепости (рис. 42). В плане имеет форму изогнутого зигзага с выступающими шестью башнями трапециевидной формы. Конструктивно стена сложена вертикально установленными в два ряда плитами с каменной забутовкой между ними. Ширина стены достигает 2–3 м. Остатки стены в настоящее время выглядят в виде валов шириной 4–7 м при высоте 0,5–0,7 м. На площади крепости и за ее пределами на современной поверхности в большом количестве встречаются кремневые артефакты, характеризующие пластинчатую индустрию расщепления камня. На основании кремневых артефактов можно предполагать, что крепость относится к временам до нашей эры. Активное использование памятника относим к X–XIII вв.

Крепость-убежище Биргарын. Крепость располагается в 31 км на юго-запад от пос. Жынгылды. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Крепостная стена протяженностью около 80 м перегораживает скальный мысовидный выступ обширного платообразного поднятия. В плане линия стены чуть изогнута в сторону «поля» (рис. 43). С напольной стороны стена укреплена двумя полукруглыми башнями диаметром 3,5 м. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой без раствора из природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки достигает 2 м, сохранившаяся высота до 2,5 м. С юго-восточной стороны между стеной и обрывом имеется проход шириной 2 м. Каких-либо артефактов на площади крепости не найдено. Аналогичные памятники региона датируются X–XIII вв.

Крепость-убежище Борлы. Памятник находится в 31 км на ССЗ от пос. Каракум. Выявлен археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Крепостная стена протяженностью около 50 м перегораживает скальный мысовидный выступ Тупкараганского плато. В плане линия стены чуть изогнута в сторону «поля». В южном направлении кладка почти полностью разобрана (рис. 44). С напольной стороны

Рис. 40. Остатки стены крепости-убежища Аккорган

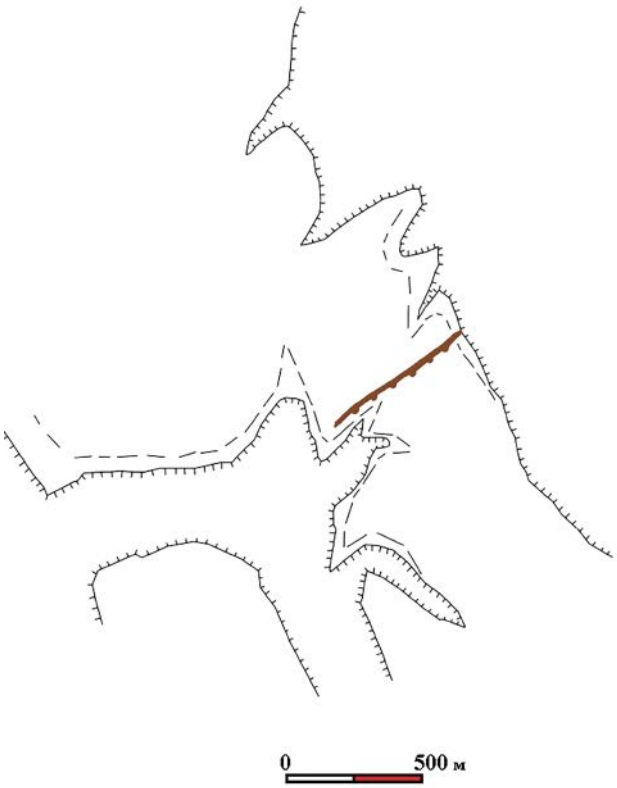


Рис. 41. План и фрагмент стены крепости-убежища Байлама

Рис. 42. Фрагмент стены крепости-убежища Бесбулак

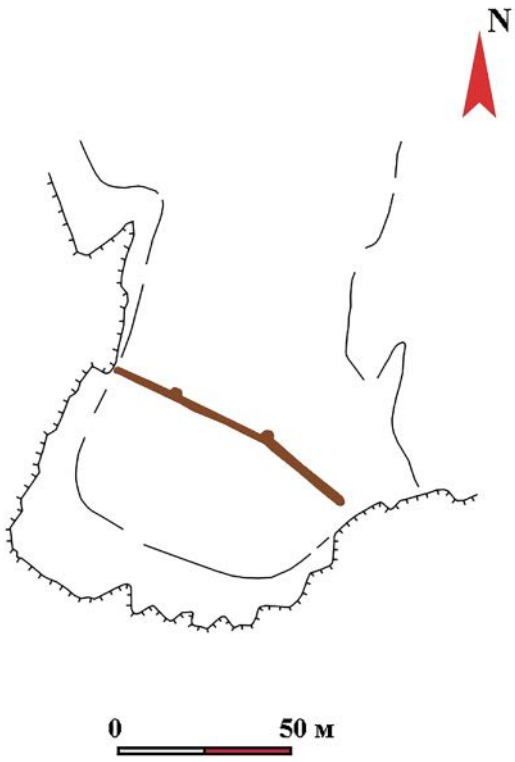


Рис. 43. План крепости-убежища Биргарын

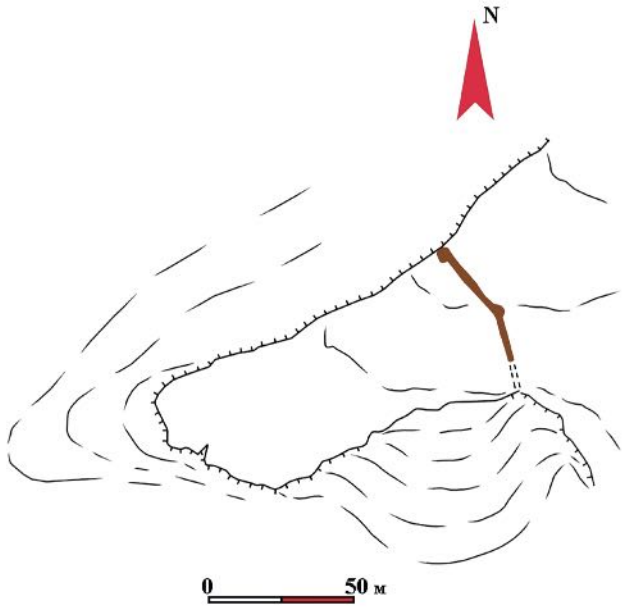


Рис. 44. План крепости-убежища Борлы

Рис. 45. Крепость-убежище Караган. Аэрофото 1982 г.

стена укреплена полукруглой башней диаметром 3,5 м. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой без раствора из природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки 1,3–1,6 м, сохранившаяся высота до 1,5 м. С напольной стороны перед стеной имеется оплывший ров шириной до 5 м и глубиной 0,5–0,7 м. Каких-либо артефактов на площади крепости не найдено. Возможно, крепость была сооружена в Средние века и использовалась вплоть до начала XX в.

Крепость-убежище Караган. Крепость расположена в 27 км на ЮЗЗ от г. Форт-Шевченко. Выявлена Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Л.Л. Галкина в 1982 г. (рис. 45) [Галкин 1982: 18.].

Памятник состоит из двух объектов. Объект 1 – крепостная стена, перегораживающаяся мысовидный выступ, ее протяженность 190 м. В плане стена изогнута в сторону «поля» ломаной линией (рис. 46). Стена невысокая, до 1,5 м. Сложена методом двухрядной кладки из природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой. Ширина стены 1,5–1,7 м. Стена укреплена шестью полукруглыми башнями диаметром 3–3,5 м. В северо-западном секторе стены имеется проход. Перед стеной с напольной стороны просматривается заплывший ров шириной до 3 м. На площади, огороженной крепостной стеной, встречаются фрагменты станковой красноглиняной керамики. С северной стороны мыса имеется обустроенная тропа-спуск.

Объект 2 – массивный вал на оконечности мысовидного выступа (рис. 47). Вал шириной 6–7 м при

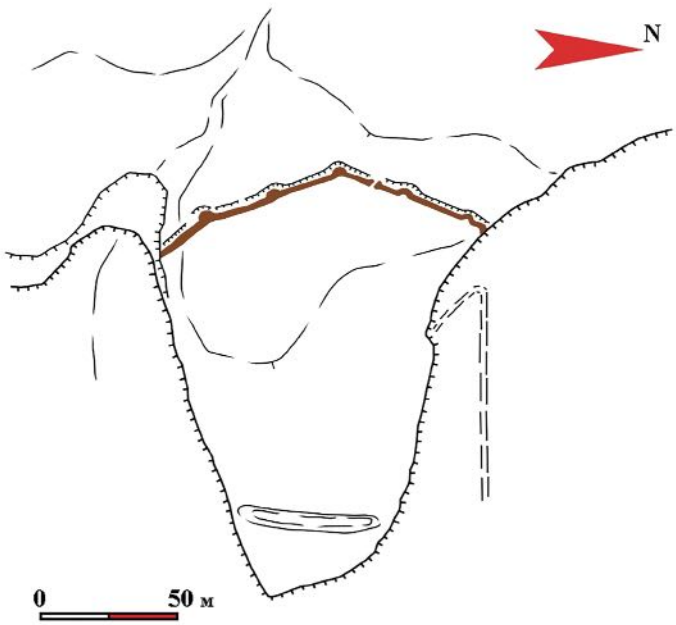


Рис. 46. План крепости-убежища Караган

Рис. 47. Фрагмент стены крепости-убежища Караган

высоте более 2 м. На участке мыса, отгороженном валом, встречаются фрагменты лепной керамики, кусочки медной руды и кремневые артефакты.

Крепость-убежище Карлыбас. Крепость находится в 7 км на юго-восток от пос. Саура. Выявлена и паспортизирована сотрудниками МГИКЗ в 1986 г.

Основная стена крепости имеет протяженность 45 м и относится к типу кочевнической крепости-убежища.

Сложена крепость из природного необработанного камня методом двухрядной кладки без раствора с грунтово-каменным заполнением пустот (рис. 48). Ширина стены достигает 1,7 м. Сохранившаяся высота до 2,8 м. С напольной стороны к стене пристроены три полукруглые башни шириной 3 м с выдвижением на 4 м (рис. 49).

С южной стороны от стены вдоль обрыва оставлен проход, с внутренней стороны стены имеются пять лестничных маршей, выступающих из плоскости стены вдоль ее оси. На северном участке стен скальный уступ огорожен невысокой каменной кладкой протяженностью до 70 м (рис. 50). В 110 м юго-восточнее крепости на краю уступа сохранились участки фундамента более ранней стены протяженностью до 40 м. Скудный подъемный материал позволяет датировать памятник от X–XIII вв. до позднего времени.

Крепость-убежище Кертти 1. Памятник находится в 33,5 км на ЮЮЗ от пос. Сазды. Выявлен археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Крепость круглая в плане, диаметром 15 м (рис. 51). Стены сложены горизонтальной кладкой крупными блоками природного камня, сохранились на высоту более 1 м (рис. 52). Ширина каменного развала 5–6 м. Ширина стен 2–3 м. Крепость с востока имеет разрыв в стене шириной до 3 м и соединена с массивом плато перешейком до 10 м. На перешейке имеется каменная наброска диаметром 4 м, высотой 0,4 м. Подъемный материал отсутствует.

Рис. 48. Конструкция стены крепости-убежища Карлыбас

Рис. 49. Полукруглые башни на стене крепости-убежища Карлыбас

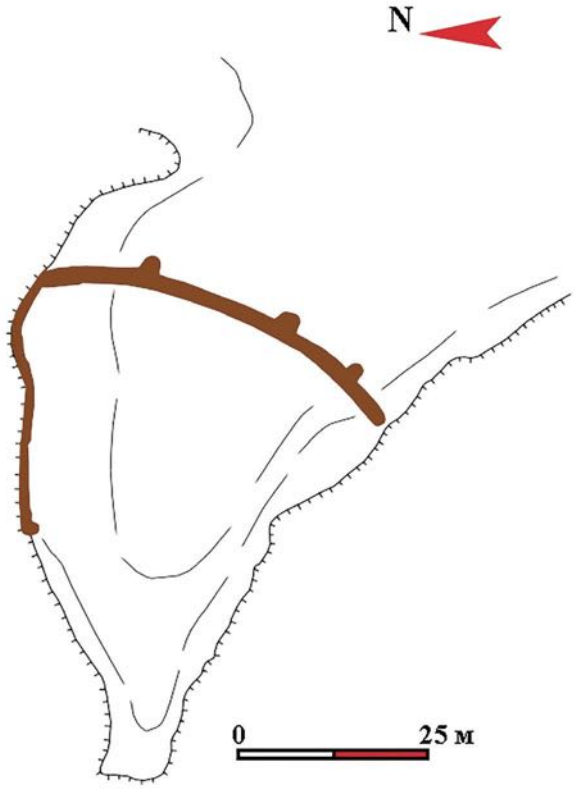


Рис. 50. План крепости-убежища Карлыбас

Крепость-убежище Кокжал (Жылкыбай). Памятник располагается в 8 км на восток от насосной станции Куйлус. Выявлена крепость сотрудниками отдела археологии МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Кокжал представляет собой укрепление, имеющее только одну стену, которая огораживает мыс от плато (рис. 53).

Эта стена протяженностью 110 м. Стена в среднем имеет высоту 2 м, на отдельном участке 3 м, ширина стены 1,5–1,8 м. Сложена методом двухрядной кладки без раствора с бутовым заполнением пустот. В плане стена извилистая, без башен. В средней части имеется дугообразный выступ. С внутренней стороны были устроены гнезда – бойницы в виде ниш со ступеньками для восхождения на стену. Фиксируется 18 таких ниш. С западной стороны стена не примыкает к обрыву, образуя проход в 1,5 м. С западного борта мыса внутри крепости имеется обустроенная тропа, ведущая вниз к основанию борта. На стене в двух местах зафиксированы изображения средневековых тамг. Аналогичные построек, фрагменты стенок станковых и лепных сосудов, также относящихся к XI–XIV вв. Небольшой могильник находится у западного основания мыса. Памятник паспортизирован в 1986 г. как крепость Канга-Баба.

Крепость-убежище Тулкили. Памятник находится в 7 км на ЮЮВ от пос. Саура. Выявлен археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Объект представляет собой остатки крепостной стены протяженностью 180 м, которая перегораживает мысовидный выступ скальной террасы (рис. 60). Терраса на этом участке имеет уступчатое понижение с перепадом высоты более 10 м. Стена сложена диким плитняком в два ряда с каменно-грунтовой забутовкой. Сохранившаяся высота стен 1 м (рис. 61). Местами стена разобрана до фундамента. Ширина 1,5–1,7 м. Почти в центре сооружения имеется проход шириной 2 м, который с напольной стороны ограничен выступа-

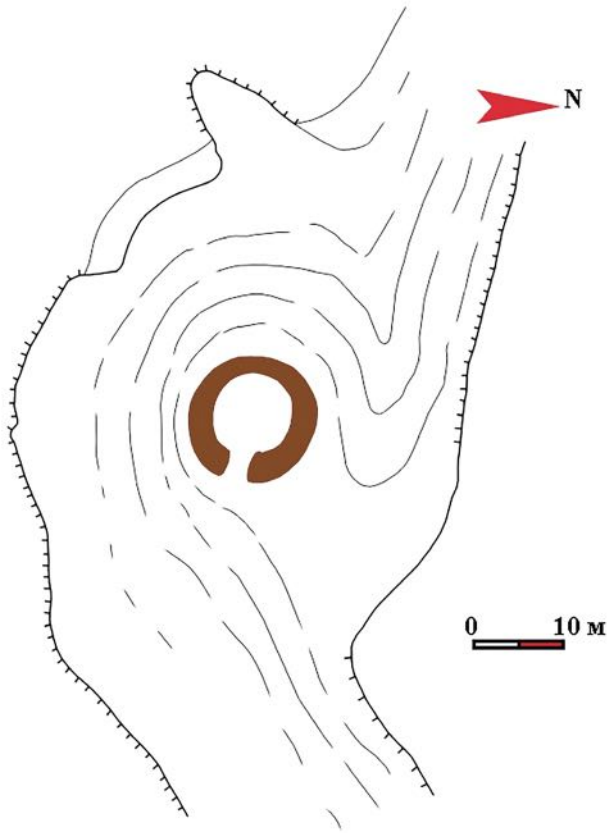


Рис. 51. План крепости-убежища Кертти

Рис. 52. Фрагмент стены крепости-убежища Кертти

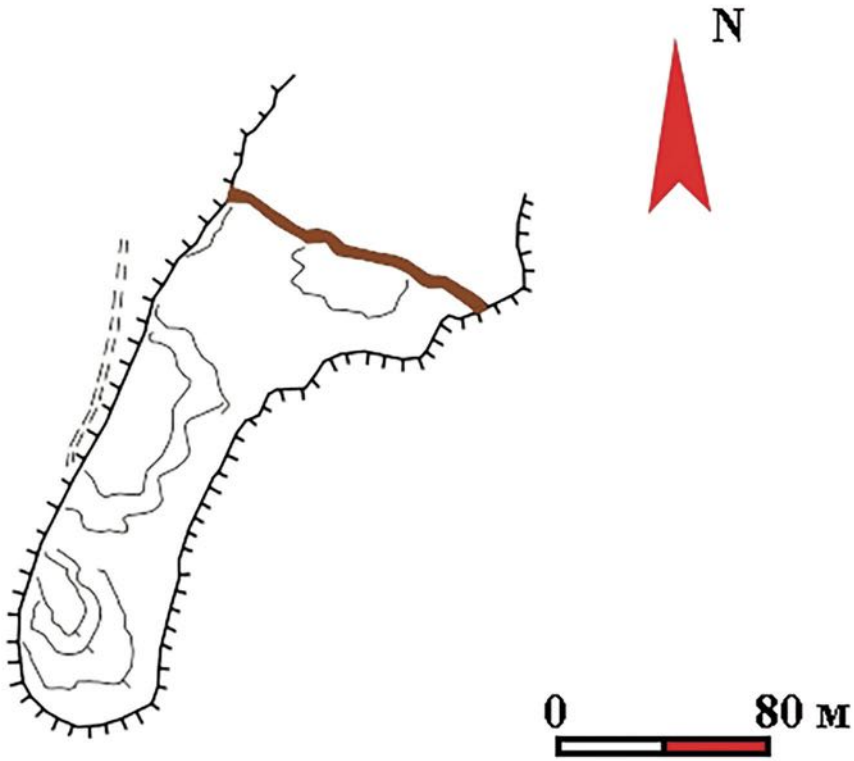


Рис. 53. План крепости-убежища Кокжал (Жылкыбай)

Рис. 54. План крепости-убежища Саура

Рис. 55. Конструкция стены крепости-убежища Саура

тамги датируются X–XIII вв. [Поляков 1973: 67]. Подъемный материал отсутствует.

Крепость-убежище Саура. Крепость находится в 600 м на северо-запад от пос. Саура. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Объект состоит из двух стен. Главная из них находится в северо-западной части останца и перегораживает его. Протяженность стены 36 м. В плане она имеет форму плавно изогнутой латинской буквы «S» (рис. 54).

Конструктивно стена построена из четырех рядов вертикально врытых плит следующим образом: основание шириной до 3–4 м с грунтовой забутовкой, на котороое установлена подобная конструкция, но меньшей ширины. Высота стены достигает 2 м. Стена выглядит в виде каменно-грунтового вала шириной до 1,5 м. С напольной стороны к концам стены пристроены две башни, сильно разрушившиеся и превратившиеся в груду камней. Здесь просматривается сочетание конструкций из вертикально установленных плит и горизонтальных кладок (рис. 54). Башни крепости, вероятно, имели внутренние помещения. Вдоль юго-западной «малой» башни имеется проход, ограниченный вертикально врытыми плитами. Ширина прохода 2 м. Внутри крепости встречаются кремневые отщепы и единично сечения пластин, а также кусочки медной руды. Вспомогательная стена располагается на противоположном конце останца, ее ширина до 3 м.

В плане имеет Г-образную форму и возведена из двух рядов вертикально установленных плит. Протяженность стены 10 м. На основании кремневых артефактов можно предполагать, что крепость относится к временам до нашей эры. Активное использование памятника относим к X–XIII вв.

Крепость-убежище Сыгынды 1. Крепость находится в 21,5 км на ССЗ от пос. Сайын. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Крепость располагается на морском побережье и прикрывает как с берега, так и со стороны плато обустроенный серпантинный спуск караванной тропы. Верхняя крепостная стена, устроенная на краю плато, короткая (протяженность 33 м) и в плане имеет дугообразную форму (рис. 56). Она по краям и в центре с напольной стороны укреплена тремя полукруглыми башнями диаметром 3–3,5 м (рис. 57). Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой без раствора из природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки 2–2,5 м, сохранившаяся высота до 1,7 м. Концы стены примыкают к обрыву и частично разрушены.

С восточной стороны внутри крепости имеется пристроенная каменная лестница. Непосредственно под крепостью находится природная двухъярусная пещера, нижний зал которой сильно засыпан. В 70 и 150 м восточнее верхней крепости по краю обрыва выведены две полуограды длиной в поперечнике 4 м. Полуограды сложены горизонтальной кладкой без раствора из природного камня с облицовкой вертикально установленными плитами. На скале у верхней стены и на плите дальней полуограды вырезана однотипная родовая тамга.

Нижняя крепостная стена протяженностью около 120 м устроена у основания склона. В плане имеет Г-образную форму. На углу и на западном окончании стены находятся круглые кольцеобразные башни диаметром 3,5 м. Кладка сложена без раствора в один камень на высоту до 1,2 м.

Зафиксированы два небольших прохода. На большом камне, вошедшем в конструкцию стены, имеются сильно выветренные средневековые родовые тамги. На основе тамг памятник датируется XIII–XIV вв. [Поляков 1973: 68].

Крепость-убежище Тубежик. Памятник расположен в 3,5 км на юго-восток от пос. Каракум. Выявлен Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Л.Л. Галкина в 1982 г. [Галкин 1982: 21].

Памятник состоит из крепости, поселения и могильника. Крепость представляет собой каменные валообразные возвышения с элементами кладок либо участки сохранившихся стен поперек мыса или по его периметру (рис. 58). Главная поперечная стена протяженностью 65 м имела шесть полукруглых башен и два прохода, которые с напольной стороны на удалении 10–12 м перекрывались двумя отдельно стоящими башнями, возможно, круглыми в плане (рис. 59). Средний диаметр башен 5–6 м, толщина стен 2 м. Кладка двухрядная с бутовым наполнением. Вспомогательная стена устроена по периметру, но отсутствует на участках с отвесными стенками «мыса». Ее ширина 1–1,2 м. С восточной и западной стороны «мыса» имеются проторенные тропы в долину.

В крепости и перед ней на современной поверхности часто встречаются фрагменты стенок станковых и лепных сосудов, относящихся к XI–XIV вв. Поселение располагается у основания мыса. На площади 4 га по полупериметру зафиксированы остатки фундаментов

Рис. 56. Верхняя стена крепости-убежища Сыгынды

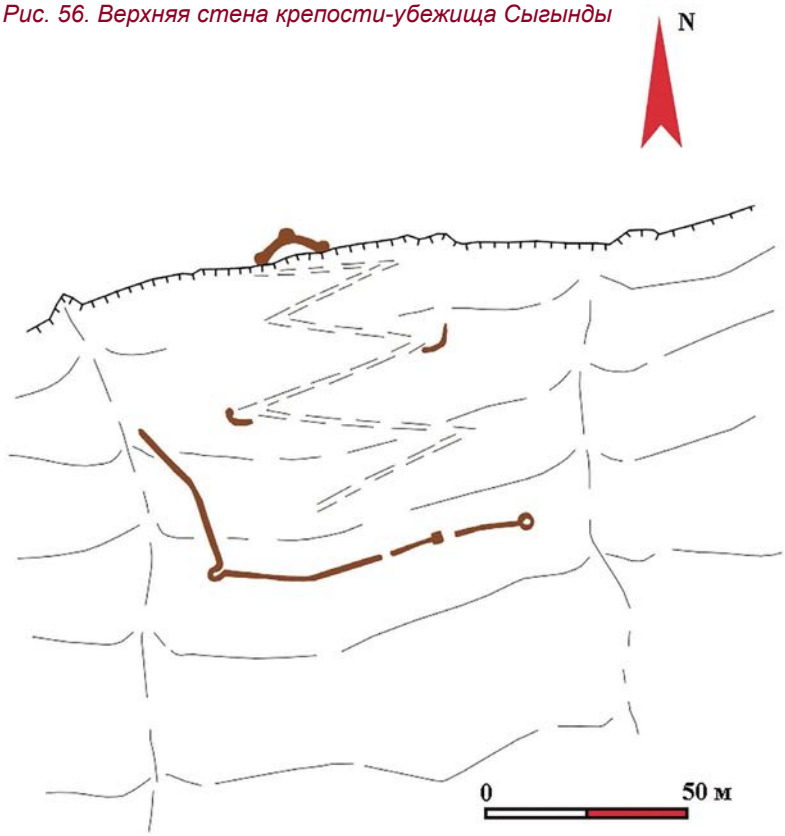


Рис. 57. План крепости-убежища Сыгынды

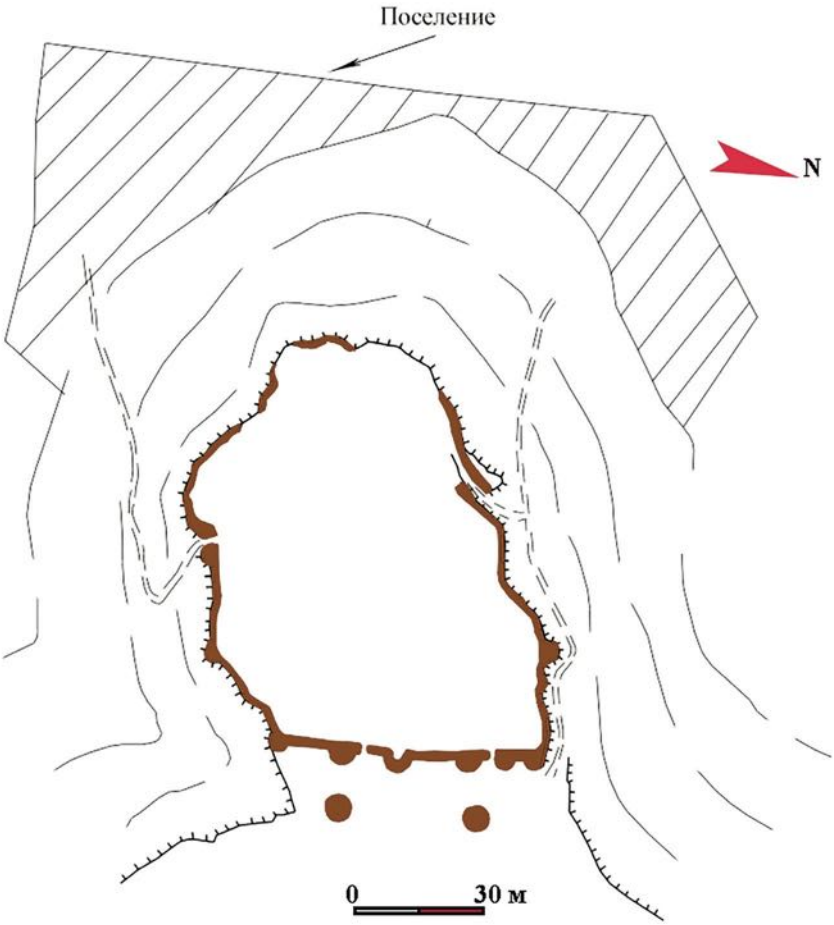


Рис. 58. План крепости-убежища Тубежик

ющими полукруглыми башнями диаметром 3,7–4 м. На площади памятника собран керамический материал, датируемый XI–XIV вв.

Крепость-убежище Тупкараган. Крепость находится в 7,5 км на ССВ от пос. Аташ. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. [Калменов 2022: 48–58; Справочные статьи…2006:].

Скальный мыс перегорожен с восточной стороны протяженным каменным валом длиной около 30 м с небольшим разрывом, образующим проход в крепость (рис. 62). Вал с южной стороны упирается в высокий фрагмент скалы, преобладающей в окружающем рельефе. Высота вала составляет более 2 м при ширине до 5 м. Просматриваются элементы горизонтальной кладки. На площади крепости встречаются фрагменты лепной и станковой керамики, датируемой XI–XIV вв.

Цепь укрепленных крепостей, вытянувшихся по линии восток – запад по отрогам Каратау и по восточному побережью моря, построена более или менее одновременно в XI–XIV вв., о чем свидетельствует найденный на памятниках керамический комплекс.

Оборонительные сооружения на территории Устюрта и Мангистау начали возводиться еще в эпоху бронзы (крепость Саура). В развитом Средневековье строительство укрепленных поселений и крепостных сооружений стало широко распространенным явлением в данном историко-культурном регионе. Эти укрепления возводились на горах Каратау, Актау и на краях чинка Устюрт. Они располагались в центральной части или на участке, выгнутом в сторону степи и обрывающемся отвесными скалами в долину, и отличались по размерам.

Конструкция стен крепостей разнообразна; в одних случаях стены усилены круглыми башнями, в других вытянуты в линию, перекрывая площадь, вокруг которой естественные обрывы закрывали остальную часть. Стены некоторых крепостей имеют кое-где проходы.

Рис. 59. Конструкция стены крепости-убежища Тубежик

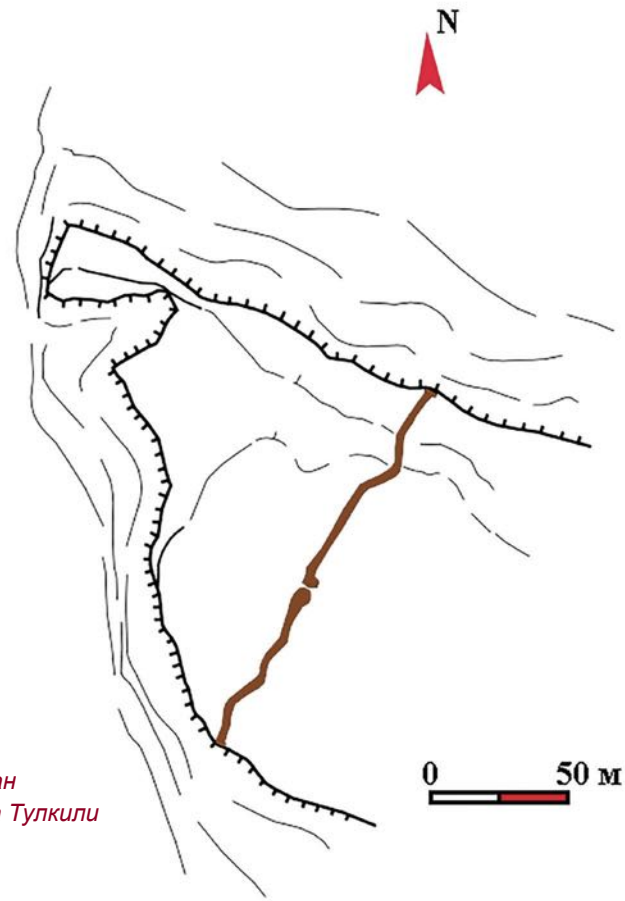


Рис. 60. План крепости-убежища Тулкили

Рис. 61. Фрагмент стены крепости-убежища Тулкили

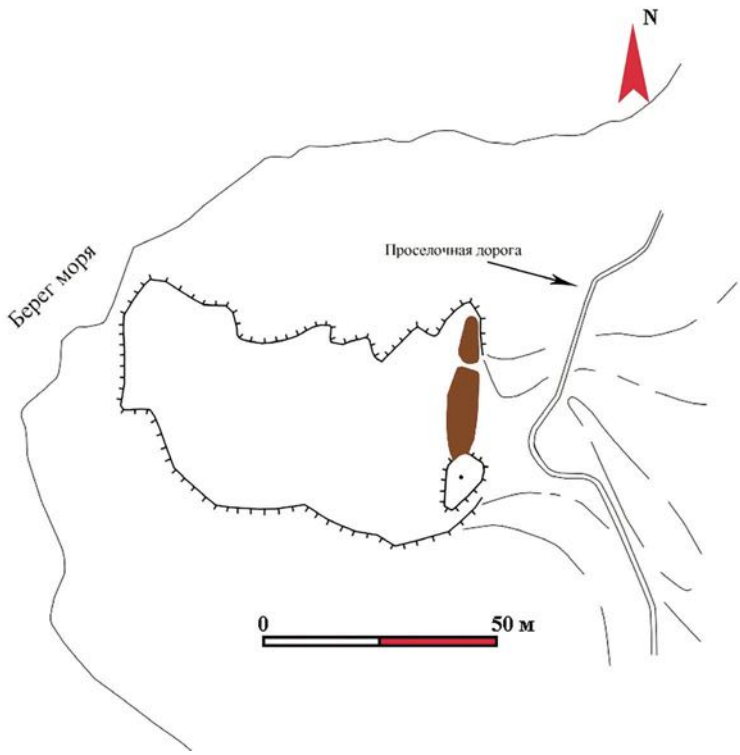


Рис. 62. План крепости-убежища Тупкарагаи

В силу того, что в таких памятниках еще не проводились археологические раскопки, мы не можем описать внутренние конструкции или сооружения. Датировать эти крепости позволяют только наскальные рисунки (в основном тамги) и собранные на дневном горизонте подъемные материалы. Письменных источников о бытовании крепостей мы на данный момент не имеем. Существование таких крепостей-убежищ, имеющих обычно слишком малую для постоянной жизни площадь (в среднем 5–15 тыс. кв. м), располагающихся на вершинах труднодоступных скал с прекрасным обзором, не оставляет сомнений в том, что они были временными. Как показывают исследования, в золотоордынский период эти крепости приходят в упадок и теряют свое основное оборонительное значение. Таким образом, жившие здесь люди создали мощный укрепленный район, отгороженный от степных просторов, а скудость археологического материала доказывает, что эти сооружения были практически необитаемы, по-видимому, они использовались только по необходимости – в моменты боевых или других чрезвычайных действий.

Обладая строго сезонными кормовыми ресурсами, полынными, биюргуновыми и боялышевым пастбищами, Устюрт является классической страной кочевников, подлинной лабораторией для исследователей, изучающих вопросы номадизма.

На территории Устюрта встречается один из феноменов человеческого изобретения – араны, или стреловидные планировки, как их называют обычно в археологической литературе. Они были выявлены сравнительно недавно и первоначально не привлекали к себе пристального внимания исследователей. Впервые археологические объекты подобного рода были обнаружены в 1952 г. во время работ Устюртско-Аджаибского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на мысе Хантерсек, у развалин средневекового городища Ербурункала [Толстов 1958: 78]. Эти работы послужили открытием и началом изучения одной из групп стреловидных планировок Устюрта. Однако в последующие годы интерес к такого рода археологическим объектам угас.

Надо отметить то обстоятельство, что араны, несмотря на всю свою исключительность, не изучались планомерно и комплексно. Лишь в 80-х гг. XX в. сотрудниками ИИАЭ ККО АН УзССР исследовались только те араны, которые располагаются на территории Каракалпакстана, и часть планировок, размещенных на Западном чинке в районе Кендерлисорской излучины [Ягодин 1991: 6–9]. Также имеется информация сотрудников Поволжско-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР, которые исследовали стреловидные планировки на Западном Устюрте близ Старого Бейнеу [Галкин 1987: 72].

В 2006 г. в ходе работы для «Свода исторических памятников Мангистауской области» были обнаружены и зафиксированы араны – стреловидные планировки на Западном чинке Устюрта, в окрестностях сора Тузбайыр [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:].

Аран Ащисор 1. Аран расположен в 7,5 км на север от пос. Куйрук. Ловчий загон находится на террасированном склоне и имеет сложную планировку [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Состоит из четырех ответвлений – крыльев в виде сходящихся протяженных стенок и ям-ловушек. В двух случаях ямы устроены под скальным обрывом. В северном крыле отмечена промежуточная ловушка в виде ямы с отходящими от нее под углом двумя стенками-лучами. В стенках трех ответвлений зафиксированы небольшие отсеки из вертикально установленных плит в виде каменных ящиков. Общая протяженность загона 500 м. Диаметр ям 4–4,5 м, современная глубина до 1,5 м. Стенки арана сложены сочетанием вертикально установленных плит с продольной и поперечной ориентацией. Высота стенок до 0,7 м.

Аран Балга 1. Памятник расположен в 44 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки, состоящие из ям диаметром 3,5 м и двух расходящихся под углом стенок-лучей протяженностью 10–42 м, выложенных друг за другом по одному краю мыса (рис. 63).

Проход на мыс образован одним лучом и кромкой обрыва. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м.

Аран Балга 2. Памятник расположен в 43,4 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки, состоящие из ям диаметром 3,6–3,8 м и двух расходящихся под углом стенок-лучей протяженностью 21–30 м, устроенных по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс (рис. 64).

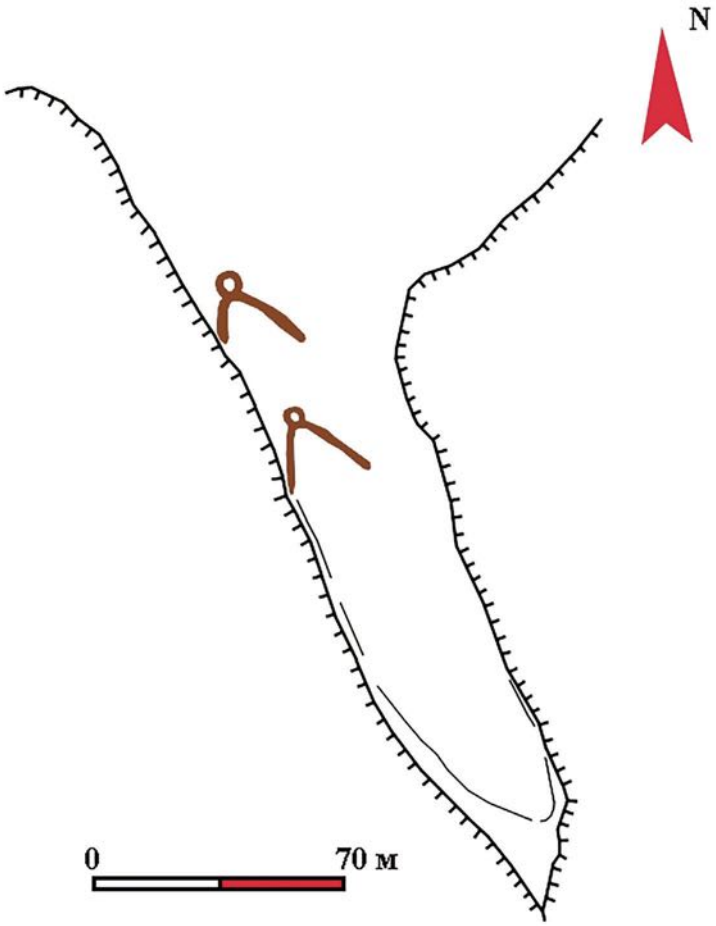


Рис. 63. План и фрагмент каменного луча арана – стреловидной планировки Балги 1

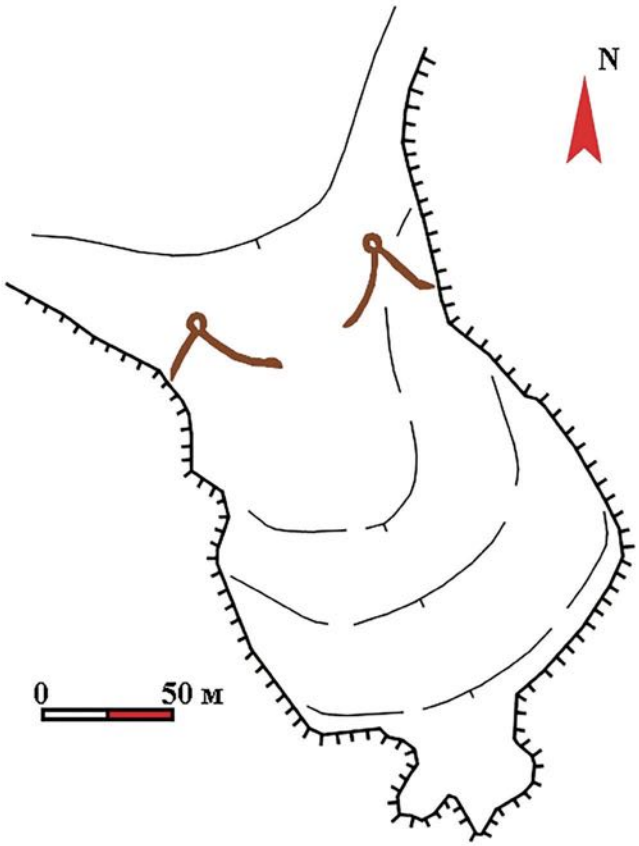


Рис. 64. План и фрагмент стенки ловушек арана – стреловидной планировки Балги 2

Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м.

Аран Балга 3. Аран расположен в 42 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном террасированном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой четыре ловушки, состоящие из ям диаметром 3,5–3,8 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 20–60 м (рис. 65). Две ловушки устроены по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс, остальные две примыкают к краям обрыва вразнобой. Стенки ловушек сложены из вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией в сочетании с горизонтальной кладкой без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м.

Аран Балга 4. Памятник расположен в 43,4 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки, состоящие из ям диаметром 3,5–3,8 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 28–50 м, устроенных по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс (рис. 66). Стенки ловушек сложены сочетанием

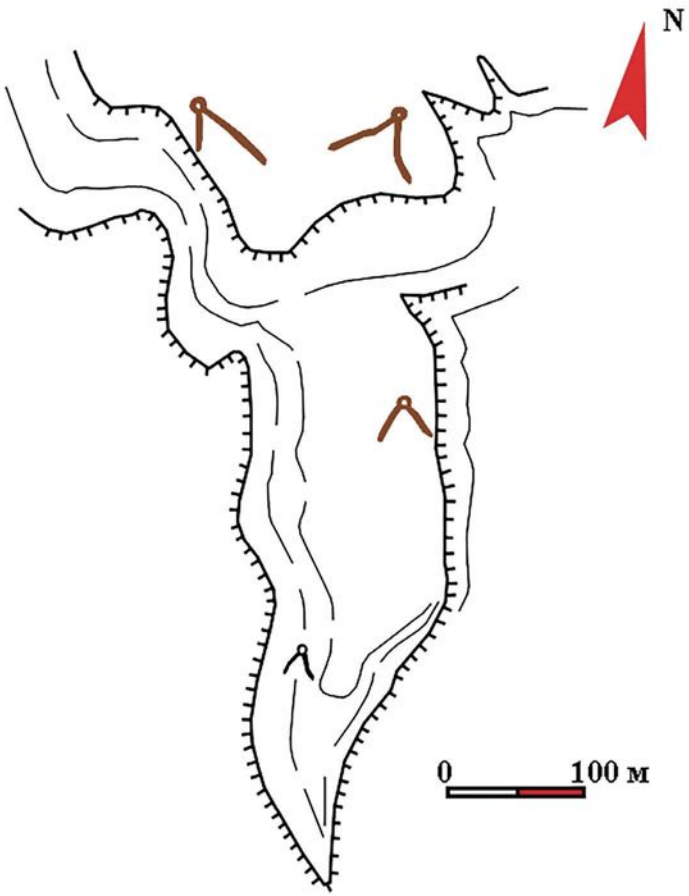


Рис. 65. План и стенки ямы арана – стреловидной планировки Балги 3

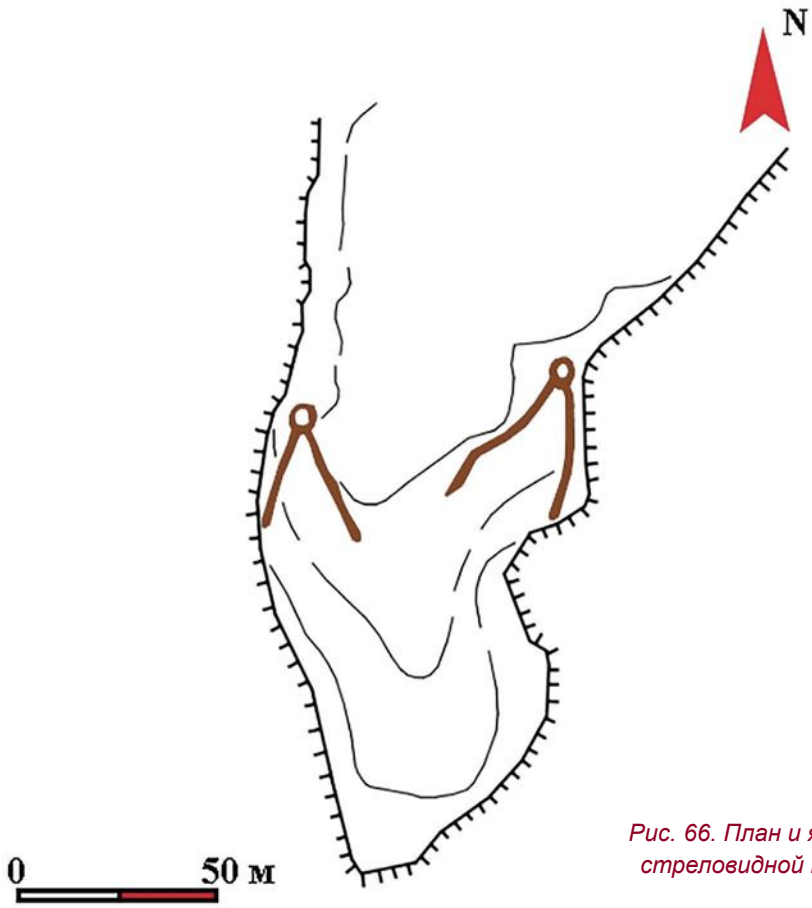


Рис. 66. План и яма-ловушка арана – стреловидной планировки Балги 4

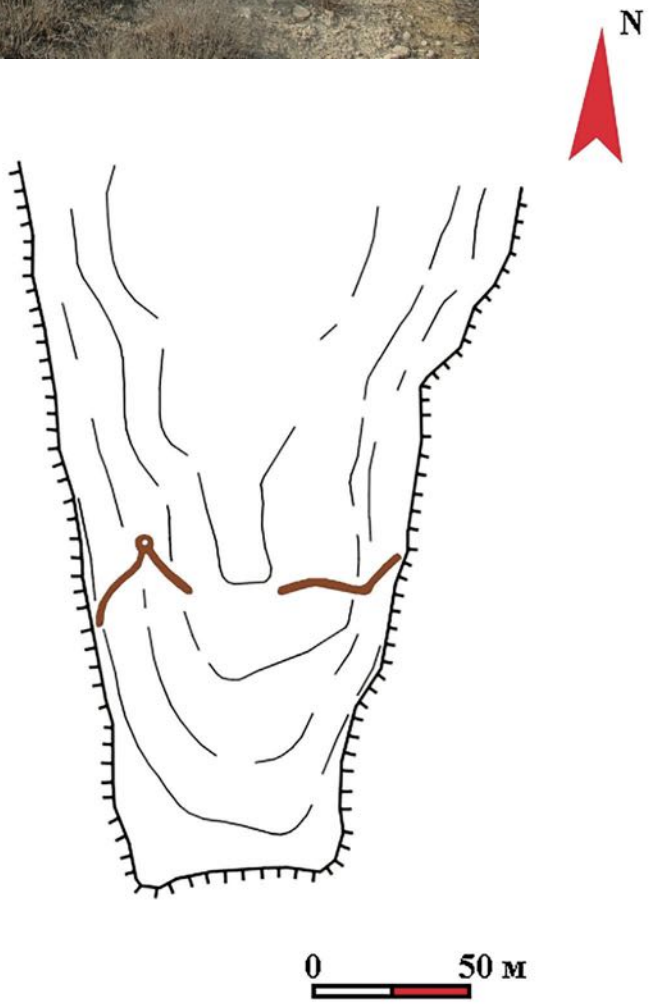


Рис. 67. План и яма-ловушка арана – стреловидной планировки Балги 5

вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,4 м.

Аран Балга 5. Аран расположен в 43,4 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:].

Представляет собой одну ловушку, состоящую из ямы диаметром 3,7 м, двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 20–28 м и преградительной стенки длиной 42 м, устроенных по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс (рис. 67). Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м.

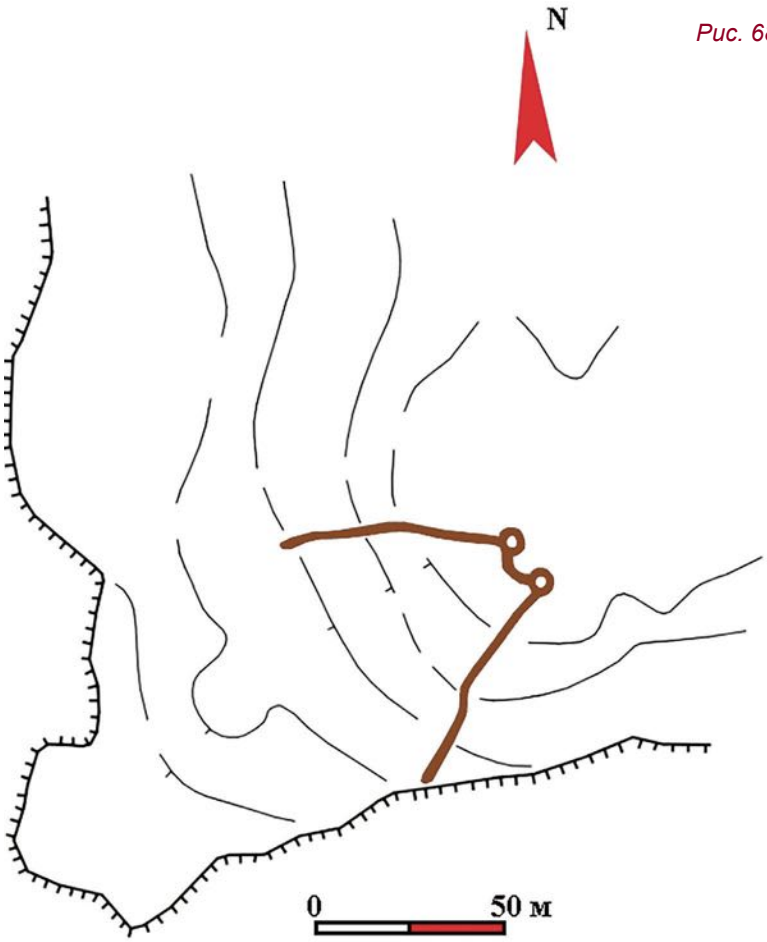


Рис. 68. План и фрагмент поперечной стены арана – стреловидной планировки Бауырбаса 1

Аран Бауырбас 1. Памятник расположен в 44 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой ловушку в виде буквы «М» с немного расходящимися стенками-лучами протяженностью до 60 м, в вершинах которой имеются ямы диаметром 3,5 м (рис. 68).

Проход на мыс образован одним лучом и кромкой обрыва. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,2 м.

Аран Бауырбас 2. Аран расположен в 45 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки, состоящие из ям диаметром 3,5–3,7 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 32–38 м, устроенных по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс (рис. 69). Стенки лову-

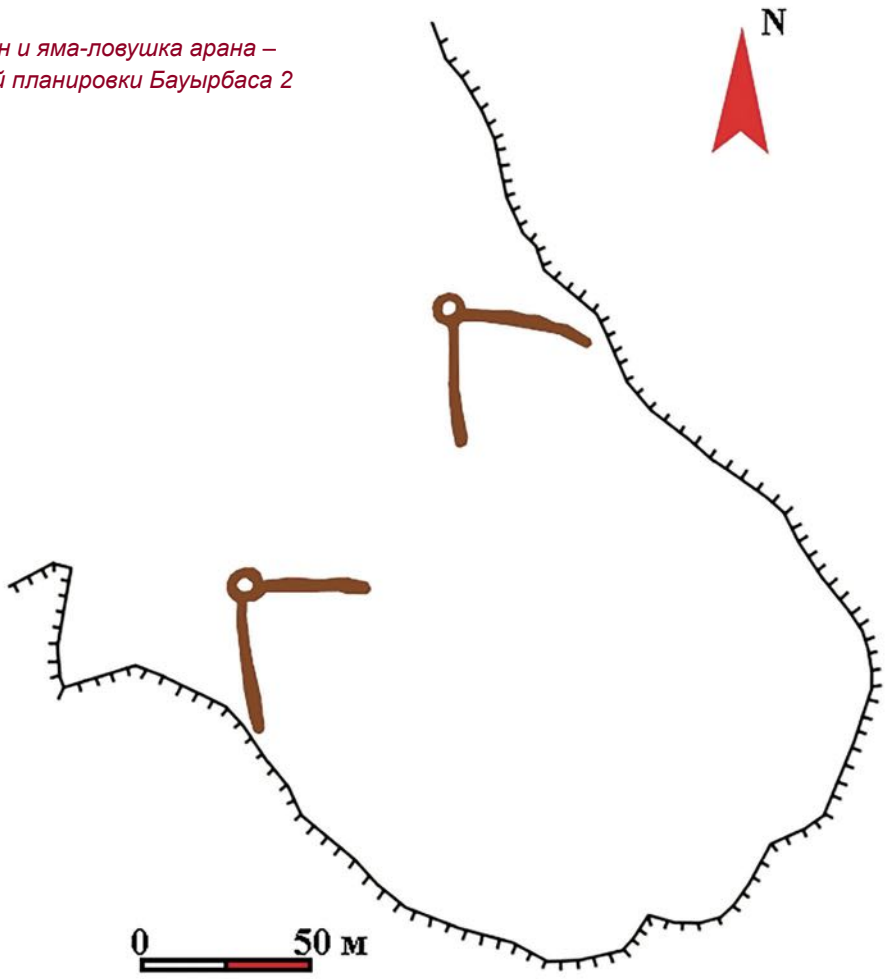
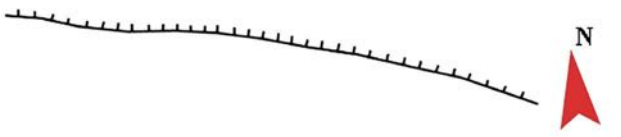


Рис. 69. План и яма-ловушка арана – стреловидной планировки Бауырбаса 2

шек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,4 м.

Аран Бауырбас 3. Памятник расположен в 46 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки, состоящие из ям диаметром 3,6 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 17–27 м, устроенных друг за другом по одному краю мыса. Восточная ловушка изрядно разобрана на камень (рис. 70).

Проход на мыс образован одним лучом и кромкой обрыва. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м.



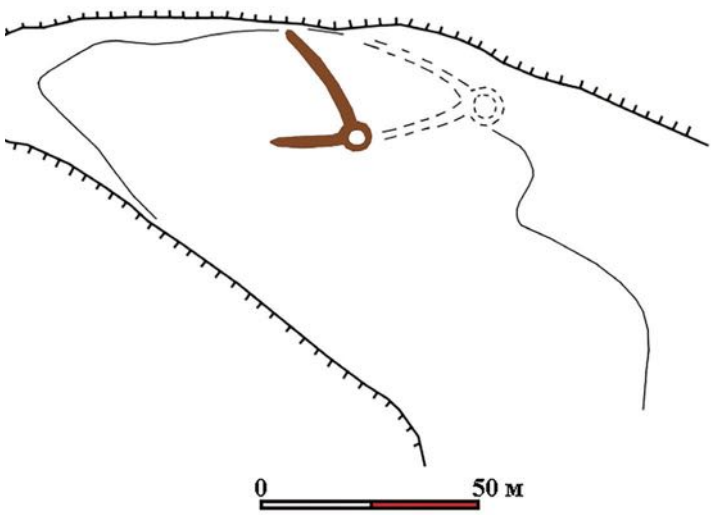


Рис. 70. План и конструкция кладки ямы арана – стреловидной планировки Бауырбаса 3

Аран Бауырбас 4. Аран расположен в 47 км на ЮЮВ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:].

Представляет собой ловушку, состоящую из ям диаметром 3,4 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 24 и 50 м, устроенную по одному краю мыса (рис. 71). Проход на мыс образован одним лучом и кромкой обрыва. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м.

Аран Тузбайыр 1. Памятник расположен в 38 км на юго-запад от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой ловушку неправильной четырехугольной формы 22 × 60 × 43 × 57 м, вытянутую по линии восток – запад (рис. 72).

По трем ее углам имеются ямы, две из которых диаметром 4 м, а одна в плане прямоугольной формы 4 × 7 м. Вход в загон устроен с юго-западного угла, шириной 16 м. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м. От юго-восточного и юго-западного углов отходят невысокие стенки-лучи, отгораживая от «поля» участок мыса с проходом у юго-западного угла загона с двумя пирамидками-рассекателями.

Аран Тузбайыр 2. Аран расположен в 38 км на юго-запад от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой ловушку неправильной четырехугольной формы 86 × 40 × 90 × 52 м, вытянутую по линии север – юг.

По всем ее углам имеются ямы круглой (диаметром 4 м) или прямоугольной (4 × 7 м) формы (рис. 73). Вход в загон устроен в западной стенке в виде двух лучей равной длины, слегка вогнутых в глубь ловушки. Ширина прохода 16 м. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 2 м. Загон устроен в 15–30 м от края обрыва. От северо-западного и юго-западного углов отходят вспомогательные стенки-лучи, первая из которых упирается в обрыв чинка, а вторая тянется на 115 м, отгораживая участок мыса.

Аран Тузбайыр 3. Памятник расположен в 40 км на юго-запад от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки, состоящие из ям диаметром более 3 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 25–40 м, устроенных по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс (рис. 74). Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,2 м.

Аран Тузбайыр 4. Памятник расположен в 39 км на юго-запад от пос. Сай-Отес [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой ловушку вытянутой треугольной формы 140 × 50 × 75 м с двумя ямами диаметром более 3 м. Длинная ось загона ориентирована по линии восток – запад (рис. 75). Вход в загон устроен в юго-восточном углу ловушки. Ширина прохода 30 м. Проход разделен направляющей стеной, протянувшейся на более чем 200 м до чинкового обрыва. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1, 4 м.

Аран Тузбайыр 5. Памятник расположен в 38 км на ЮЮЗ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на терасированном склоне Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:].

Представляет собой ловушку неправильной пятиконечной формы, в каждой вершине которой имеется яма диаметром более 3 м (рис. 76). У загона два сквозных прохода; один из них устроен с западной напольной стороны, его ширина 40 м с 12 пирамидками-рассекателями. Второй проход располагается со стороны чинкового обрыва. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора.

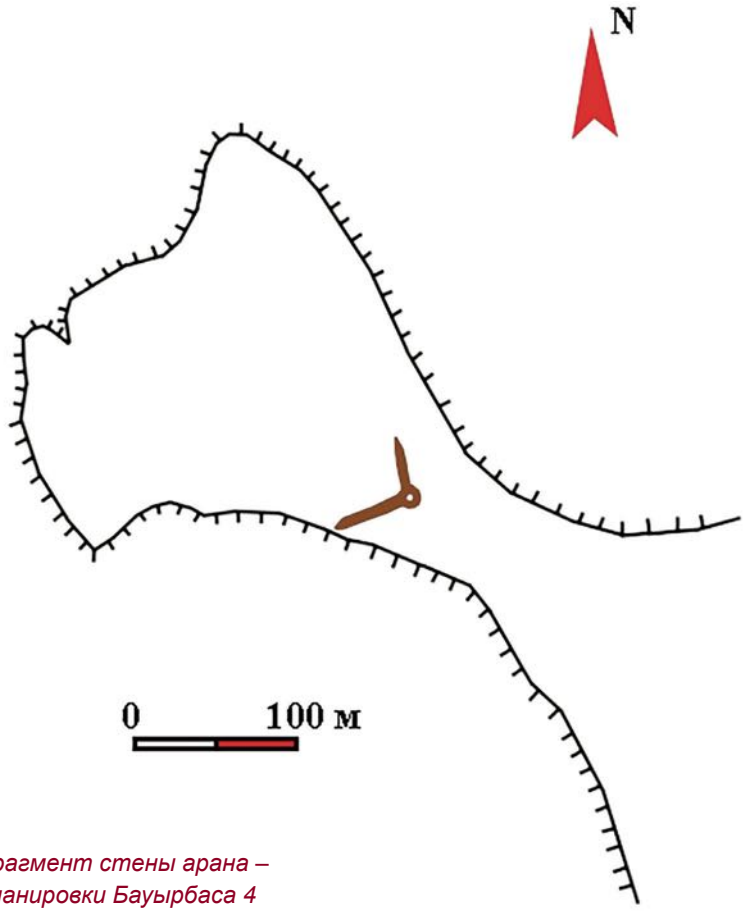


Рис. 71. План и фрагмент стены арана – стреловидной планировки Бауырбаса 4

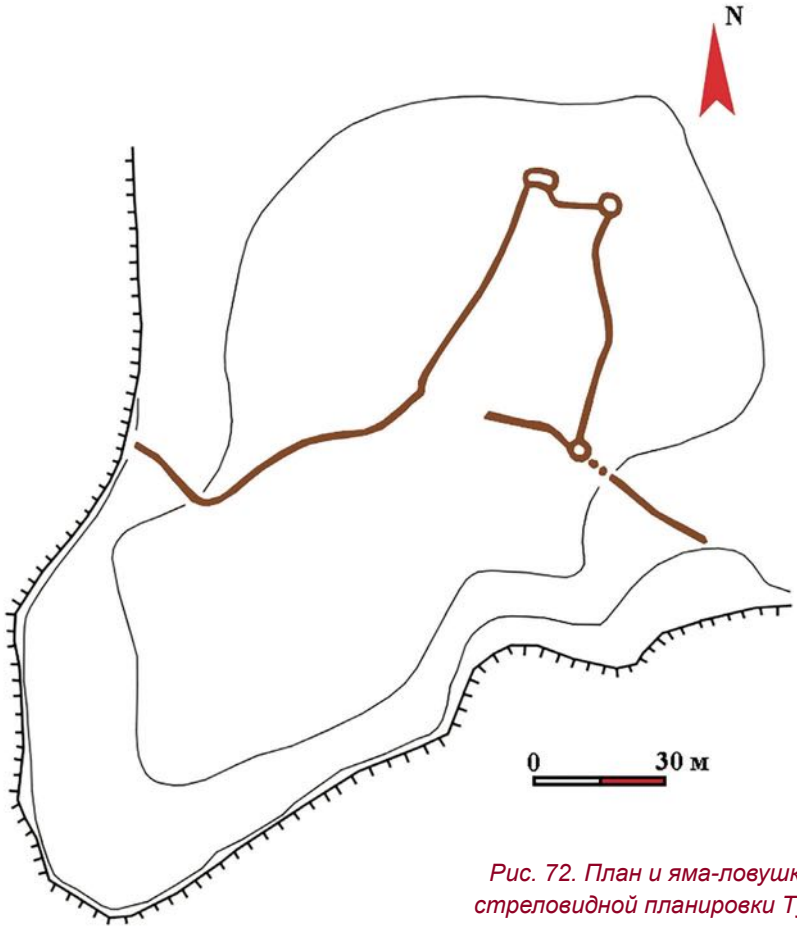


Рис. 72. План и яма-ловушка арана – стреловидной планировки Тузбайыра 1

Рис. 73. План и вспомогательные стенки лучи арана – стреловидной планировки Тузбайыр 2

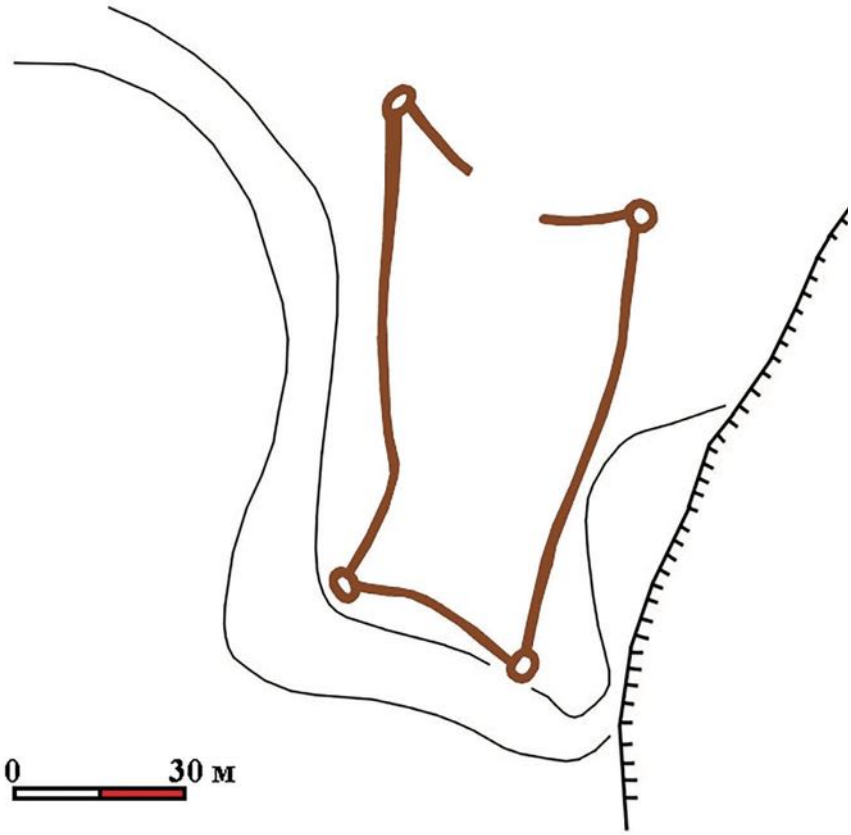


Рис. 74. План и яма-ловушка со стеной арана – стреловидной планировки Тузбайыра 3. Аэрофото

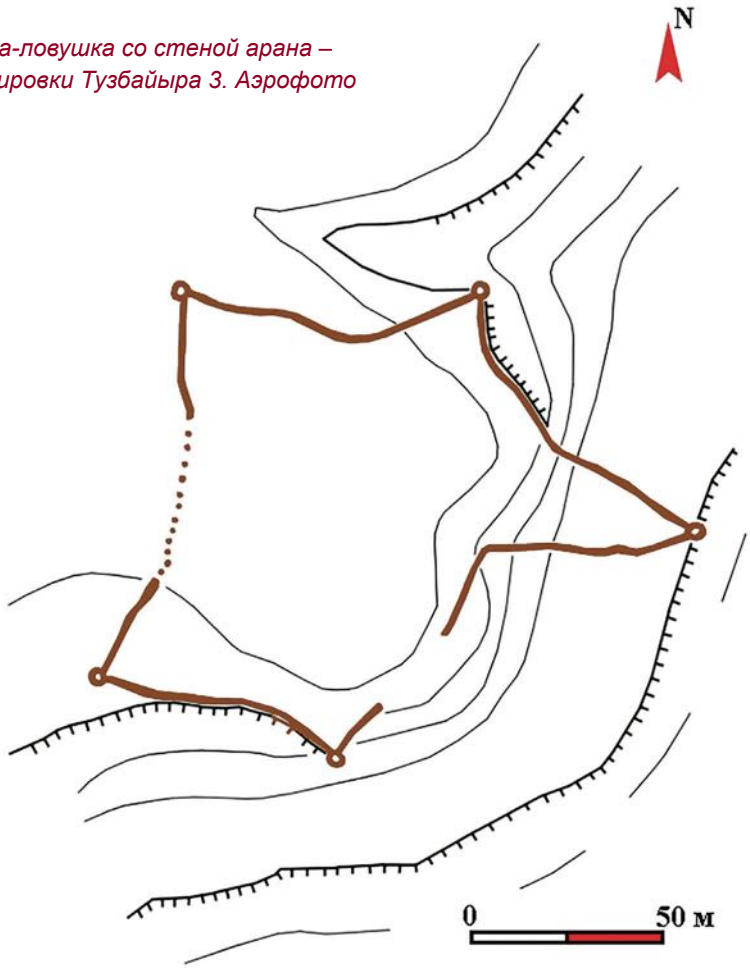
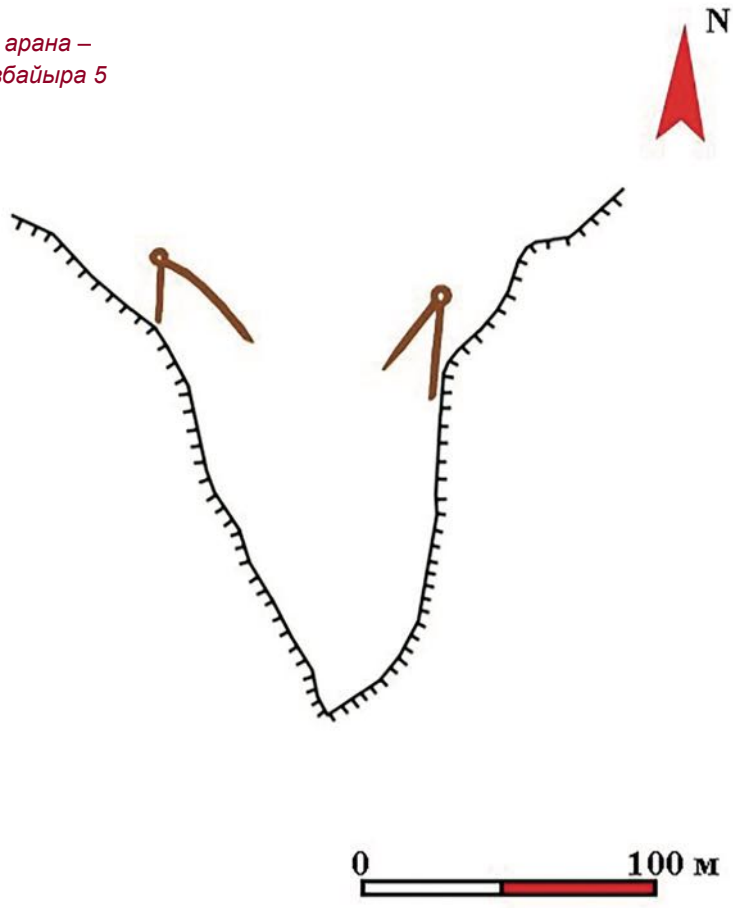


Рис. 75. План и стены арана – стреловидной планировки Тузбайыра 4 вдоль чинкового обрыва

Рис. 76. План и яма-ловушка арана – стреловидной планировки Тузбайыра 5



Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м. Аран возведен на остатках более раннего, значительно разрушенного подобного сооружения. На площади загона встречаются фрагменты кладок (вертикально врытые плиты поперечной ориентации) и кремневые отщепы.

Аран Тузбайыр 6. Аран расположен в 37 км на ЮЮЗ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:].

Представляет собой пять однотипных ловушек, состоящих из ям диаметром 3,5–4 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 20–110 м, устроенных по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проходы на мыс. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами (рис. 77). Современная глубина ям до 1,4 м.

Аран Тузбайыр 7. Памятник расположен в 36,5 км на ЮЮЗ от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки, состоящие из ям диаметром 3,5 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 16–35 м, устроенных по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора (рис. 78).

Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации в сочетании с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,2 м.

Аран Тузбайыр 8. Памятник расположен в 37 км на юго-запад от пос. Сай-Отес. Ловчий загон находится на мысовидном выступе Западного чинка плато Устюрт [Калменов 2007: 282–290; Справочные статьи…2006:]. Представляет собой две ловушки двух типов, устроенные по краям мыса в один ряд, образуя с лучами проход на мыс (рис. 79). Первый тип – ловушка в виде

Рис. 77. Яма-ловушка арана – стреловидной планировки Тузбайыра 6

Рис. 78. Яма-ловушка арана – стреловидной планировки Тузбайыра 7

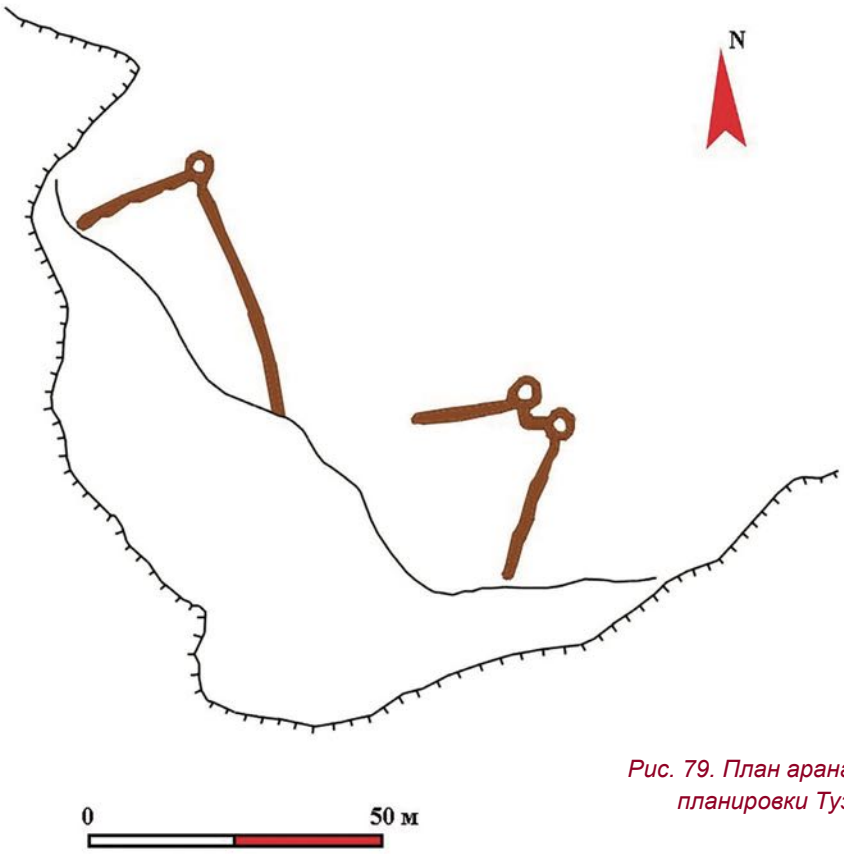


Рис. 79. План арана – стреловидной планировки Тузбайыра 8

ямы диаметром 3,5 м и двух под углом расходящихся стенок-лучей протяженностью 18 и 40 м. Тип второй – ловушка в виде буквы «М» с немного расходящимися стенками-лучами протяженностью 17 и 25 м, на вершинах которой имеются ямы диаметром 4 м. Стенки ловушек сложены сочетанием вертикально установленных плит из природного камня с продольной и поперечной ориентацией и горизонтальной кладки без раствора. Стенки ям облицованы тем же материалом, что и горизонтальная кладка, в комбинации с вертикальными плитами. Современная глубина ям до 1,3 м.

Об этих памятниках сохранились историографические источники русских натуралистов, военных топографов XIX – начала XX в. Так, в материалах экспедиции 1825–1826 гг. на Устюрт, в частности в «Топографическом журнале пространства Киргизской степи между Каспийским и Аральским морями», составленном В.Д. Вольховским и А.О. Дюгамелем, мы встречаем следующую информацию: «...из замечательных зверей здесь куланы (дикие лошади), тарпаны и сайгаки. Ловят сайгаков, заганивая их в каменные ограды, в которых сделаны ямы, куда они упадывают» [Первые русские научные…1964: 98].

В материалах той же экспедиции имеются наблюдения, описанные Э. Эверсманном. Вот что он пишет: «Для ловли антилоп или сайгаков имеют киргизцы на Устюрте места, обнесенные каменною стеною, от 300–400 шагов в длину и, смотря по местным обстоятельствам, шире или уже, вышиной от 3-4 футов, имеющие весьма малые отверстия, подле находится рытвина, обнесенная также складенными каменьями, так что никакой зверь не может перепрыгнуть через сию ограду. Охотящийся киргизец идет на 10–15 верст в окрестные места и умеет столь хорошо подражать свистящему голосу сайгачьей самки, что все самцы за ним следуют. Таким образом проводит он их через оставленное отверстие в большую загородку, потом идет на другую сторону рытвины или ямы и продолжает свистеть по-прежнему; другой, с начала сего действия спрятавшийся киргизец становится в отверстие и начинает кричать. Робкие зверьки, желая спастись, отваживаются бросаться через яму, попадают в нее и ловятся» [Первые русские научные…1964: 145].

В значительной степени совпадают с приведенными выше сведениями об охоте на парнокопытных и этнографические данные современности. Казахи старшего поколения (1950–1960 гг. рожд.), чьи предки кочевали по Устюрту, помнят о проведении на плато охоты при помощи специальных построек, описания которых в значительной степени напоминают изображения стреловидных планировок. По словам информаторов, эти конструкции назывались «аран», а остро заточенные стебли камыша, устанавливавшиеся в круглых ямах на углах треугольной ограды, носили название «жебе». Вокруг арана рыли несколько специальных ям, где прятались охотники. Облавой, в которой участвовало 30–40 всадников, животных загоняли внутрь арана и здесь истребляли. Охота происходила осенью. Аран сооружали жители кочевого аула или даже группа кочевий, объединившихся в одно племя. После охоты добыча распределялась на весь аул [Ягодин 1991: 101].

В этой связи представляет интерес одна из этимологий термина «аран». Н.В. Радлов интерпретирует его как «народ», «племя» [Радлов 1893: 251].

Обзор археологических изысканий, проведенных на плато Устюрт в 70-х и 80-х гг. XX столетия, позволяет заметить, что стреловидные планировки не распространены в указанном регионе повсеместно, а лишь в определенных районах. Согласно имеющимся материалам, в планиграфическом отношении выделены четыре типа стреловидных планировок:

тип I – с большой оградой параболической формы, широким воронкообразным входом, двумя малыми треугольными оградами, соединенными воронкообразным входом с «усами» и «направляющими»;

тип II – с большой оградой произвольной формы, в качестве одной из сторон использующей чинк Устюрта, и одной малой оградой треугольной формы, соединенной с большим воронкообразным входом;

тип III – с одной малой оградой произвольной формы и «направляющей» в виде цепочки каменных плит;

тип IV – с системой стен из каменных плит, замкнутых колец и втянутых воронкообразных входов, включенных в естественный рельеф обрывистых плато и использующих отдельные элементы рельефа в качестве составляющих искусственно созданной системы оград, воронкообразных входов и колец.

На основании этнографических источников, сравнительного анализа их с археологическими материалами евразийского, ближневосточного и североамериканского происхождения установлено, что стреловидные планировки Устюрта использовались в качестве стационарных охотничьих сооружений для охоты на диких копытных [Ягодин 1991: 193]. Стреловидные планировки I типа применялись в качестве охотничьих заградительных систем на путях сезонных миграций таких диких копытных, как кулан и сайгак.

Стреловидные планировки II и III типов были необходимы для загонной (облавной) охоты в местах сезонного скопления (зимовок) диких копытных – сайгаков, куланов, джейранов. И, наконец, стреловидные планировки IV типа сооружали в местах постоянного обитания диких копытных для загонной охоты именно на устюртских баранов (муфлонов).

Охота с применением стационарных охотничьих сооружений на путях сезонных миграций и в местах сезонных скоплений животных могла быть только коллективной. Совместных усилий требовало и строительство подобных строений, и утилизация останков зверей, и переработка трофеев массовой охоты. Доставляя большое количество продукции, превышающее ежедневные потребности общества, коллективная охота создавала предпосылки для формирования хозяйства, приобретавшего товарные черты.

Таким образом, среди археологических памятников средневекового Устюрта и Мангистау имеются различные по функциональному назначению объекты, но топографически подавляющее большинство их расположено на древних торговых путях, связывавших среднеазиатские (шире – центральноазиатские) государства с северо-западными областями, в том числе с такими государственными образованиями, как Хазарский каганат (в IX–X вв.), Волжская Булгария (в X – первой трети XIII в.), центральные, поволжские земли Улуса Джучи (во второй половине XIII – XIV в.). Эти же поселения активно контактировали с полукочевым и кочевым населением из ближайшей округи.

На выявленных аранах, к сожалению, археологические раскопки не производились. По результатам исследований, которые проведены под руководством В.Н. Ягодина, было установлено, что араны – стреловидные планировки на современном этапе исследования могут быть датированы от середины I тыс. до н. э. до этнографической современности. Вместе с тем абсолютно хронологическая позиция некоторых типов стреловидных планировок в составе различных территориальных групп остается весьма неустойчивой ввиду отсутствия достаточно прочно связанных с ними датирующих находок [Ягодин 1991: 172].

ГЛАВА 3
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОСЕЛЕНИЙ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ

3.1. Керамическое производство *и продукция гончаров*

Керамическое производство является одной из важнейших отраслей ремесла практически любого средневекового города. Посуда для повседневного использования в быту, как правило, не является предметом импорта, ее изготовляли для продажи на городских рынках местные гончары. Покупало такую посуду и население округи. Города Хорезма еще в домонгольское время считались крупнейшими центрами керамического производства. Часть продукции гончаров предназначалась на продажу за пределами страны. Она доходила, как мы знаем, до рынков Хазарского каганата и Волжской Булгарии, где хорезмская посуда высоко ценилась благодаря высокому качеству изготовления, изяществу и практической целесообразности форм.

После монгольских завоеваний керамическое производство в Хорезме быстро возобновилось. Некоторые выводы о восстановлении керамического ремесла в Хорезме в середине XIII в. были сделаны на основании историко-топографического обследования и сбора подъемного материала в производственных центрах – в Куня-Ургенче (ныне Кёнеургенч) и Миздахкане еще в 30-х гг. XX в. А.Ю. Якубовским. Он впервые опубликовал образцы хорезмской поливной керамики, обосновал их датировку, определил типы керамических изделий. Одним из достоинств работы А.Ю. Якубовского является выявление керамики с полихромной росписью с бирюзовой расцветкой. На основе анализа керамических данных он датировал XIII–XIV вв. керамику со стекловидной глазурью, с синей и темной росписью по белому фону и сосуды с бирюзовой поливой и черной росписью, подчеркнув высокий уровень развития керамического производства. А.Ю. Якубовский отметил также появление самостоятельной керамической школы, традиции которой повлияли на поволжские керамические центры Золотой Орды [Якубовский 1930: 28; Якубовский 1931: 91]. Классификации средневековой керамики Хорезма посвящен монографический труд Н.Н. Вактурской. Автор разбирает вопросы технологии изготовления, орнаментации, приводит аналогии типов керамических изделий, определяет причины развития гончарного производства Хорезма в Средние века. Н.Н. Вактурская считает, что золотоордынское время характеризуется усовершенствованием технических достижений хорезмских керамистов [Вактурская 1958: 308].

Керамика монгольского времени из различных памятников Хорезма публиковалась О.А. Вишневской [Вишневская 1963: 66–67], Г.А. Пугаченковой [Пугаченкова 1960: 197], Е.Е. Неразик [Неразик 1976: 123], В.Н. Ягодиным [Ягодин 1963: 97] и М.-Ш. Кдырниязовым [Кдырниязов 1983: 103; Кдырниязов 1989: 68]. Химико-технологический анализ средневековой керамики Средней Азии и Хорезма дан в работах Э.В. Сайко [Сайко 1966: 54].

Значительное место изучению керамики золотоордынского времени отведено в работах С.Е. Михальченко [Михальченко 1973: 118], Н.М. Булатова [Булатов 1968: 85–109; Булатов 1976: 73–107], Н.С. Гражданкина и Э.В. Ртвеладзе [Гражданкина, Ртвеладзе 1971: 127]. Также анализы мы встречаем в работах И.В. Волкова [Волков 1991: 35–40; Волков 1992: 101–102], В.Ю. Коваля [Коваль 2010: 269], А.Н. Масловского [Масловский 2012: 42–

46]. Авторы проводят классификацию и анализируют образцы поливной и неполивной керамики Золотой Орды, в том числе хорезмийской.

Концентрация гончарных печей в юго-восточной части городища Кызылкала свидетельствует о существовании на данном участке кварталов керамистов. Судя по раскопанным конструкциям, горны были двухъярусные, округлой формы [Галкин 1982: 28].

Керамический материал, собранный к настоящему времени в Кызылкале, Кетиккале и на других памятниках, относится к X–XIV вв. В ходе камеральной обработки большой коллекции керамических материалов мы столкнулись с проблемой типологии для посуды периода X–XIV вв. Для классификации поливных керамических изделий X–XIV вв. мы брали за основу принципы Н.М. Булатова, разработанные им при изучении поливной керамики Поволжья XIV в. [Булатов 1968: 109; Булатов 1976: 107]. Для классификации неполивной керамики применяем методы, составленные Н.Н. Вактурской. Согласно ее классификации, сосуды разделяются сначала на группы по цвету теста, затем на отделы по функциональному назначению, далее выделяются типы по форме [Вактурская 1958: 310]. В ходе анализа керамики Хорезма, Кызылкалы, Кетиккалы потребовалось внесение некоторых уточнений в типологический лист, предложенный Н.Н. Вактурской. На данном этапе археологического исследования Кызылкалы, на наш взгляд, было целесообразно разработать собственный типолист керамических форм на основе находок из всех строительных горизонтов, с хронологической разбивкой, насколько это могла позволить стратиграфическая чистота отложений и методика фиксации.

В основу предварительной типологии керамики положено соотношение размеров, пропорций и тестового состава венчиков и профилированных частей станковых и лепных сосудов, а также имеющиеся аналоги среди найденных целых сосудов на территории Устюрта и Мангистау и типологические таблицы керамики Хорезма.

Хумы – сосуды больших пропорций со значительным диаметром края и отсутствием горловины. Выделены два типа.

Тип 1 (рис. 80, *1, 2, 4*) – классические хорезмийские красно- и сероглиняные сосуды яйцевидной формы со срезанным верхом и округло-уплощенным дном. Под венчиком может иметь место декоративный налеп с пальцевидными вдавлениями. Диаметр края достигает 40–42 см. В тесте обильная примесь дресвы. Форма венчика имеет хронологический признак: утолщение по краю – X–XI вв., полочковидное оформление края – XII–XIV вв. К этому типу отнесен фрагмент венчика красноглиняного сосуда, изготовленного из глины без

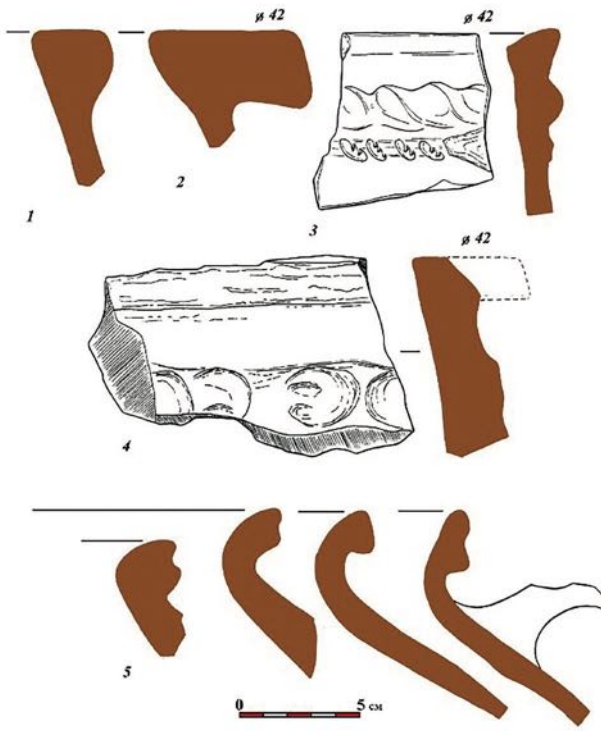


Рис. 80. Классические хорезмийские красно- и сероглиняные сосуды яйцевидной формы со срезанным верхом, округло-уплощенным дном и фрагменты дна с отпечатком циновки на внешней поверхности

технологических примесей, со слабым обжигом. Вероятно, данной группе хумов принадлежит фрагмент дна с отпечатком циновки на внешней поверхности. В его глиняном тесте обильная примесь дресвы и гипса, реже гипса. Грубость обработки поверхностей может указывать на ручной способ изготовления этого сосуда.

Тип 2 – прототипом формы послужили два одинаковых красноглиняных сосуда (найденные в 1989 г. в местности Кырыкагын, район пос. Таучик) вертикально вытянутых пропорций с округлыми плечами, сильно зауженным к низу туловом и небольшим плоским дном (рис. 81).

Плечи сосудов переходят практически без горловины в отогнутый край, оформленный фигурным венчиком. Диаметр венчиков 19–20 см, диаметр тулова 44–46 см, диаметр днищ 16 см, высота сосудов 59–70 см. На плечах сосудов имеются по три петлевидные пластинчатые ручки. Сосуды изготовлены из двух состыкованных в нижней части деталей. Стыковочный шов оформлен валиком, декорированным косыми насечками. Верхняя часть сосудов покрыта косым вертикально-шагающим полосчатым лощением. Кызылкалинские хумы (12 экз.) имели вариации укороченной горловины, оформленной фигурным венчиком или без него. Диаметры венчиков 18–20 см. Все сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте.

Хумчи – сосуды, формой аналогичные хумам, но меньших размеров.

Тип 1 – единичная находка венчика (диаметр 22 см) красноглиняного сосуда без отощителя глиняной массы (рис. 82, *7)*.

Тип 2 – найдены венчики восьми сосудов диаметром 12–14 см (рис. 82, *5, 6, 8, 9*). Все они красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте. Представление о форме этих сосудов в определенной степени дает красноглиняная хумча, тоже найденная в местности Кырыкагын. Она имела вертикально вытянутые пропорции, укороченную прямую горловину с косо срезанным внутрь краем, округлые плечи, вытянутое вниз тулово и небольшое дно. На плечах располагались три петлевидные, круглые в сечении ручки. В нижней части сосуд имел стыковочный шов. В орнаментации верхней части сосуда использована линейно-волнистая грави-

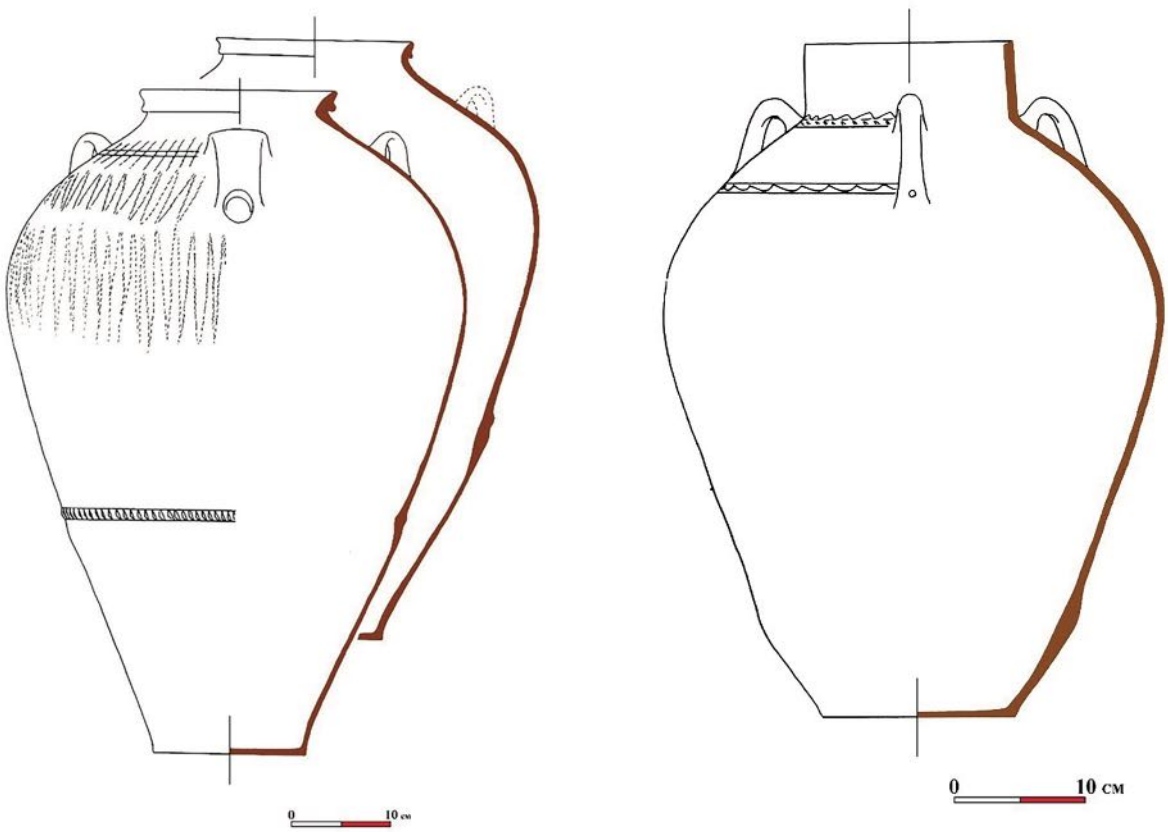


Рис. 81. Хумы, найденные в 1989 г. в местности Кырыкагын, район пос. Таучик

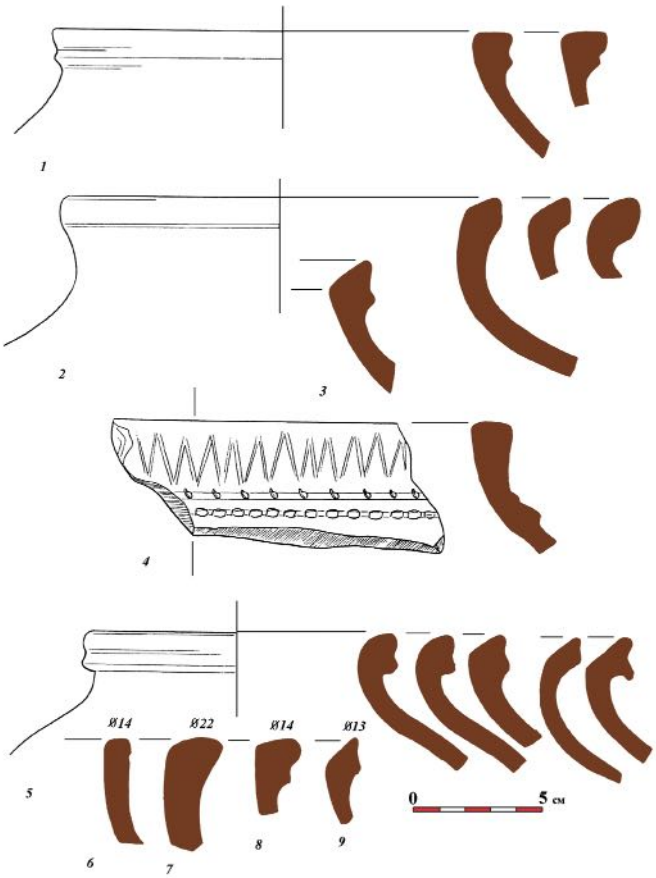


Рис. 82. Станковая керамика: 1–4 – хумы; 5–9 – хумчи

ровка и накол. Диаметр венчика 16 см, диаметр тулова 39 см, диаметр дна 15 см, высота сосуда 53 см.

Кувшины определялись по выделенной горловине высоких пропорций. Относительно диаметра горловины разделены на узкогорлые и широкогорлые сосуды.

Узкогорлые кувшины

Тип 1 – маленькие сосуды, имеющие высокую и узкую горловину (диаметр 3,5–4 см), покатые плечи с резким перегибом к небольшому дну (диаметр 4–6 см); ручка крепится к верхней части горловины и у нижнего основания плеч (рис. 83, *1*). На основе фрагментов (3 венчика, 11 ручек, 2 профилированные стенки и 6 днищ) выделено шесть сосудов (рис. 84). В одном случае определен носик-слив. Сосуды красноглиняные, иногда с красным, коричневым и темно-серым ангобом. В двух случаях имеет место лощение поверхности, в одном – орнаментация гребенчатым штампом.

Тип 2 – небольшие сосуды с невысокой зауженной горловиной, покатыми плечами и, вероятно, туловом вертикально вытянутых пропорций. Край горловины в некоторых случаях оформлялся фигурным венчиком или валиком. Округлая ручка крепится на горловине и у основания плеч сосуда. Диаметр венчика горловины 6 см. В орнаментике использовано полосчатое лощение. Сосуды красноглиняные, без примесей в глиняном тесте, тонкостенные. Толщина стенок 3–5 мм.

Тип 3 – аналогичен сосудам типа 2, но крупнее и, возможно, с более округлым туловом (рис. 83, *3*). Диаметр венчика горловины 6–8 см. Толщина стенок 5–6 мм.

Тип 4 – сосуды имели высокую, слегка конусовидную горловину с валиковидным или фигурным оформлением венчика (рис. 83, *6*). Тулово не реконструируется. Диаметр венчиков горловин 8–9 см. Вероятно, этому типу сосудов принадлежат обломки массивных уплощенных в сечении ручек (рис. 85). Сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте.

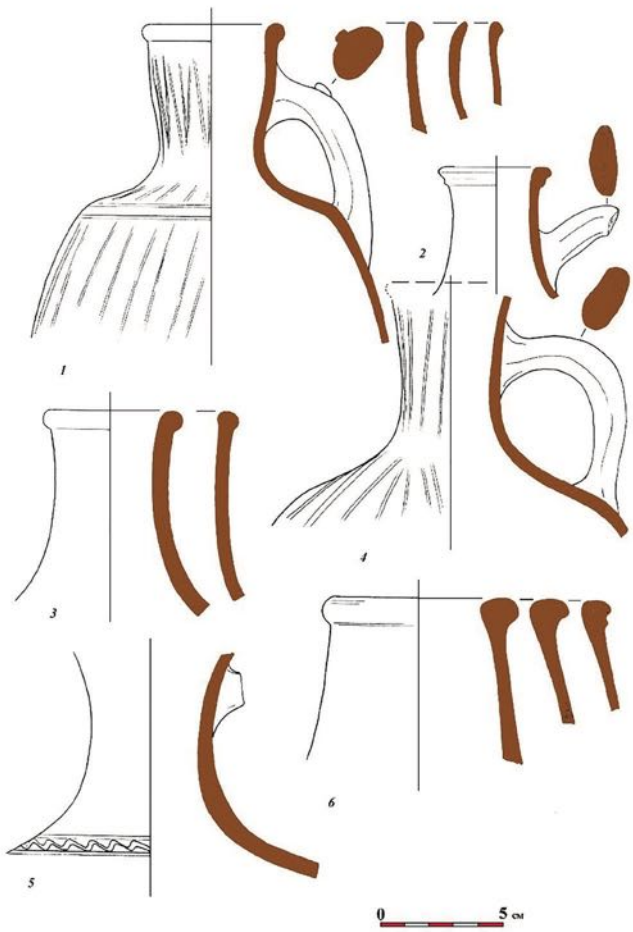


Рис. 83. Станковая керамика: узкогорлые кувшины

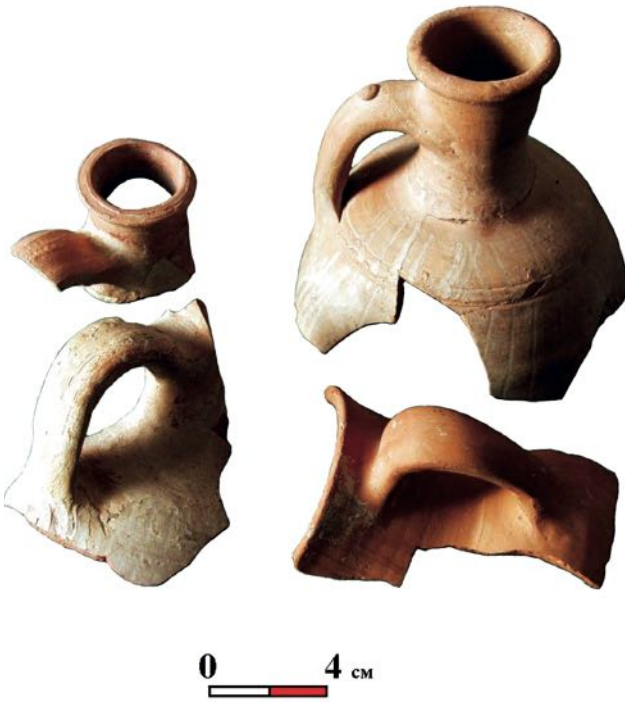


Рис. 84. Фрагменты горловин небольших узкогорлых и широкогорлых кувшинов

Тип 5 – крупный сосуд имел невысокую, слегка конусовидную горловину с прямым краем, к которому прилеплен верхний конец ручки (рис. 85). Диаметр венчика 10 см. Сосуд красноглиняный, без заметных примесей в глиняном тесте.

Тип 6 – сосуд с невысокой прямой горловиной, край которой оформлен плоским воротничком (рис. 83, *2*). Диаметр венчика горловины 9 см. Сосуд красноглиняный, без заметных примесей в тесте.

Тип 7 – крупные красноглиняные сосуды со слегка конусовидной горловиной, оформленной фигурным венчиком диаметром 12–14 см (рис. 83, *4*). Вероятно, к этому типу относится крупный одноручный кувшиновидный сосуд, найденный в окрестностях пос. Кызан. Сосуд имеет бомбовидное с сужением вниз тулово, невысокую, слегка конусовидную горловину, оформленную фигурным венчиком, и пропорциональное небольшое выпуклое дно. Тулово сосуда двухсоставное в нижней части. Ручка сосуда массивная и высокая, ее изгиб возвышается над краем горловины. В сечении она круглая, с продольным желобком, на основании нижнего прилепа имеются три пальцевых вдавления. Сосуд красноглиняный, глиняное тесто без заметных примесей. Диаметр венчика 16 см, диаметр тулова 43 см, диаметр дна 15 см, высота горловины 10 см, высота сосуда 91 см (рис. 85). В горизонтах X–XI вв. найдены две массивные ручки, подобные вышеописанной.

Тип 8 – короткие горловины этих сосудов имели валиковидное оформление венчика (рис. 84, *5*). Диаметр венчиков 12–13 см. Вероятно, этому типу сосудов принадлежат обломки массивных, уплощенных в сечении ручек. Сосуды после обжига приобретали кремовый или кирпичный цвет.

Широкогорлые кувшины

Тип 1 – небольшие одноручные сосуды вертикально вытянутых пропорций с широкой, слегка изогнутой горловиной, переходящей в покатые плечи с резким перегибом (рис. 87, *1*). Иногда край горловины оформлен утолщением. Округлая ручка крепится к горловине и основанию плеч сосуда. Диаметр венчиков 9–10 см. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте, тонкостенные.

Тип 2 – небольшие одноручные сосуды с луковичновидным туловом, высокой расширенной горловиной, у которой плавно отогнут край, и небольшим дном в виде сплошного поддона (рис. 87, *2*). Край сосудов имеет разнообразное воротничковое оформление. В орнаментике используются рельефные валики с косым наколом короткой гребенки и вертикально-шагающее лощение по горловине. Диаметр венчиков горловин 9 см, диаметр тулова 14 см, диаметр дна 7 см, высота сосуда 17–18 см. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте.

Горшки – из-за сильной фрагментации этот вид посуды пока очень условен. Выделено пять типов.

Рис. 85. Ручки крупных кувшинов

Рис. 86. Фрагмент конусовидной горловины крупного кувшина и фрагменты венчиков крупных широкогорлых кувшинов

Тип 1 – сосуды имели плавно отогнутый наружу край с небольшим скругленным утолщением по срезу и, вероятно, шаровидное тулово (рис. 88, *1*). Диаметр края 13–15 см. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте. Толщина стенок 5–6 мм.

Тип 2 – сосуды, подобные типу 1, но с бóльшим диаметром края – 19–20 см. Край с внешней стороны подчеркнут продавленной линией. Толщина стенок 6 мм.

Тип 3 – сосуд с короткой горловиной с полочковидным краем и, вероятно, шаровидным туловом (рис. 88, *2*). Диаметр венчика 13 см. Сосуд красноглиняный, глиняное тесто без заметных примесей, температурный перегрев глиняной массы, черепок звонкий. Толщина стенок 7 мм.

Тип 4 – сосуд с массивным валиковидным венчиком на коротком тулове, без горловины, край отогнут (рис. 88, *3*). Диаметр венчика 21 см. Несмотря на станковое изготовление, поверхность сосуда бугристая из-за большой примеси дресвы. Сосуд красноглиняный.

Тип 5 – лепные плоскодонные сосуды с эсовидной профилировкой края, диаметром 9–13 см (рис. 89, 90). По ранним раскопкам Л.Л. Галкина известна форма сосуда вертикально вытянутой пропорции с эсовидным краем, раздутым туловом и плоским дном, по диаметру приближенным к размерам края. Срез венчика декорирован косыми насечками.

Отдельные сосуды могли иметь небольшие ушкообразные ручки и ручки-выступы (рис. 89). Исключение составляют три сосуда: первый имел налеп под венчиком с пальцевыми зажимами (рис. 90); второй был маленького размера (диаметр края 6 см);

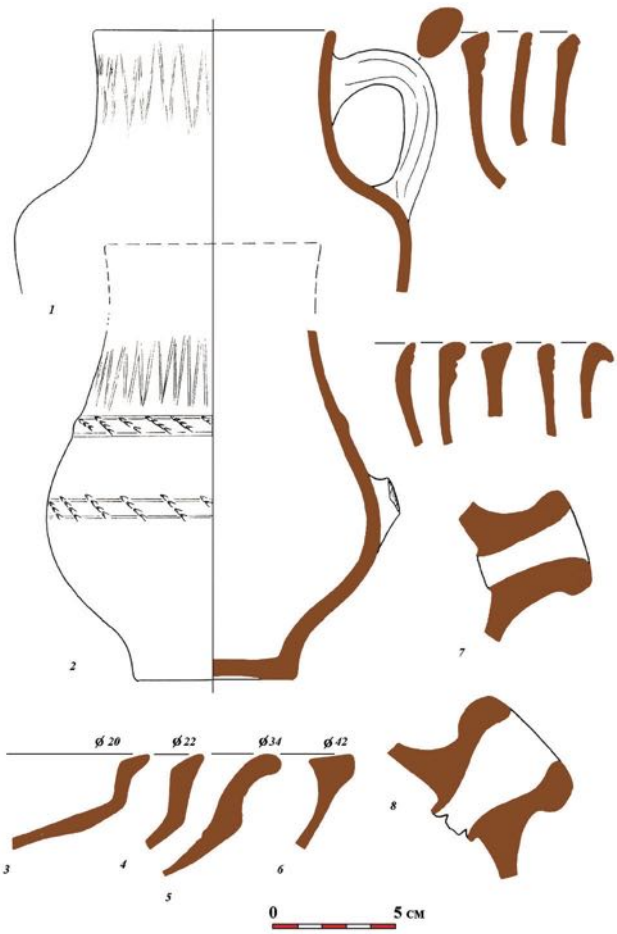


Рис. 87. Станковая керамика: 1, 2 – широкогорлые кувшины; 3–5 – миски; 6 – тагора; 7, 8 – фляги

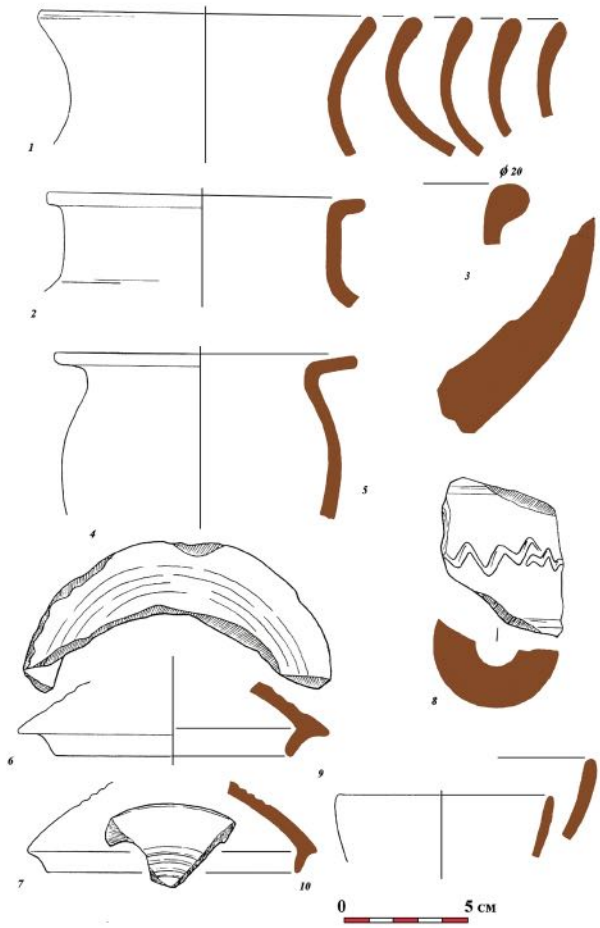


Рис. 88. Станковая – керамика:
1, 2, 3 – горшки; 4 – тубек; 5, 8 – сфероконус;
6, 7 крышки сосудов; 9, 10 – чаши

третий имел маленькое вертикально вытянутое тулово с плоско-вогнутым дном (диаметр дна 7 см), лепка небрежная. В глиняном тесте примесь шамота или дресвы, обжиг костровый. Толщина стенок 6–9 мм.

Казаны (котлы) имели округло-приземистое в верхней части тулово без горловины, отогнутый и спрямленный край, иногда с ребром на внутренней стороне перегиба, округлый срез и округло-уплощенное дно (рис. 90, *1, 2*). Один сосуд сохранился полностью (рис. 91).

Диаметр края сосуда 20 см, диаметр тулова 34 см, диаметр дна 18 см, высота сосуда 26 см. Несмотря на достаточно большие размеры, сосуд тонкостенный (6–8 мм), аккуратной лепки; вероятнее всего, его изготавливали на ручном круге. Обжиг печной, стенки в изломе кирпичного цвета, черепок звонкий. В глиняном тесте обильная примесь дресвы. Сосуды, судя по диаметру края (19–24 см), могли немного варьироваться в размерах. При изготовлении глиняного теста добавлялась дресва, реже шамот. На плечах одного сосуда имелся декоративный шишковидный налеп. Вероятно, некоторые сосуды украшались более сложным налепным орнаментом (рис. 91, *4, 6*). Подавляющее большинство фрагментов котлов происходит из горизонтов X–XI вв.

Фляги. Форма этих сосудов известна по раскопкам Л.Л. Галкина [Галкин 1984: 11] на Кызылкалинском городище. Сосуды имели круглую, сильно приплюснутую (черепаховидную) форму с плоским дном, короткую горловину-носик, прикрепленную к тулову под углом вверх (рис. 88, *7, 8*). Край горловины-носика имел валиковидное утолщение. По бокам от горловины горизонтально располагались небольшие

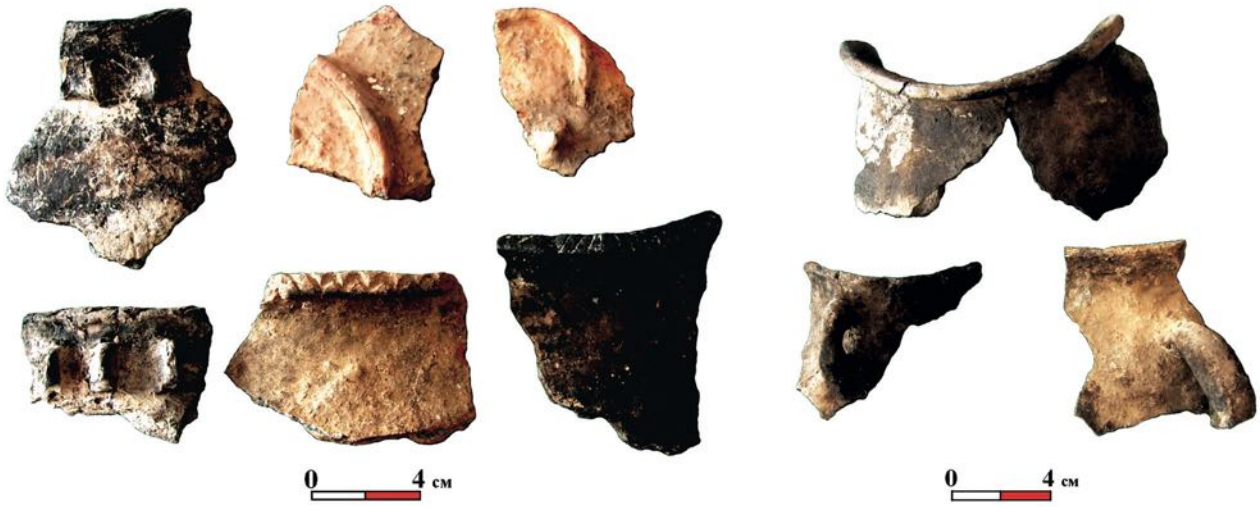


Рис. 89. Фрагменты венчиков лепных сосудов, также с ручками

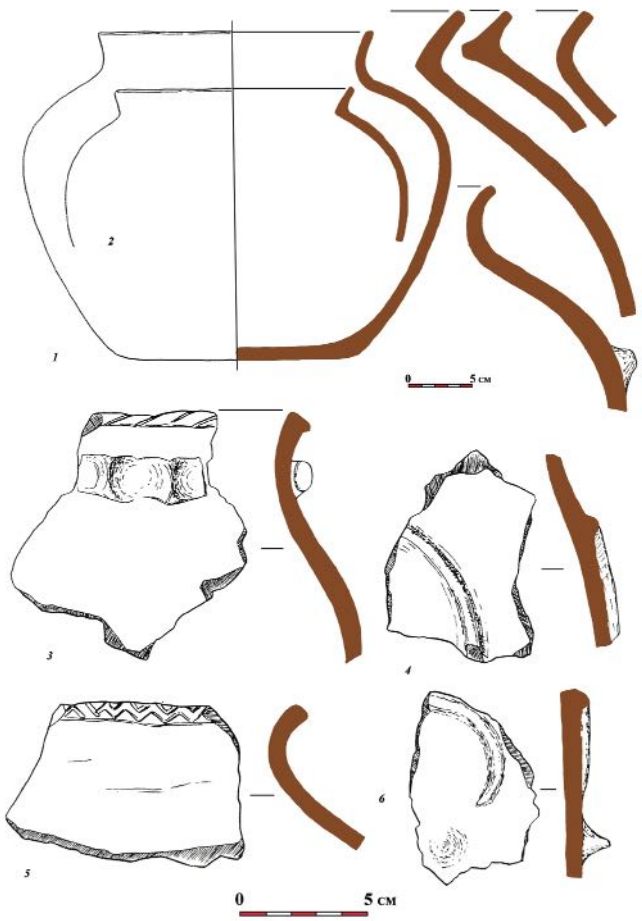


Рис. 90. Лепная керамика: 1, 2 – котлы (казаны); 3, 5 – горшковидные сосуды; 4, 6 – фрагменты стенок котла с фигурными налепами

петлевидные ручки. Из раскопа происходят две горловины подобных сосудов (рис. 91).

Тагора – этот тип сосудов выделен по одному фрагменту венчика. Сосуд открытого типа, низких пропорций, с большим диаметром края (42 см), со слегка выпуклыми и отогнутыми стенками и плоским дном (рис. 88, *6*). Край сосуда оформлен утолщением с наплывом по внешней стороне и полочковидным выступом изнутри. Срез края немного скошен внутрь. Сосуд сероглиняный, с незначительной примесью дресвы в глиняном тесте. Имеет двустороннее покрытие темно-серым ангобом. Толщина черепка 5 мм. Происходит из горизонтов XII – начала XIV в. Н.Н. Вактурская относит миски с подобным оформлением края к периоду XII–XIV вв. [Вактурская 1958: 311].

Миски – небольшие сосуды открытого типа, разного диаметра (20–34 см), низкой усеченно-конусовидной формы, с невысоким вертикальным бортиком и небольшим плоским дном без поддона (рис. 88, *3–5*). Бортик имел разное оформление: полочковидное, прямое со скосом внутрь и плавно отогнутое наружу. Сосуды красноглиняные, без заметных примесей. В двух случаях отмечено тщательное заглаживание внутренней поверхности и коричневое ангобирование внешней стороны. Толщина стенок 6–9 мм.

Рис. 91. Лепные казаны (котлы)

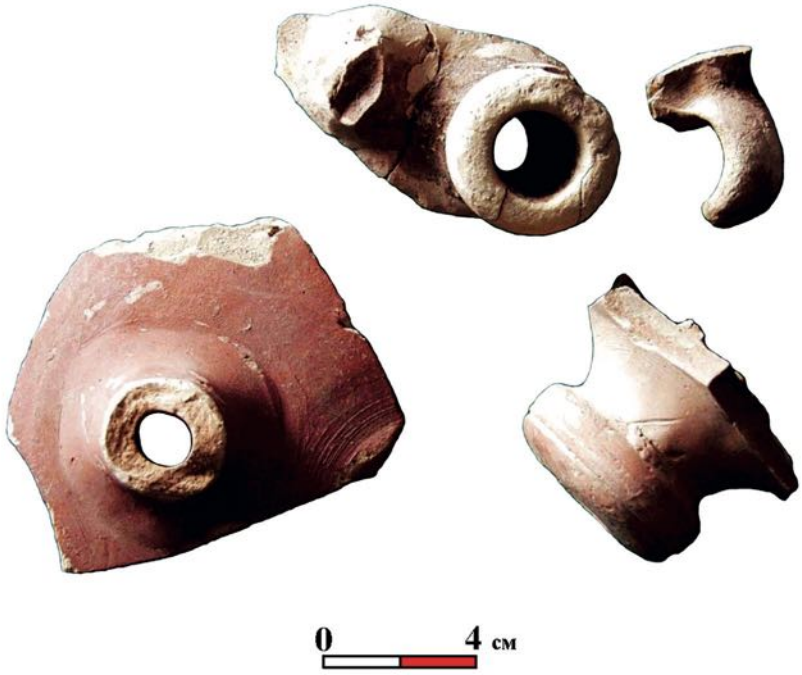


Рис. 92. Фрагменты горловин фляг и основание носика кувшина

Чаши. Найдены фрагменты краев двух сосудов открытого типа, сегментовидные в разрезе (рис. 88, *9, 10*). Диаметр края 9 и 20 см. Чаши красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте. Толщина стенок 4–6 мм.

Тубеки *(туваки)* – небольшие плоскодонные сосудики для люльки, имеющие высокий узкий корпус с широко расходящимися в сторону краями. Найден один профилированный фрагмент с бочонковидным туловом (рис. 89, *4*). Диаметр по внешнему краю 13 см. Сосуд красноглиняный, без заметных примесей в глиняном тесте. Черепок звонкий, с участком ошлаковывания поверхности. Толщина стенок 5 мм (рис. 93).

Дигири. Сосуды для чигирных установок в процессе раскопок 2004–2010 гг. не найдены, но имеют место в материалах ранних исследований: фрагмент узкого стакановидного дна с ножевой огранкой стенок происходит из раскопок Л.Л. Галкина [Галкин 1984: 18], второй аналогичный обломок – из подъемных сборов.

Сфероконусы. Найдены целый сохранившийся сосуд и фрагмент массивной стенки сосуда с диаметром тулова 10 см (рис. 88, *5*). Глиняная масса имеет явный температурный перегрев, приведший к изменению цвета – от красного к темно-серому и спеканию частиц в однородную плотную массу. Черепок звонкий.

Светильники. Выделены три типа, форма двух из них хорошо реконструируется на основе четко определяемых фрагментов.

Тип 1 – светильники имели небольшую полузакрытую емкость усеченно-конической формы с прорезью от края ко дну, к стенкам которой прикреплен длинный граненый носик желобчатого типа; с противоположной стороны емкости прилажена небольшая петлевидная ручка (рис. 94). Светильники изготовлены из глины, при обжиге приобретшей кремовый оттенок, и

Рис. 93. Венчик тубека с бочонковидным туловом

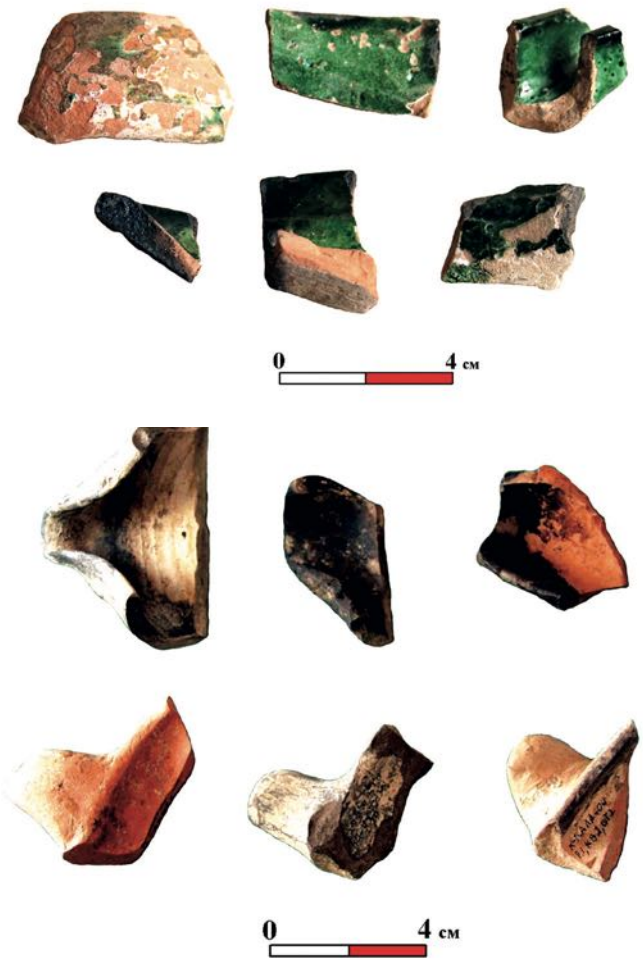


Рис. 94. Фрагменты поливных длинноносых и станковых светильников

покрыты зеленой поливой. Размеры светильников немного варьируются.

Тип 2 – светильники, имеющие форму маленькой плошки с вогнутым краем (диаметр 9–11 см), с кромки которой оттянут короткий носик-слив, а на противоположном крае прикреплена короткая ручка-выступ с разными видами изгиба (рис. 94). Светильники красноглиняные, тонкостенные.

Тип 3 – лепные светильники в форме маленькой округло-миндалевидной плоскодонной плошки с немного вогнутым или прямым краем и коротким или удлиненным носиком-сливом на узкой стороне (рис. 95). Один светильник имел, возможно, полусферическую форму, длинный носик в виде утиного клюва и петлевидную ручку.

Крышки. Найдены два обломка небольших крышек низко-конической формы с уступом-ограничителем (рис. 88, *6,7*). Диаметр крышек 12–13 см, верхняя часть украшена концентрическим рифлением. Крышки красноглиняные, без заметных примесей в глиняном тесте.

Подставки. Этот вид изделий пока выделен условно на основе фрагмента плоского дна с двумя выступами; вероятно, изделие напоминало перевернутый треножник. Диаметр дна 11 см. Глиняное тесто имеет температурный перегрев.

Из раскопа 1 происходит 301 фрагмент орнаментированных стенок сосудов (рис. 96). Определены следующие техники исполнения орнамента: лощение (250 фр.), гравировка (55 фр.), штамп (9 фр.), рельеф (1 фр.) и комбинирование (20 фр.).

Лощение – проглаживание палочкой по неподсохшей поверхности сосуда до обжига. Выделены следующие типы орнаментации: вертикально шагающий (171 фр.), горизонтальный (33 фр.), сетчатый (3 фр.) и сплошное лощение (9 фр.) (рис. 96).

Гравировка – прочерчивание, как правило, многозубчатым инструментом по неподсохшей поверхности сосуда до обжига. Выделены линейная (26 фр.), линейно-волнистая (27 фр.) и сетчатая (2 фр.) гравировки (рис. 96).

Штампованный орнамент – нанесение оттисков штампа на неподсушенную поверхность сосуда до обжига. Определены оттиски следующих штампов: трубочка (1 фр.), короткая гребенка на валике (2 фр.), накол многозубчатым инструментом (6 фр.) (рис. 97).

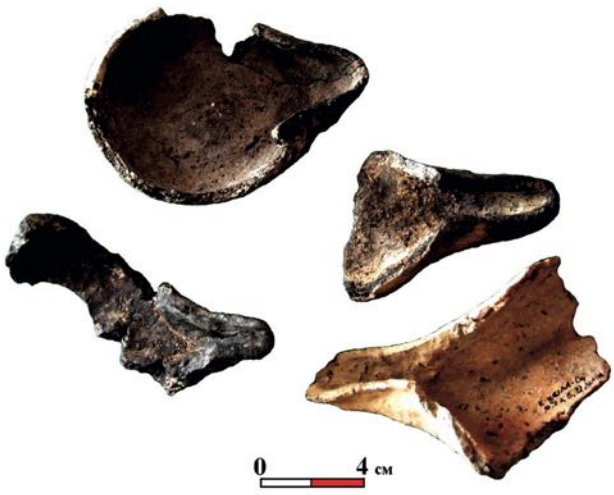


Рис. 95. Фрагменты лепных светильников

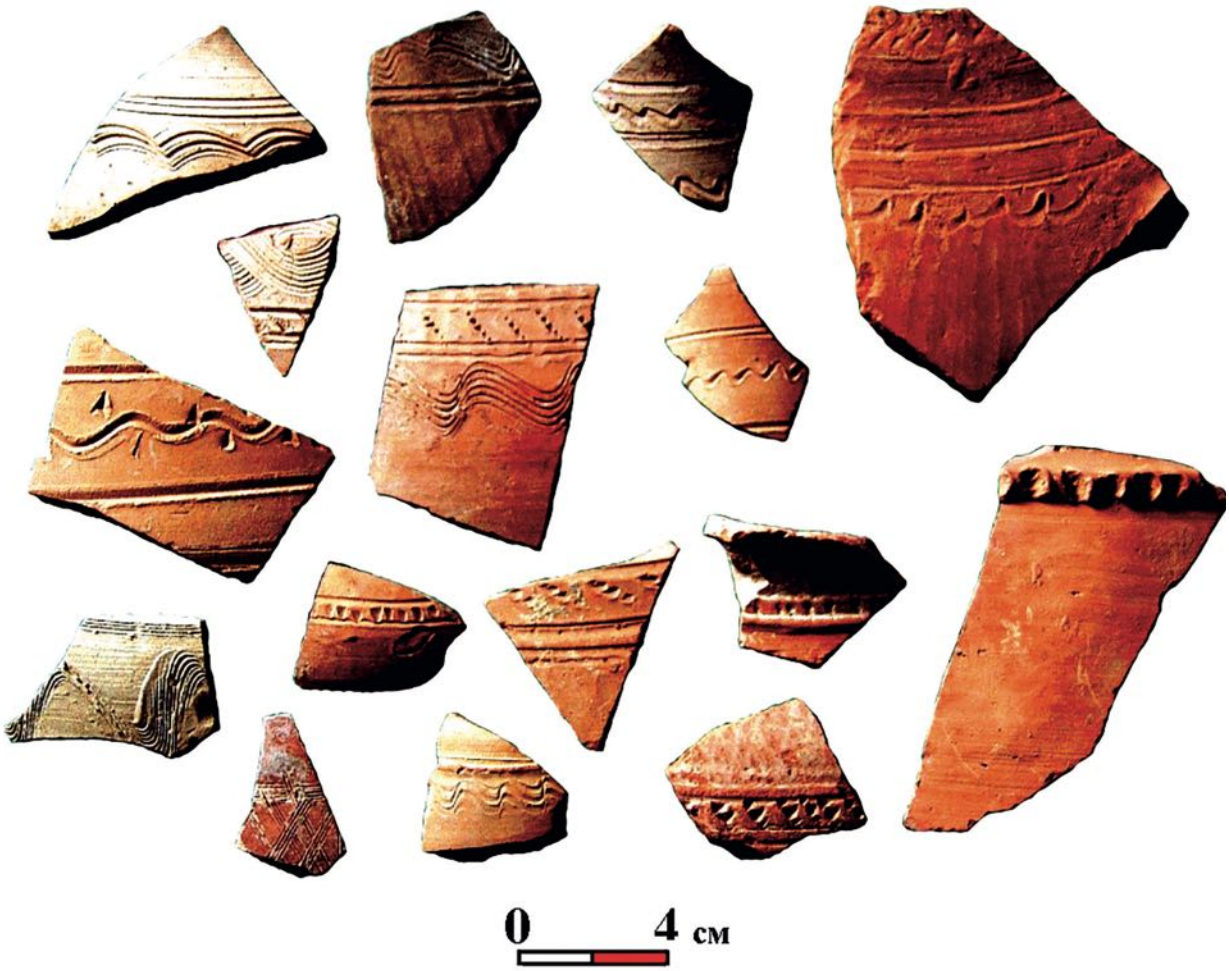


Рис. 96. Фрагменты орнаментации станковых сосудов в технике гравировки и штампа, также полосчатого лощения на поверхности станковых сосудов

Рельеф – придание поверхности сосуда в момент изготовления гофрированной формы (каннелирование). Найден один фрагмент.

Комбинированный орнамент – сочетание разных техник орнаментации: лощение и гравировка (16 фр.), короткая гребенка и гравировка (4 фр.).

Найдены фрагменты стенок от 14 сосудов с декоративным валиком на стыковочном шве (рис. 96, 97). Валик украшен косыми насечками и пальцевидными вдавлениями.

В керамической коллекции раскопа 1 имеются 114 ручек и их обломки (прилепы и средние части) от станковых сосудов (рис. 85). Ручки следующих видов:

– ручки пластинчатые широкие от крупных кувшинов (15 экз.);

– ручки массивные, высокой формы, округлые в сечении, с продольными желобками, относятся к крупным кувшинам (2 экз.);

– ручки кувшинов с диаметром горловины 6–10 см, в большей степени уплощенного сечения (около 30 экз.);

– ручки маленьких кувшинчиков (6 экз.);

– ручки-петли хумов и хумчей (28 экз.);

– ручка-ушко;

– ручки высокой формы сероглиняных сосудов: крупные кувшины (3 экз.), небольшие сосуды (9 экз.). Глиняное тесто сосудов с примесью дресвы, шамота или песка, черепок стенки сосуда тонкостенный, со слабо каннилированной поверхностью, использован темно-серый ангоб (рис. 98).

Найдено 129 днищ станковых и 15 днищ лепных сосудов. Преобладающее число днищ принадлежит сосудам вертикально вытянутых пропорций. Днищ красноглиняных сосудов 123 экземпляра, из которых 13 имеют закраину (6 сосудов изготовлены из глины кремового цвета). Днищ сероглиняных сосудов шесть экземпляров, из которых пять принадлежат тонкостенным сосудам с примесью дресвы в глиняном тесте и темно-серым ангобом, а одно – сосуду без примесей в глиняном тесте и закраиной на дне. Наибольший диаметр днищ 14 см.

Поливная керамика сильно фрагментирована. Здесь найдены мелкие обломки сосудов закрытого типа, чаш и блюд. Полива тонкослойная.

К слоям X–XI вв. точно привязаны четыре небольших фрагмента двух чаш и блюда (рис. 99).

Чаша 1. Имеется фрагмент края мелкого сосуда диаметром 18 см. Срез края приплюснут, с вдавлением в виде желобка с внешней стороны. Чаша изготовлена из плотной, немного пористой глины кремового цвета. Изнутри чаша без грунтового покрытия облицована прозрачной тонкой поливой с подглазурной ленточно-расплывающейся росписью темно-коричневого цвета.

Чаша 2. Имеется фрагмент края тонкостенного, вероятно, сегментовидного сосуда. Край чаши непрофилирован, срез скруглен. Глиняное тесто кремового цвета. С внутренней стороны чаши имеется ангобная грунтовка белого цвета с кистевой росписью коричневого, черного и белого цветов. Полива тонкая, бесцветная.

Рис. 98. Ручки сосудов

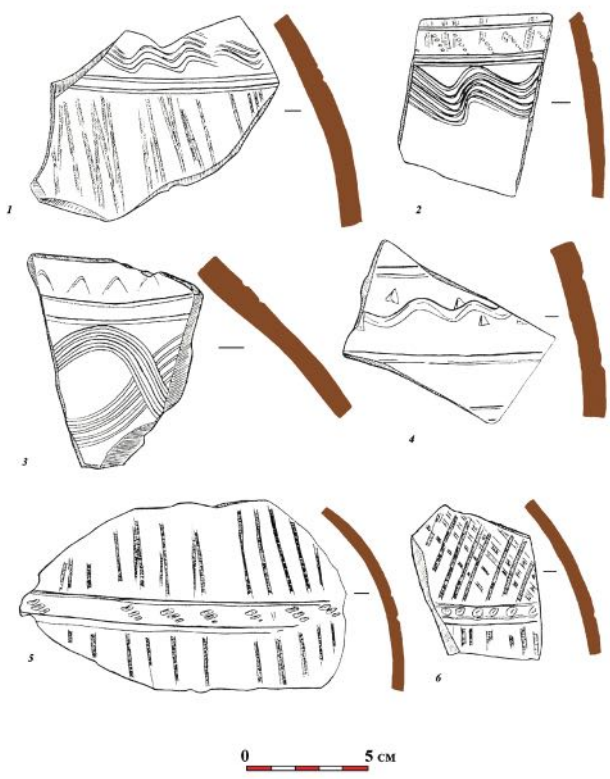


Рис. 97. Станковая керамика: виды орнаментации сосудов

Рис. 99. Фрагменты поливных сосудов на глиняной основе из слоя X–XI вв.

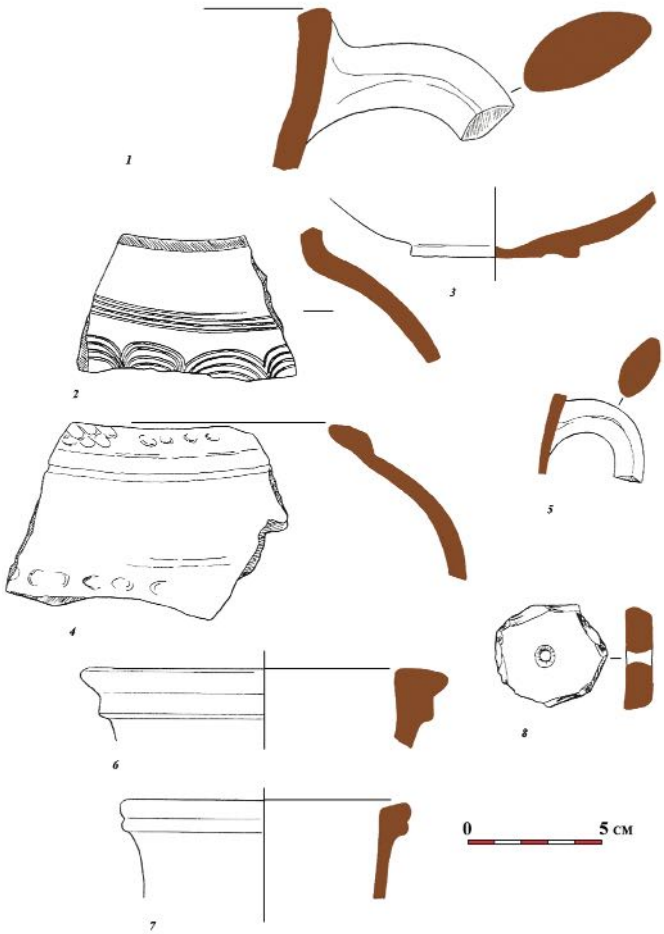


Рис. 100. Фрагменты станковой керамики

Блюдо. Имеются два фрагмента нижней части сосуда, изготовленного из глины кремового цвета. На внутренней поверхности блюда ангобная грунтовка белого цвета с гравированным орнаментом растительного сюжета (линии толстые, окрашенные в коричневый цвет) и коричнево-зеленой пятнистой росписью. Полива тонкая, бесцветная.

В раскопе 2 обнаружено 218 фрагментов керамики, из которых 182 – обломки станковых сосудов, 36 – обломки лепных сосудов. Эта керамика при ее малочисленности имеет следующие отличительные черты по сравнению с керамическим комплексом раскопа 1:

1) толстостенность станковой керамики;

2) широкогорлость крупных кувшинов;

3) уменьшение процента гравированного орнамента по сравнению с лощеным;

4) из сероглиняной станковой керамики найден только один фрагмент;

5) на лепных сосудах появляется воротничковое утолщение или воротничок с ямочными вдавлениями;

6) увеличивается доля лепных сосудов с отощением глиняной массы грубомолотым шамотом.

Из профилированных фрагментов станковых сосудов найдены:

– фрагмент слегка отогнутого края горловины крупного красноглиняного кувшина с прилепом ручки; срез края скруглен и немного скошен внутрь; прилеп широкой уплощенной ручки располагается немного ниже края горловины. Глиняное тесто без заметных примесей. Диаметр горловины 20 см, толщина стенки 11 мм (рис. 100, *1*);

– два фрагмента края горловин с фигурным венчиком красноглиняных кувшинов с высокой горловиной. Диаметр венчиков 14 и 11 см, толщина черепков 8 и 5 мм. Глиняное тесто без заметных примесей (рис. 100, *6, 7*);

– фрагмент верхней части красноглиняного котла уплощенно-округлой формы с сильно вогнутыми краями и валиковидным оформлением венчика. Сосуд изготовлен из весьма отощенной дресвой глиняной массы, из-за чего поверхность неровная; по венчику и тулову едва заметны чередующиеся небольшие вдавления. Диаметр венчика 18 см, толщина стенки 8 мм (рис. 100, *4*);

– два фрагмента плеча короткогорлого красноглиняного сосуда с гравированным линейно-волнистым орнаментом, выполненным четырехзубым штампом. В глиняном тесте примесь мелкого песка; толщина стенки 7–8 мм (рис. 100, *2*);

– фрагмент высокой раструбовидной горловины маленького красноглиняного кувшина с прилепом ручки, уплощенной в сечении. Диаметр горловины 3,5 см, толщина стенки 4–5 мм (рис. 100, *5*);

– обломок неполивной красноглиняной чаши с поддоном, у которого средняя часть низа сплошная, а радиально к краю имеется неглубокий желобок. Глиняное тесто без заметных примесей; диаметр поддона 6,5 см (рис. 100, *3*);

– обломки круглого плошкообразного красноглиняного светильника. Диаметр плошки 11 см, высота 4,5 см (рис. 94);

– грузик из стенки красноглиняного сосуда с небрежно оббитыми краями. Диаметр грузика 42 мм, диаметр отверстия, немного смещенного от центра, 4 мм, толщина черепка 10 мм (рис. 100, *8*).

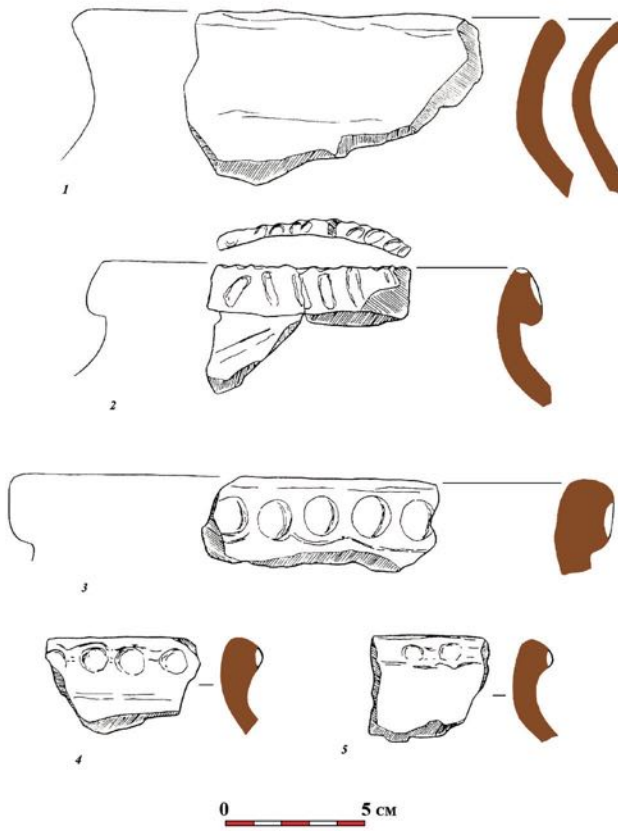


Рис. 101. Фрагменты лепной керамики

Из профилированных фрагментов лепных сосудов найдены:

– два фрагмента короткогорлого края эсовидной профилировки крупных сосудов, вероятно, вертикально вытянутых пропорций. В глиняном тесте примесь шамота; диаметр края сосудов 18 см, толщина стенок 7–8 мм (рис. 101, *1*);

– четыре фрагмента венчиков сосудов с укороченной горловиной; характерная деталь – утолщение или валиковидное оформление края с его декорированием ямочными вдавлениями или грубой насечкой. В глиняном тесте примесь шамота или дресвы; диаметр венчиков 16 и 22 см, толщина стенок 8–11 мм (рис. 101, *2–5*);

– практически целый маленький светильник с округло-миндалевидной формой плошки, с немного вогнутыми стенками, приплюснутым с боков и оттянутым носиком и обломанной, далеко выступающей ручкой, прилепленной ближе ко дну. В глиняном тесте примесь; габаритные размеры светильника 10 × 72 × 37 мм (рис. 102).

В нижнем культурном горизонте обнаружено 13 фрагментов керамики, из которых десять – обломки станковых сосудов, три – обломки лепных сосудов.

Среди профилированных фрагментов станковых сосудов найдены:

– фрагмент сложнопрофилированного венчика крупного красноглиняного кувшина; срез края

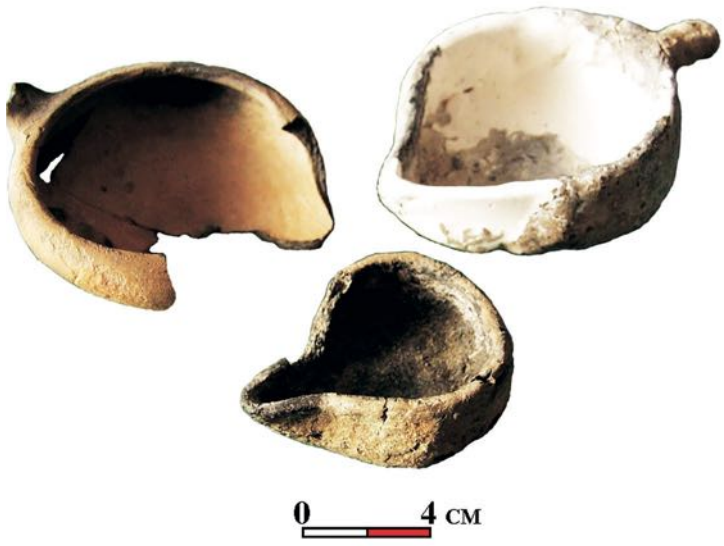


Рис. 102. Станковый и лепные светильники

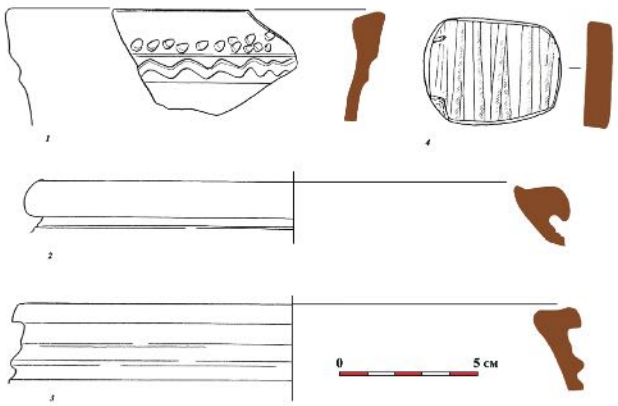


Рис. 103. Фрагменты станковой керамики

венчика немного скошен внутрь; его лицевая сторона декорирована рядом ямочных наколов и широкой для гравировки волнистой линией. Глиняное тесто без заметных примесей; толщина черепка 5 мм (рис. 103, *1*);

– два фрагмента сложнопрофилированных венчиков широкогорлых сероглиняных сосудов; внешняя поверхность покрыта темно-серым ангобом; диаметр венчиков 20 и 21 см, толщина стенок 5–6 мм. В глиняном тесте примесь гипса (?) (рис. 103, *2,3*);

– обточенный по периметру четырехугольный черепок стенки красноглиняного сосуда с полосчатым лощением; габаритные размеры изделия 50 × 39 × 10 мм (рис. 103, *4*).

3.2. Предметы быта и одежды

В силу ограниченности раскопочных работ на памятниках Устюрта и Мангистау индивидуальные предметы обнаружены в небольшом количестве. Среди них довольно многочисленны стеклянные и каменные бусы. Подавляющее большинство бус сделано из стеклянной пасты черного, бирюзового и голубоватого цветов; формы разнообразные: шаровидные, бочонковидные, уплощенно-шаровидные (или зонные). В Кызылкале выявлены мелкие бусинки биконических и кольцевидных форм. По форме они довольно однородны и аналогичны находкам из сельских поселений Хорезма золотоордынского времени.

На площади раскопа и при подъемных сборах найдены шесть целых и два обломка бусин (рис. 104, 105):

– обломок крупной шаровидной многоглазчатой бусины (восстанавливаемый диаметр 30 мм) из пастового стекла. Основа темная, глазки и разводы белесо- голубого цвета. Диаметр отверстия 4 мм;

Рис. 104. Бусы и раковины каури

– обломок сферической бусины из горного хрусталя. Восстанавливаемый диаметр бусины 13 мм, диаметр отверстия 1,5 мм;

– округло-уплощенная бусина из гагата. Диаметр 12 мм, толщина 10 мм, диаметр отверстия 2 мм;

– округлая бусина с глазками-ямками из пастового стекла голубого цвета. Диаметр бусины 13 мм, диаметр отверстия 4 мм;

– бочонковидная бусина из темного пастового стекла (поверхность разрушена). Диаметр 12 мм, высота 14 мм, диаметр отверстия 2,5 мм;

– биконическая вытянутая с огранкой бусина из сердолика. Имеет шесть граней. Длина 26 мм, диаметр 9 мм, диаметр отверстия 1,5 мм;

– две бусины из мелких раковин каури.

Тип I. Шаровидные бусы. Бусины подобного типа часто находят среди стеклянных и керамических украшений. Они бывают различной величины и имеют круглое в сечении отверстие. В большинстве случаев встречаются бусы черного цвета. Некоторые бусины украшены белыми глазками, полосами и инкрустацией из стекла другого цвета. Аналогичные типы бус зафиксированы в коллекциях из Шехр-Ислама [Атагаррыев 1973: 80] и Поволжья [Бусятская 1976: 40].

Тип 2. Уплощенно-шаровидные (или зонные) бусы. Стеклянные бусы с уплощенно-шаровидной формой бусин – одна из наиболее часто встречающихся

Рис. 105. Бусина из пастового стекла

находок среди стеклянных бус. Они отличаются крупной формой, расширены в поперечнике. Поверхность бус имеет горизонтально-ребристое рифление. Такие бусы встречаются среди кашиных бус, покрытых бирюзовой поливой, в материалах Шемаха-калы [Вактурская 1974: 499], Шехрлика [Вактурская 1958: 309] и сельских поселений Хорезма XIII–XIV вв. [Неразик 1976: 156]. Указанные формы известны также в городах Нижнего Поволжья [Бусятская 1976: 62].

Тип 3. Бочонковидные бусы. По форме близки к предыдущим, но отличаются более крупными размерами. Украшены волнистым линейным

Рис. 106. Фрагменты котлов из талькового камня

Рис. 107. Бронзовый светильник

орнаментом и полихромной инкрустацией. Размеры бусин 2,5 × 3 см. Подобные бусы встречаются в материалах Куня-Ургенча и Шемаха-калы [Вактурская 1963: 52]. По форме данный тип имеет прямое сходство с бусами Селитренного городища, отмеченными в работах Н.Н. Бусятской [Бусятская 1976: 58].

Наряду с вышеизложенными типами в Кызылкале найдены мелкие бусинки биконических и кольцевидных форм. По форме они довольно однородны и аналогичны находкам из сельских поселений Хорезма золотоордынского времени [Вишневская 1963: 66–67; Неразик 1976: 132].

Как нам известно, бусы, обнаруженные при археологических раскопках, могут служить не менее точным датирующим материалом, чем монеты. В различное время и у разных народов бусы были одним из наиболее ходких предметов международной торговли, а часто и мелкой разменной монетой. Таким образом, наличие одинаковых бус в различных памятниках может иногда очень верно определить пути торговых и культурных связей, синхронность культур и даже их сходство.

Кроме обломков керамической посуды, на площади раскопа 1 найдены два фрагмента котлов из талькового камня: фрагмент венчика с массивным треугольным воротничком и ровным срезом и фрагмент перегиба дна с реставрационными отверстиями (рис. 106). Аналогичные котлы из талькового камня встречаются в средневековых памятниках Хорезма [Пругер 1980: 64; Кдырниязов, Авезматов 1982: 66–68].

В Средней Азии наиболее представительна серия каменных сосудов на городищах Южного Туркменистана и Хорезма, где они производились [Кураева 1969: 217–221]. Любопытно, что каменные котлы в довольно большом количестве зафиксированы при раскопках домонгольского Биляра – Великого города [Хузин, Дроздова 1986: 84, 90, 143] и золотоордынского Болгара [Полубояринова 2004: 156]. По всей вероятности, эта посуда доставлялась на булгарские рынки по торговым путям, проходящим через земли Устюрта и Мангистау.

В самом верхнем заполнении одной из ям найдены обломки маленького бронзового сосуда, бронзового светильника и мелкие осколки зеленого стекла.

Светильник имел форму плоскодонной округло-вытянутой плошки со слегка вогнутыми стенками, высота которых немного уменьшается в сторону носика. Носик-слив укороченный, образован сдавливанием и оттягиванием стенок. На противоположной от носика стенке по ее краю прилеплена удлиненная ручка-штырь с несохранившимся концом (рис. 107). Также здесь обнаружена литая створка составного бронзового бубенчика, имевшего шаровидное тело с продольным рифлением поверхности и петелькой на цилиндрическом вогнутом основании. Также стоит отметить и другие найденные предметы:

– 11 готовых дисковидных грузиков и одна заготовка из черепков станковых красноглиняных сосудов; диаметр грузиков 30–45 мм, диаметр отверстий 5–8 мм, имеют чаще форму неправильного круга с грубо подправленным краем;

– мелкие обломки стенок стеклянных сосудов; стекло прозрачное, зеленоватого оттенка, различной толщины (1–10 мм); некоторые осколки имеют патину;

– фрагмент костяной накладной пластины для сложносоставного лука из верхнего слоя; с внешней поверхности пластины имеются косые повторяющиеся прорези, а с внутренней – частые насечки технологического характера для приклеивания к основе;

– мелкие обломки железных неопределяемых предметов (только в одном случае определен обломок лезвия ножа) и фрагменты медных пластинок;

– пять мелких шаровидных конкреций из ожелезненного песчаника диаметром 2–4 см;

– красноглиняная зооморфная фигурка-фишка с декоративной насечкой высотой 32 мм и диаметром в основании 24 мм;

– два куранта из мраморовидной породы округло-уплощенной формы;

– два каменных оселка из зеленоватого и белого камня;

– сломанное костяное изделие втульчатого типа с зауженным и слегка закругленным концом;

– 12 небольших и мелких осколков тонкостенных стеклянных сосудов; стекло зеленоватого оттенка;

– три железных наконечника стрел черешкового типа с широким ромбическим пером или трех- и четырехгранной головкой;

– железная панцирная пластина с наборными отверстиями;

– железные детали крепежа деревянных конструкций: клепки, гвозди, скобы;

– железное шило;

– железная витая булавка (?) с кольцом на конце;

– вытянутая медная заклепка.

В заполнении ямы хозяйственного назначения главного помещения был найден своеобразный клад железных изделий. Здесь расчищены сильно коррозированные артефакты: крупный серп, парадное стремя, изделие, похожее на защитный щиток для руки (продольные края изделия имеют мелкофестончатое оформление массивной полосой), большой крюк, вилкообразный предмет, короткий гвоздь и игла. Среди этих предметов находился керамический сфероконус. Также из каменного завала стены этого помещения извлечены три целых жернова в виде дисковидных плит диаметром 14–36 см и толщиной 3–5 см, со сквозными отверстиями в центре.

ГЛАВА 4
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДОВ НА КАРАВАННЫХ ПУТЯХ В СРЕДНИЕ ВЕКА

4.1. Основные этапы возникновения и развития городов Устюрта и Мангистау

На городищах Мангистауского региона было получено достаточное количество информации, на основании которой представляется возможным судить о времени возникновения и об этапах развития этих поселений.

Достоверные и наиболее ранние сведения о средневековых поселениях Устюрта и Мангистау появляются в письменных источниках в X в. Археологические материалы не противоречат датировке этих поселений началом или первой половиной X в.

Сведения о городах и селениях Средневековья имеются и в письменных источниках. Свести воедино и проанализировать весь этот большой пласт информации без специального подхода невозможно. Как пишет Закария аль-Казвини (Абу Яхья Закария ибн Мухаммад аль-Казвини), город – «это два города: один посередине другого (их-дахума фи васат ал-ухра). Малый город (ал-мадина ас-сугра) называется шахристан. Он имеет стены и несколько ворот (абваб), а большой город (ал-мадина ал-кубра) окружает малый и тоже имеет стены и ворота. Большой город со всех сторон окружают виноградники и сады, которые, в свою очередь, окружены пашнями» [Буниятов 1986: 101].

Йакут ал-Хамави, разъясняя термин «кахандиз» (кухандиз), пишет: «Основное значение этого термина – цитадель посередине города. Так это слово звучит на языке жителей Хорасана и Мавереннахра, но большинство рассказчиков передают это слово как «кухандиз». Это означает «древняя крепость», где «кухун» – «древний», а «дуз» (даз) – «крепость». Затем этот термин стал обозначать цитадели городов, но не крепости, которые стояли вне городов...» [Буниятов 1986: 103]. В средневековых источниках мы встречаем словосочетания «кухандиз Балха», «кухандиз Самарканда», «кухандиз Бухары», следовательно, кухандиз возвышался в центре малого города (внутреннего), то есть шахристана.

Исследуемые памятники имеют длительную историю существования. Они возникли в X в. и простояли до начала XIV в. Предположительно, в позднее Средневековье территория городищ была обитаемой. Определено несколько культурно-строительных горизонтов Средневековья, в известной степени отражающих политическую и экономическую жизнь городов.

В X в. на территории Хорезмийского государства отмечается бурный рост городов. Этот факт, по мнению С.П. Толстова, «является, несомненно, одним из важных проявлений общего экономического подъема страны, укрепления и расширения экономических связей… городской цивилизации Хорезма с окружающей степью и более отдаленными странами… причем ареной деятельности хорезмийских купцов становятся, во-первых, окружающие степи нынешней Туркмении и Западного Казахстана, и, во-вторых, Поволжье – Хазария и Булгария, а далее – обширный славянский мир Восточной Европы» [Толстов 1948: 182].

В торговле с Восточной Европой мощным центром Хорезмийского государства становится Ургенч, стоявший на разветвлении караванных трасс, идущих через пустынное плато Устюрт на запад,

к Мангистаускому побережью, и на северо-запад, на Среднюю Волгу. Активная внешняя политика Хорезма в Поволжье в это время направлена на доминирование в первую очередь в торговой сфере. Это приводит к появлению в начале X в. в столице Хазарского государства – в городе Итиль крупной хорезмийской колонии. Гибель Хазарии, по мнению М.И. Артамонова, явилась следствием борьбы двух государств и двух религиозных миров – исламского Хорезма и христианской Киевской Руси – за обладание Поволжьем, которое являлось важнейшим перекрестком торговых путей [Артамонов 1962: 434]. После разгрома князем Святославом Итиля, хазарской столицы (968/9 г.), большинство хазар бежали в Дербент и Мангистау. Об этом пишет арабский географ X в. Ибн Хаукаль: «Русы разрушили всё это и разграбили всё, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртасским на реке Итили. Русы овладели этой страной, и жители Итили искали убежища на острове Баб-ал-Абваба и укрепились на нем, а некоторые из них в страхе поселились на острове Сиякух» [Бартольд 1963: 35].

С периодом хорезмско-хазарских отношений связано два интересных исторических свидетельства, возможно, относящихся к истории Устюрта и Мангистау. Аль-Мукаддаси, живший в X в., упоминая о границе хазар со стороны Джурджана (Ургенча), называет город Бинкишлах [Бартольд 1965: 479]. Хорезмийский ученый-энциклопедист аль-Бируни уточняет: «Гора Бинхишлак, порт гузов. Долгота: заманы – 77, минуты – 0. Широта: градусы – 40, минуты – 0. Области и государства: хазары» [Абу Райхан Бируни 1973: 470]. Упоминание аль-Бируни порта гузов подразумевает существование торгового поселения на берегу Каспийского моря, что согласуется со свидетельством аль-Истахри о наличии морского торгового сообщения у берегов Мангистау. Именно с активной внешней политикой Хорезма в Поволжье целесообразно связывать возникновение города на оживленной торговой трассе Кызылкалинского и Кетиккалинского поселений. Наиболее вероятная дата закладки города – вторая половина X в, когда Мангистау, ранее принадлежавший хазарам (аль-Масуди), переходит под власть Хорезма.

Рассматриваемые исследователями два главных направления движения торговых караванов через Устюрт и Мангистау имели своеобразную территориальную специализацию. Мангистауская трасса соединяла Хорезм и Хазарию, Устюртский путь – Хорезм и Булгарию. Неслучайно путешествие Ибн Фадлана с миссионерской деятельностью в Волжскую Булгарию проходило через обширные просторы плато Устюрт, а Гардизи описывает путь, пролегавший вдоль западного побережья Аральского моря через степи в страну печенегов [Астафьев 2010: 147].

Масштабы городища Кызылкала (50 га с фундаментами более тысячи построек) и мощность культурных отложений (более 2,8 м) указывают на характер и значение караванной торговли для средневековой Евразии. Возникнув в период активной внешней политики Ургенча на Волге, этот город явился самым крайним северо-западным форпостом хорезмийской цивилизации. История строительства города на Мангистау начинается с закладки крепости из сырцового кирпича. Следует отметить, что глину добывали непосредственно на месте строительства укрепления. Предположительно, в XI в. глиняные стены крепости были облицованы массивной каменной кладкой (толщиной до 2 м) из крупных природных каменных блоков. В настоящее время просматриваются очертания 13 башен. Каменная кладка была тщательно оштукатурена глиной. Каменные стены делали крепость неприступной. Сейчас их наибольшая высота составляет 4 м.

Вокруг крепостных стен со временем формируется гражданское поселение – рабад с делением на кварталы и отдельные усадьбы. Вопрос с обеспечением водой столь крупного населенного пункта был решен самой природой: помимо родниковой речушки под названием «Акмыш» здесь под слоем материковой глины и песка на глубине 2,5–2,7 м располагается пласт грунтовых вод, подпитываемый родниками хребта Западный Каратау. Предполагается, что горные ущелья Каратау в то время изобиловали тугайной растительностью (тугайниковые леса, кустарниково-древовидные заросли), чем обеспечивался строительный и топливный материал. Каратауские долины снабжены не только подпиткой пресных грунтовых вод, находящихся близко к поверхности, но и почвами, благоприятными для занятия земледелием. На площади всего поселения часто встречаются обломки каменных жерновов. Следовательно, каратауские почвы были пригодны для выращивания и злаковых культур.

Благодаря именно природным условиям в местности Акмыш возникает хорезмийский культурно-ремесленный центр, обильно подпитываемый доходами от транзитных пошлин на товары и торговли с местным кочевым населением. Здесь процветало такое сложное производство, как обработка железа и меди. На южной окраине города сохранились остатки нескольких печей для обжига керамических

изделий. Здешние гончары в большом ассортименте производили хозяйственную, бытовую и столовую посуду, в том числе с глазурованным покрытием. Для строительства социально важных зданий (мечеть, храмы разных религий) и отделки парадных фасадов изготавливались обожженный кирпич-плинфа, фигурный кирпич и кирпичи с резным узором. Не исключается вероятность существования здесь стеклодувной мастерской.

Мы можем предполагать, что основателями Кызылкалы были хорезмийские ремесленники и купцы. При составлении генерального плана городища выявлена разная ориентация жилых построек по сторонам света. Дома с однотипной ориентацией объединяются в квартальные комплексы. Сопоставление исторических свидетельств X–XII вв. о народонаселении хазарского Итиля и хорезмийского Ургенча позволяет высказать мнение, что торговые города были многонациональными центрами.

Вызывает удивление географическое месторасположение города в стороне от известных караванных дорог Мангистауского края. Эти дороги пролегали юго-западнее Кызылкалы и выходили на побережье Тупкараганского полуострова. В некоторой степени об этих трассах мы знаем благодаря исследованиям русских топографов, составивших их подробные описания и карты. Странно, но в наиболее подробном комментарии о дорогах в Хиву полковника Н.П. Ломакина от 1873 г. дорога через Кызылкалу не упоминается [О полуострове Мангышлак…1873: 78].

Только на карте Восточного побережья Каспийского моря, составленной в 1902 г. есаулом Д.И. Ливкиным, указан путь от колодцев Керта (нынешний поселок Шетпе) через развалины крепости (Кызылкала?), колодец Торыш, кочевье Тобекудык, гору Емдикорган на берег залива Кочак. В юго-восточном углу этого залива находилась пристань Старый Мангистау [Д.И. Ливкин 1902: 72–74].

Все указанные топонимы сохранились и поныне с некоторыми изменениями. Изначально нам казалось, что эта схема маршрута и есть решение загадки: город Мангистау располагался на самом удобном и коротком отрезке караванного пути и в самом благоприятном в природном плане месте, обеспеченном в изобилии пресной водой. Следует только отыскать точку, куда именно на морское побережье приходили караваны и где был удобный причал для стоянки торговых судов. Как нельзя лучше все объяснялось картой Д.И. Ливкина: и указание дороги на побережье Кочака, и пристань Старый Мангистау.

Однако береговая линия Каспийского моря весьма нестабильна из-за периодического изменения его уровня. Вопросами колебания Каспия в палеовремени наиболее полно в советское время занимался Институт водных проблем под руководством С.И. Варущенко [Варущенко и др. 1987: 91]. Учеными были разработаны графики периодических подъемов (трансгрессия) и опусканий (регрессия) водного зеркала Каспия за последние два-три миллиона лет. Наиболее точные данные по изменению береговой линии моря относятся к последнему тысячелетию. Эти сведения получены из итогов комплексного изучения письменных сообщений азиатских и европейских географов, путешественников и естествоиспытателей, карт Каспийского моря, а также археологических исследований. Высотные отметки Каспийского моря приводятся в соответствии с нулем Кронштадского футштока и сегодня определяются уровнем –27,2 м. С середины V до начала XIV в. Каспийское море находилось в регрессивном состоянии с минимальной отметкой –34 м.

При подобных низких отметках с очертаниями береговой линии Северного Каспия происходят крупные изменения. Северная часть моря вследствие своей мелководности превращается в сушу с берегом на широте полуострова Бузачи. Река Волга более чем на 100 км увеличивает свою дельту, а река Урал формирует в северо-восточном понижении дна Каспия (Уральская Бороздина) обширное пресноводное озеро, через протоки соединяющееся с морем. Озеро Уральская Бороздина отделялось от моря широким перешейком, который мог достигать в поперечнике 50 км. Исследователи называют этот перешеек мостом, соединявшим в разные исторические периоды полуостров Бузачи и Астраханское побережье. Функционирование «моста» в Средние века началось в VI в., что совпадает с появлением северного ответвления Великого шелкового пути. Однако его фактическое использование для прохождения торговых караванов, вероятнее всего, следует связывать со временем основания в Каратауской долине торгового поселения [Астафьев 2010: 140].

Несмотря на свою значимость, Кызылкала и Кетиккала просуществовали исторически недолго. На поверхности поселения в большом количестве встречаются обломки керамической посуды XII–XIII вв. Археологических материалов, относящихся ко времени активных торговых связей в период Золотой Орды, здесь не найдено. Более всего вероятно, что упадок поселений начался после разгрома Хорезма зимой 1220–1221 гг. войсками Чингисхана, нарушившего устоявшийся порядок вещей в истории народов и торговых отношений Азии и Европы.

В конце XIII в. уровень Каспийского моря поднимается до отметок –25, –26 м, отвоевывая у суши огромные пространства. Сухопутный «мост» через море прекратил свое существование, предопределив судьбу и наших городов. В период правления золотоордынского хана Узбека (1312–1340 гг.) приоритетным караванным сообщением становится дорога через плато Устюрт, обустроенная грандиозными, хорошо укрепленными гостиными дворами – караван-сараями.

4.2. Роль и место Устюрта и Мангистау в средневековой международной торговле

В структурной организации средневековой международной торговли могут быть выделены разные уровни (исторический, экономический, функциональный и т. д.), стороны и плоскости (по направлениям, видам и типам путей – сухопутные, водные, горные трассы и т. д.), составные компоненты (города, дорога, караван-сараи, крепости, колодцы и др.). Особое место среди компонентов занимали города. При всем различии размеров, экономической и политической значимости, объема выполняемых функций существовал определенный статус городов, включенных в трассу как ее необходимая составная часть и выполняющих роль узловых точек, которые обеспечивали в большей или меньшей степени реализацию экономической задачи.

Несмотря на важность и актуальность проблем памятников Устюрта и Мангистау X–XIV вв., до сих пор городская культура региона средневековой эпохи остается недостаточно изученной. Города междуморья археологически разработаны гораздо слабее по сравнению с городами других областей Средней Азии и Поволжья. До сих пор не выяснена локализация некоторых населенных пунктов. Особенно незначительно исследованы города и поселения монгольского времени, неизвестно их количество, поэтому научное понимание городов Арало-Каспийского водораздела того времени имеет большое значение. Серьезному и широкому историко-топографическому анализу не подвергалось ни одно городище региона средневекового периода.

Письменные свидетельства о городах региона в Средние века не ограничиваются работами аль-Мукаддаси и аль-Бируни. Благодаря сообщению историка Садруддина аль-Хусейни известно об осаде крепости Мангистау войсками сельджукского (Сельджукидская (Хорасанская) династия мусульманизированных огузских племен) правителя Алп-Арслана в 1065 г.: «Затем из Кермана он (Алп-Арслан. – М.К.) выехал в Хорасан, далее направился в Манкашлаг, где осадил эмира Кавшута и силой заставил его выйти из (его) крепости, а затем, удовлетворившись (поведением) эмира, вернул его в крепость» [Материалы по истории…1938: 243].

Агаджанов С.Г. полагает, что имя эмира Кавшута – это этнонимическая персонификация тюркского племени кыпшак [Агаджанов 1969: 226–227]. Новые конкретизированные сведения о мангистауской крепости появляются спустя 65 лет в труде Йакута аль-Хамави, писавшем о правлении хорезмшаха Атсыза (1127–1156 гг.) – одного из первых правителей, открыто выступившего против династии Сельджукидов за независимость Хорезмского государства. Йакут аль-Хамави сообщает: «Манкашлаг – неприступная крепость в конце пределов Хорезма, она (находится) между Хорезмом, Саксином и страной русов, около моря, в которое впадает Джейхун, а это море Табаристана. Сказал (стихи) Абу-л-Му›айяд ал-Муваффак ибн Ахмед ал-Мекки ал-Хорезми и написал их своему сыну ал-Му›айяду в то время, как тот уехал в Манкашлаг».

Им также написаны стихи, прославляющие хорезмшаха Атсыза, который завоевал его (Манкашлаг):

Ты послал на страх Манкашлагу молнию

Из острий мечей, поражены ужасом его жители» [Материалы по истории…1938: 239].

После этого похода Атсыз получил упрек от султана Санджара (последний представитель династии Великих Сельджукидов в Хорасане) за пролитие в Манкашлаге крови мусульман [Бартольд 1965: 56].

В результате накопления данных исследований последних лет очень высока вероятность того, что именно Кызылкалинское городище упоминается в исторических источниках под названием «Манкашлаг». Период расцвета города совпадает со временем исторических упоминаний о нем в XI–XII вв., но он был заложен гораздо раньше, скорее всего, еще в начале X в., и строился с соблюдением архитектурных приемов, характерных для Хорезма – наиболее географически близкого к Мангистау центра городской культуры Средней Азии.

Согласно историческим хроникам, территория полуострова, по крайней мере до 965 г., находилась под протекторатом Хазарии. После 977 г. эмир Хорезма ал-Мамун ибн Мухаммед (основатель второй династии Хорезмшахов) с переменным успехом осуществляет попытки продвинуть границы мусульманского мира на территорию Хазарии [Толстов 1948: 244].

Весьма вероятно, что Кызылкала первоначально возникла как крепость-форпост на новых землях,

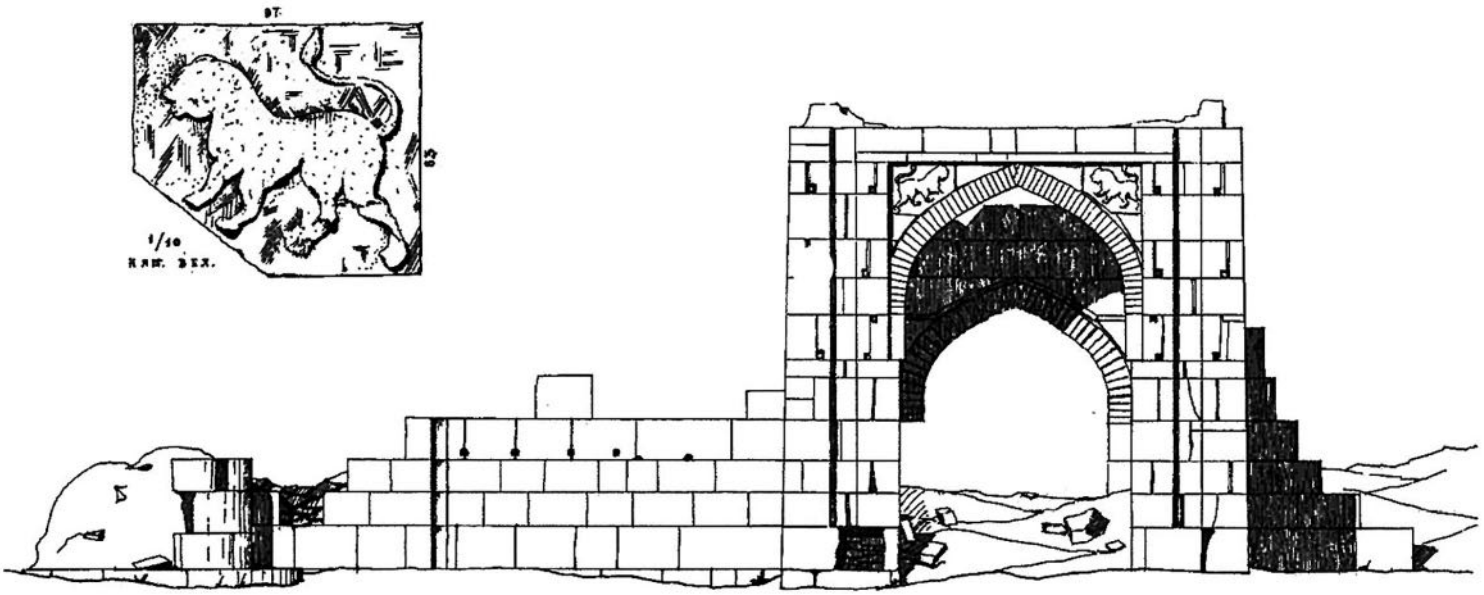
подвластных Хорезму, в период активной внешней политики ургенчского эмира. Согласно взаиморасположению культурных горизонтов, в первую треть времени существования Кызылкалы стены глинобитной крепости были облицованы мощной каменной кладкой. При этом из-под стен до уровня материкового горизонта был удален сформировавшийся культурный слой, в результате чего образовался неглубокий ров с валом. Была перелицована и внутренняя поверхность сырцовых стеновых кладок.

К такой грандиозной реконструкции крепости могли побудить весьма весомые причины, возможно, историко-политического характера. Расчет среднего времени нарастания культурных слоев у крепостной стены показывает, что такое событие с учетом вероятного времени основания крепости и оставления городища могло произойти приблизительно через 70–80 лет после ее закладки, что совпадает с историческим фактом осады крепости Мангышлак войсками Алп-Арслана в 1065 г.

В таком случае крепость могла быть захвачена кыпчаками, после чего к ним перешел контроль над важным транзитным узлом движения торговых караванов, что и побудило сельджукского правителя отправиться с военной экспедицией на дальние границы своего государства. Разрушенная в результате штурма Мангистауская (Мангышлакская) крепость была заново отстроена, но техника строительства была иной, мало известной для Средней Азии, с использованием крупных каменных блоков и панцирной кладки стен. Надстроенная каменная стена могла достигать 7–8 м в высоту при толщине 6 м. Неслучайно Йакут аль-Хамави сообщает о неприступной крепости в конце пределов Хорезма – между Хорезмом, Саксином и страной руссов.

В полевом сезоне 2009 г. был вскрыт участок третьего строительного горизонта, условно отнесенного к первой половине XII в., который характеризуется несколькими важными признаками. Постройки этого горизонта были целенаправленно разрушены и снивелированы в ровную площадку. На этой площадке возведены постройки второго строительного периода. В результате раскопок из стеновых завалов были извлечены два железных наконечника тяжелых стрел мощных дальнобойных луков. Достоверно установлено, что до планировки часть помещений была заброшена и стояла какое-то время без кровли. В двух случаях на площади раскопа установлен факт преднамеренного разрушения обитаемых помещений, где обрушившиеся стены раздавили котел, стоявший на очаге, и хум, частично врытый в пол. Если данный горизонт будет выявлен на обширной площади городища, то его можно будет сопоставить с захватом крепости Мангышлак войсками Атсыза в 1127 г.

Наличие среди находок из культурного слоя городищ предметов импорта свидетельствует о причастности населения к торговле. Через эти города и караван-сараи проходили купеческие караваны, направлявшиеся в города Хазарии, Волжской Булгарии, а позднее, вероятно, и Улуса Джучи.



Белеули. Фасад и абрис портальной стены
(чертеж и обмеры В.И.Пентмана. Архив ИЭА РАН, фонд 142)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе рассмотрены средневековые археологические памятники X–XIV вв., которые известны на полуострове Мангистау, а также в северной и западной частях Устюрта. Они построены более или менее одновременно, а торговая трасса существовала задолго до их строительства.

Указанные памятники до недавнего времени оставались почти совершенно неизученными, исследовались лишь спорадически. Проведенные исследования показали, что в рассматриваемую эпоху Средневековья эти территории заселялись огузами, о чем свидетельствуют письменные источники (аль-Истахри, «Худуд-ал-алем») [Ал-Истахри 1939: 181; Худуд-ал-алем 1939: 210–211]. В VI в. в южных и юго-восточных районах Казахстана шел процесс феодализации. Образовывались и сменяли друг друга раннефеодальные государства тюрков, тюргешей, Караханидов, карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков.

В 552 г. возникает Тюркский каганат, в 603 г. разделившийся на два самостоятельных государства – Восточный и Западный. Западные границы последнего простирались до Черного моря. Мангистау, видимо, номинально входил в состав Западно-Тюркской империи [Краткая энциклопедия… 1985: 174].

В начале VII в. начинается ослабление Западно-Тюркского каганата, и степные племена северных народов Средней Азии начинают добиваться независимости. В IX–XI вв. в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи и примыкавших к нему степях Западного Казахстана сложилось раннефеодальное государство огузских племен. Они (огузы) имели сложные взаимоотношения с Хорезмом – то мирные торгово-экономические, то враждебные, сопровождавшиеся набегами на Хорезм. Источники также полны упоминаний о постоянных военных столкновениях Хорезма с огузами (ал-Бируни и др.) [Абу Рейхан ал-Беруни 1939: 64–69]. Последнее обстоятельство, по-видимому, послужило причиной постройки на Устюрте и полуострове цепи городищ, крепостей и небольших укреплений. Обследованные городища и караван-сараи показывают, что они построены более или менее одновременно, а торговая трасса существовала задолго до их строительства.

В эту эпоху в письменных источниках арабским географом аль-Истахри начинает упоминаться территория Мангистау под персидским названием «Сиях-кух» («Черная гора») (рис. 3): «Я не знаю другого места, в котором живет кто-нибудь, кроме разве Сиях-куха, на нем живет племя их тюрок, они недавно поселились там из-за вражды, которая возникла между ними и гузами (огузами); они удалились от них (огузов) и сделали его себе пристанищем: у них там источники и пастбища» [Материалы по истории… 1938: 239]. Под этими тюрками, видимо, следует понимать печенегов. В конце IX в. печенежские племена потерпели от огузов в союзе с хазарами сокрушительное поражение и вынуждены были уйти с территории Северного Приаралья и Волго-Уральского междуречья в южнорусские степи. Но Северо-Восточный Прикаспий раздваивает потоки кочевого населения на две волны – западную и южную. Это раздвоение племенного массива произошло и с огузскими племенами, вытесненными кыпчаками за

Волгу и на Устюрт и Мангистау, а позже и с кыпчаками. Со временем огузы в письменных источниках начинают фигурировать как туркмены [История Туркменской ССР 1957: 342].

С VI в. через Восточный Прикаспий транзитом начинает функционировать ответвление Великого шелкового пути. Вероятно, в это время в сферу торговых отношений попадает и полуостров Мангистау. Торговые караваны выходили с территории Хорезма через обустроенные колодцы (это занимало один-два дня пути), пересекали пустынные пространства Устюрта и Мангистау и выходили на берег Каспийского моря, где товар перегружали на торговые суда и увозили в Европу. Также грузы переправлялись обратно в Азию. Временами торг производился непосредственно на берегу Каспия. Благодаря развитию караванной торговли на территории Мангистау в X–XI в. возникает небольшой город, известный в письменных источниках под названием «Манкашлаг» [Бартольд 1965: 564].

На рубеже X и XI вв. Огузское государство приходит в упадок, породив династию мусульманизированных Великих Сельджукидов, направивших свои завоевательные походы в Переднюю Азию. Сохранилось интересное упоминание о том, как при сельджукиде Алп-Арслане в 1065 г. против языров (крупное огузское объединение, возникшее в пределах Балхан и Мангистау) и кыпчаков был отправлен военный отряд, и кыпчаки были осаждены в городе Мангышлак [Агаджанов 1969: 227]. Ответный удар Хорезму со стороны тюркоязычных народов Мангистау и восточного побережья Каспия последовал в 1096 г., в период возвышения Хорезма при Атсызе (1127–1156 гг.). Город Манкашлаг был разрушен и уже не возрождался [Материалы по истории… 1938: 179].

Территории Мангистау практически не коснулось татаро-монгольское нашествие. При хане Батые регион северных туркменских племен считался одной из самых далеких и глухих областей Улуса Джучидов, на которую, видимо, мало было претендентов из монгольских феодалов. Отсутствуют сообщения о монгольских походах на эти владения, хотя это не значит, что таких походов не было. С 1312 по 1342 г. Мангистау принадлежал Джаныбеку [Кононов 1958: 74], а затем Туйходжи-оглану, отцу Тохтамыша [Тизенгаузен 1941: 211].

В настоящее время на указанной территории известны остатки нескольких средневековых городищ и пяти караван-сараев. Археологические исследования производились только на городищах Кызылкала и Кетиккала. В 2004–2009 гг. была предпринята попытка сбора информации о Кызылкале с проведением археологических раскопок на небольшом участке. Масштабы городища Кызылкала (70 га с фундаментами более тысячи построек) и мощность культурных отложений (более 2 м) указывают на характер и значение караванной торговли для средневековой Евразии.

Возникнув в период активной внешней политики Ургенча на Волге, этот город явился самым крайним северо-западным форпостом хорезмийской цивилизации. Городище функционировало в пределах конца X – начала XIII в. В рамках работы по выявлению памятников Мангистауского региона удалось определить по топографии расположения укрепленных поселений – городищ и крепостей-убежищ еще одну караванную ветку того времени, ведущую к Тупкараганской бухте, откуда товары отправлялись по морскому пути в нижневолжские города. Ранее были известны две крепости, расположенные в местностях Айгырлы и Тубежик. По предварительным данным, крепости были обитаемы, а у основания скальных уступов, на которых возводились укрепления, располагались небольшие поселения и могильники. Из крепостей в долину вели выложенные камнем тропы. По фрагментам глиняной посуды, найденным здесь, было установлено, что крепости функционировали в период, предшествовавший монгольскому завоеванию, а именно в XI–XII вв. В то же время могла использоваться Тупкараганская бухта как наиболее удобная для торговых судов морская гавань.

В районе современного г. Форт-Шевченко в XI–XIII вв. должно было существовать поселение. В пользу этого довода говорит тот факт, что в 2005 г. на восточной окраине поселка Аташ были найдены остатки сильно перекрытых наносным песком каменных фундаментов построек, а в 10 км севернее поселка Аташ, в районе верхнего Александровского маяка, – остатки небольшого укрепленного поселения на берегу моря. Датировка собранных здесь керамических черепков подтверждает это предположение.

В результате археологической разведки 2008 г. на северной окраине Форта-Шевченко действительно были обнаружены остатки большого средневекового поселения, получившего название «городище Коргантас». Первоначально была выявлена концентрация фрагментов лепной и станковой керамики на западном склоне северного участка скального кряжа Коргантас. Площадь скопления керамики составляет 0,7 га. Здесь же, вдоль грунтовой дороги, проходящей по склону, фиксируется обнажение культурного слоя в виде протяженного участка золистого песка с выходом на современную поверхность обломков костей и фрагментов керамики. Дальнейший осмотр местности

и скального кряжа позволил обнаружить участки фундаментов крепостных стен, окружавших городище площадью около 4,5 га. На основе выявленных остатков фундаментов оборонительных сооружений может быть условно определена цитадель городища. Каменные конструкции крепости были в значительной степени разобраны местными жителями для хозяйственных нужд, вероятнее всего, в советский период.

Благодаря анализу плана Новопетровского укрепления, составленного в 1847 г., известно, что существовала оборонительная линия военного лагеря. Очертания этой крепостной стены ныне практически полностью просматриваются и в большей степени совпадают с распространением керамического материала и каменных конструкций для благоустройства склона кряжа. Но часть сильно разобранных стен, остатки которых зафиксированы у северного и северо-восточного оснований скального останца, где располагалась первая батарея, не указана в плане 1847 г. и, следовательно, является более ранней. Сообщение М.И. Иванина о том, что крепостная стена с башенками была построена на Коргантасе сто лет назад, может быть связано со временем строительства на Тупкараган крепости Святого Петра, заложенной экспедицией А. Бековича-Черкасского в 1716 г. [Иванин 1847: 31–33]. Не исключено, что это укрепление могло также возникнуть на месте более древнего.

Анализ подъемного материала и находок керамики из рекогносцировочного раскопа позволяет утверждать, что городище Коргантас возникло в период не позже начала XIII в. В XIV в. городище, видимо, было уже заброшено, но укрепленная цитадель могла быть использована как верховная ставка местного правителя.

Исследования последних лет позволили открыть на территории Мангистауского региона еще одно практически неизученное направление торгового сообщения. Считалось, что во второй половине XIII – XIV в. существовала только одна торговая артерия в регионе Арало-Каспия – из Ургенча в Сарайчик через плато Устюрт. Однако некоторая часть товаров в Сарай-Бату доставлялась через Мангистау морским путем. Здесь, в удобной Тупкараганской бухте, в XIV в. возникает большое поселение под местным названием «Кетиккала». Ныне поселение стоит на 3 км выше от береговой линии бухты. Но в XIV в. море уходило значительно южнее, позволяя торговым судам причаливать в непосредственной близости от портового города.

На основании проведенных предварительных археологических исследований в центральной части городища достоверно известно, что в Кетиккалу попадали товары из провинций Китая, Ирана, Хорезма и с территории современного Азербайджана. В 2008 г. были произведены небольшие рекогносцировочные раскопки на участке центральной части городища. Важным результатом этих исследований явилась фиксация трех строительных горизонтов, определяющих время начала обустройства и обживания (большие землянки), период активного градостроительства из обработанного камня и этап угасания жизни на поселении (жилища полуземляночного типа). За 600 последних лет остатки построек почти полностью разобрали на камень, теперь их очертания едва заметны. Вдобавок на этом месте устроили свалку строительного мусора. Сегодня на поверхности просматриваются остатки фундаментов около 15 каменных сооружений.

Согласно найденным фрагментам керамики и монетам, время бытования городища Кетиккала соотносится с XIV в. В это же время продолжает существовать и городище Коргантас, сливаясь с Кетиккалой в единый культурно-хозяйственный комплекс. Для верхнего строительного горизонта Кетиккалы характерно появление посуды азербайджанского производства. Можно предположить, что интенсивное внедрение азербайджанского керамического комплекса в хозяйственную жизнь местного прибрежного населения происходит после прерывания активных торговых контактов с Хорезмом, предопределенных разрушительными походами Тимура в 70-х гг. XIV в. Не исключено, что Тупкараганская бухта и поселение при ней обозначены на венецианских географических картах Каталонского атласа (1367 г.) (рис. 4) и братьев Пиццигани (1375 г.) (рис. 5) как Мелмеселах или Мебнемеселаш. Исследователи полагают, что это искаженное название Мангышлака как морской пристани или, что более вероятно, географической области. Географически Кетиккала являлась крайним пунктом маршрута торговых караванов по территории Мангистау.

В 2006 г. обнаружилась еще одна базовая точка прохождения караванов по Мангистаускому региону, позволившая восстановить направленность их движения; тогда на устюртском подъеме Маната были обнаружены остатки постройки с фрагментами глиняной посуды. Археологическое обследование выявило, что это руины небольшого караван-сарая периода Улуса Джучи. Удалось установить, что во второй половине XIII – XIV в. Мангистауская торговая трасса являлась ответвлением Устюртской магистрали и проходила через спуск Маната, зону Каратауских гор с выходом на Тупкараганский полуостров. Этот факт открывает

новую страницу в изучении торговых сношений стран Азии с Золотой Ордой, связанную в том числе и с морской навигацией. На закате существования Улуса Джучи в 1395 г. Устюртская торговая трасса была разрушена войсками Тамерлана. Развал империи Золотой Орды и формирование на ее основе новых кочевых государств сопровождались постоянными боевыми действиями, далеко не способствующими процветанию торговли.

Процессу самоутверждения новых государств сопутствовало налаживание дипломатических отношений с соседями и восстановление торговых сношений. В результате активной внешней политики Ивана Грозного после захвата Казани и Астрахани Московское государство получает контроль над главной транспортной артерией Евразии – Волгой и беспрепятственный выход к Каспийскому морю. В 1558 г. английский дипломат, исследователь Энтони Дженкинсон предпринял путешествие до Юргенчской земли (Ургенч и Бухара) с целью налаживания торговых связей Англии с Индией и Китаем. Из Астрахани Э. Дженкинсон морем добрался до Мангистауского (Мангышлакского) полуострова, где хотел высадиться на Караганских пристанищах.

Описание этого путешествия является первым документально засвидетельствованным фактом каботажного плавания торговых судов у берегов Каспийского моря. Разумеется, эта система навигации практиковалась и в более ранние времена. На территории Мангистау в начале XX в. были известны следующие места рыболовецких ватаг, где и в Средневековье на временные стоянки могли швартоваться торговые суда: Жандауир (мыс Бурыншик на полуострове Бузачи), Тупкараганская бухта, мыс Сыгындык, мыс Акмурын (Меловой), Александрбайский залив (современный поселок Курык), залив Кендерли.

В немногочисленных трудах по истории торговых сношений России с центральноазиатскими государствами ведется дискуссия о месторасположении торговых пристанищ на побережье полуострова Мангистау. В русской деловой переписке XVI–XVII вв. сохранились упоминания нескольких морских пристаней, куда приходили торговые суда и караваны. Это Мангышлакское, Караганское, Сарытасское, Кабаклыцкое, Садеевское и Назаровское пристанища [Чулошников 1932: 272]. Открытие Каракавакского городища как портового поселения и анализ источников позволили точно определить, что это место в позднем Средневековье фигурировало под несколькими именами – как Караганская, Сарытасская и Мангышлакская пристани. Кроме того, было обнаружено еще несколько мест предположительных морских пристаней. В местностях Сыгынды, Шугла, Караган и Борлы на кромках чинковых уступов сохранились обустроенные спуски к морю, прикрываемые с поля стенами крепостей-убежищ. Эти причалы могли функционировать в разное время, так как вещественных доказательств на этот счет пока с этих мест не получено. Их приоритетное использование обусловливается направленностью морского сообщения, политической обстановкой на полуострове, а также годовыми колебаниями уровня Каспийского моря на тот или иной отрезок времени.

Итоги археологических исследований указывают на то, что в Средние века на территории региона находились не только городища, но и масса мелких поселений и усадеб, в том числе укрепленных, располагавшихся не только в прибрежной зоне, но и в глубине материка. Обследованные остатки старых бахчей с некогда чигирным поливом и находки средневековой керамики, а также обнаружение каменных жерновов на городищах Кызылкала, Коргантас и Кеттиккала свидетельствуют о том, что здесь было развито земледелие, являющееся важным признаком оседлости населения.

Таким образом, средневековые поселения и другие памятники Устюрта и Мангистау характеризуются близким расположением к торгово-караванным путям. Города Кызылкала, Коргантас и Кеттиккала размещались на границе с кочевой степью и были тесно связаны с внутренними и международными торговыми путями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ

Астафьев А.Е. Отчет по археологическому исследованию средневекового городища Кызылкала, расположенного на территории Мангистауской области, в 2004 г. / Архив МГИКЗ. КП-551. 82 л.

Астафьев А.Е. Отчет Мангистауского отряда Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК о проведении археологических исследований на территории Мангистауской области в 2005 г. / Архив МГИКЗ. КП-720. 73 л.

Астафьев А.Е. Отчет о проведении археологических исследований на земельных участках, отводимых под новые застройки на территории Форта-Шевченко и поселков Аташ и Баутино в 2008 г. / Архив МГИКЗ. КП-854. 102 л.

Астафьев А.Е. Отчет о проведении археологических исследований средневекового городища Кызылкала (X–XIII вв.) в 2010 г. / Архив МГИКЗ. КП-1147. 93 л.

Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в Мангышлакской области Казахской ССР в 1982 г. / Архив ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК. 58 л.

Галкин Л.Л. Отчет о работе Волго-Уральской экспедиции в Северо-Восточном Прикаспии в 1983 г. / Архив ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК. 49 л.

Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в Мангышлакской области Казахской ССР в 1984 г. / Архив ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК. 56 л.

Галкин Л.Л. Сводный отчет Устюртского (Байтинского) отряда Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА им. А.Х. Маргулана АН КазССР о работах в 1988–1990 гг. (Приложение к отчету 1991 г.) / Архив ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК. 61 л.

Ортағасырлық Қызылқала қалашығындағы археологиялық зерттеулер тақырыбында 2008 жылы Маңғыстау мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайымен жасалған. № 17 (23.06.2008) келісім шарт негізінде жүргізілген қазба жұмыстарының есебі. Басшылары: З. Самашев, М. Елеуов. Алматы, 2008 // Архив МГИКЗ. КП-789. 132 л.

Справочные статьи археологических памятников для Свода Мангистауской области. Актау, 2006. (Материалы не опубликованы // Архив МГИКЗ.)

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Абу Райхан Бируни. Избранные сочинения. Т. 5. Ташкент, 1973. 516 с.

Абу Рейхан ал-Беруни. Извлечение из Китаб ал-асар ал Бакия ан ал-курун ал-хилия / Пер. С. Волина // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Ал-Асир. Извлечения из рукописи А. Туманского. С введением и указателем В.В. Бартольда. Л., 1930. 218 с.

Ал-Белазури. Извлечение из Китаб Футух ал-Булдан / Пер. С. Волина // МИТТ. Т.1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Ал-Идриси // МИТТ. Т.1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Ал-Истахри. Извлечение из Китаб мессалик ал-Мемалик / Пер. С. Волина // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (Кавказских отрядов) 1873 г. // Степь и оазис. СПб., 1899. 314 с.

Ал-Макдиси. Извлечение из Ахсан Ат-такасим фи-марифат Ал-акалим / Пер. С. Волина // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Ал-Масуди. Извлечение из Китаб мурдж аз-Захаб / Пер. С. Волина // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Ал-Якуби. Извлечение из Китаб ал-Булдан / Пер. С. Волина // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Английские путешественники о Московском государстве в XVII в. / Пер. Ю.В. Готье. Л., 1937. 306 с.

Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря / СПб., 1912. 112 с.

Брун Ф. Перипль Каспийскаго моря по картам XIV столетия / Записки Новороссийского университета. Т. 9. Одесса, 1873. 34 с.

Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю / СПб., 1868. 373 с.

Гардизи // Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. Записки Императорской АН. Серия по историко-филологическому отделению. Т. 1. № 4. СПб., 1897. 126 с.

Григорьев, В.В. Описание Хивинского ханства и дорог туда из Сарайчиковой крепости / ЗРГО. Кн. 2. СПб., 1861. С. 112–115.

Григорьев В.В. О путешествии Гербера в Хиву 1732 г. / ИРГО. Т. 6. Отд. 1. СПб., 1870. С. 46–47.

Гродеков Н.И. Хивинский 1873 г. Действие

Кавказских отрядов. СПб., 1883. 345 с.

Д.К. Усть-Урт. Ночлег на Аджибай-Аксауте, в одном переходе от мыса Урга и хивинской крепости Джаныкала, 3 мая 1873 г. // Уральские войсковые ведомости. № 24. Уральск, 1873. С. 11–17.

Дополнительные сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича по Устюрту и Амударье 1885 г. полковника Белявского // Сборник географических, топографических и статических материалов по Азии. Вып. 25. СПб., 1887. С. 180–201.

Ибн-Русте. Извлечение из Китаб ал-алак ан-нафиса / Пер. С.Волина // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Ибн–Хаукал // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Иванин М.И. Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г. // Записки РГО. Кн. 2. СПб., 1847. С. 31–33.

Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Оренбург, 1910. С. 188–190.

Килевейн Е. Отрывок из путешествия в Хиву // ЗРГО. Кн. 1. СПб., 1861. С. 5–11.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та им. А.М. Горького, 1956. 345 с.

Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншкля, 1880. 452 с.

Левшин А. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. СПб., 1832. 272 с.

Лобысевич Ф.И. Взятие Хивы и Хивинская экспедиция 1873 г. // Вестник Европы. Кн. 8. СПб., 1873. С. 47–66.

Миллер Г.Ф. Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства. // Сочинение и переводы, к пользе и увеселению служащие. Т. 2. СПб., 1761. 448 с.

Миллер Г.Ф. О торгах за Каспийское море. // Ежемесячные сочинения. Сентябрь. СПб.: Изд-во Академии наук, 1763. С. 26–29.

Миллер Г.Ф. Описание Каспийского моря. // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб.: Изд-во Академии наук, 1763. С. 72–74.

Мирхонд. Извлечение из 4 тома Раузат ас сафа по Лакновскому изданию 1891 г. и Тегеранскому 1270 г. / Пер. А.А. Ромаскевича // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Небольсин П.И. Очерки торговли России с Средней Азией. // Записки РГО. Т. 10. Кн. 5. СПб., 1855. С. 109–111.

Никитин С.Н. Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральскую область и Устюрт. СПб., 1893. С. 43–86.

О полуострове Мангышлак и путях оттуда в разные пункты Закаспийского края // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. 8. Тифлис, 1873. С. 74–78.

Петрусевич Н.Г. Предварительный отчет об исследованиях Дарьялыка (Узбой) и местности между Аму-Дарьей и Сарыкамышской котловиной. // Известие Кавказского отд. Императорского РГО. Т. 5. Вып. 4. Тифлис, 1878. С. 252–258.

Путешествие русских послов XVI–XVII вв. Репринтное издание 1954. СПб.: Наука, 2008. 232 с.

Радлов Н.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1893. 298 с.

Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. СПб., 1840. 126 с.

Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря / Д.И. Ливкин // Отчет Военному Министру есаула Уральского Казачьего Войска о рыболовстве и тюленьем промысле на восточном побережье Каспийского моря. СПб., 1902. С. 65–74.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч. 2. СПб., 1762. 262 с.

Рябинин А.Н. По Прикаспийским степям и Устюрту от р. Урала до устья Аму-Дарьи (Путевые наблюдения 1859 г.). // Горный журнал. Т. 1. Февраль. СПб., 1905. С. 37–38.

Соколов А. Описи Каспийского моря с начала осьемнадцатого века по настоящее время. // Записки Гидрографического департамента. СПб., 1852. С. 12–19.

Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. 272 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 713 с.

Худуд-ал-алем / Пер. А.А. Ромаскевича // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Якут. Извлечение из Китаб муджам ал-Булдан / Пер. С. Богдановой-Березовской // МИТТ. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. 295 с.

Ажигали С.Е. Очерк этнической истории аридной зоны Арало-Каспия // История и культура Арало-Каспия. Вып. 1. Алматы: Изд-во «Кус жолы», 2001. 226 с.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии. Алматы: Изд-во НИЦ «Гылым», 2002. 652 с.

Алексейчик С.Н. Геологическое строение и нефтеносность полуострова Мангышлак. М., 1941. 126 с.

Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. СПб.: Алтейя, 2000. 378 с

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. 522 с.

Археологическая карта Казахстана // Реестр № 2765. Алма-Ата, 1960. 449 с.

Астафьев А.Е. Новые материалы с полуострова Мангышлак // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 121–129.

Астафьев А.Е. Некоторые аспекты формирования неолитических и энеолитических культур полуострова Мангышлак // Проблемы взаимодействия национальных культур: Тезисы региональной научной конференции. Ч. 2. Астрахань, 1995. С. 58–62.

Астафьев А.Е. Памятники тюлузской культуры на полуострове Мангышлак // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. С. 72–74.

Астафьев А.Е., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак (К вопросу о генезисе хвалынской культуры) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 67–72.

Астафьев А.Е., М.Д. Калменов. Городище Кызылкала // Журнал Кумбез. № 4. Алматы, 2004. С. 17–20.

Астафьев А.Е., М.Д. Калменов. Городище Кызылкала // Материалы республиканской научно-теоретической конференции. Актау, 2004. С. 38–42.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского – моря // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 4. 2019. С. 17–38.

Астафьев А.Е. Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Мангистау. Актау, 2010. 140 с.

Атагаррыев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973. 98 с.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахстана в XIII – первой половине XV в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. III. Ч. 1. Алматы, 2016. 594 с.

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Соч. Т. 3. М.: Наука, 1965. 711 с.

Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии // Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Соч. Т. 2. М.: Наука, 1963. 1020 с.

Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа. Соч. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 1965. 120 с.

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. 3. М.: Наука, 1965. 711 с.

Бартоль, В.В. Мангышлак. Соч. Т. 3. М.: Наука, 1965. 711 с.

Басенов К.Т. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947. 198 с.

Баярунас М.В. К геологии Гурьевского уезда Уральской области // Труды Петроградского общества естествоиспытателей. Т. 38. Вып. 5. Отд. геологии и минералогии. Петроград, 1916. С. 72–74.

Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // Проблемы физической географии. М.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 11–64.

Бижанов Е.Б. Археологические памятники Юго-Восточного Устюрта: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Нукус, 1967. 26 с.

Бижанов Е.Б. Средневековая крепость Давлеткерей на Устюрте // ВК ФАН УзССР. № 4. Нукус, 1965. С. 64–67.

Бижанов Е.Б. Ширван-кала – специализированное поселение горнорабочих-ремесленников // ВКФ АН УзССР. № 3. Нукус, 1966. С. 96–98.

Бижанов Е.Б., Лоховиц В.А. Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // ВКФ АН УзССР. № 2. Нукус, 1969. С. 59–61.

Бижанов Е.Б., Виноградов А.В. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта // ВКФ АН УзССР. № 2. Нукус, 1965. С. 33–36.

Бижанов Е.Б. Юго-восточный Устюрт. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения // ВКФ АН УзССР. № 3. Нукус, 1970. С. 56–60.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. №4. С. 85–109.

Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 73–107.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинов (1097–1231). М., 1986. 247 с.

Буряков Ю.Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978. 179 с.

Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья XШ–XIV вв. // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 40–62.

Вактурская Н.Н., Воробьева М.Г. Хроника Хорезмской экспедиции АН СССР // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 648 с.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XIV вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 308–311.

Вактурская Н.Н. О средневековых городах Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 41–45.

Вактурская Н.Н. Раскопки средневекового города Садвара // Археологические открытия в 1973 г. М., 1974. С. 499–502.

Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 488–501.

Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К. Изменения уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене – голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 27–30.

Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987. 238 с.

Виноградов А.В., Шолохов В.В. Новые неолитические находки с // ВКФ АН УзССР. № 2. Нукус, 1967. С. 11–14.

Вишневская О.А. Археологические разведки на средневековых поселениях Левобережного Хорезма. Поселения золотоордынского времени // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 207 с.

Волков И.В. Новые данные о керамике золотоордынского города // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Грозный, 1991. С. 35–40.

Волков И.В. О происхождении гончарства и распределении керамики в Золотой Орде // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 101–102.

Воронина В.Л. Строительная техника Древнего Хорезма // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 87–105.

Всеобщая история архитектуры. Л., М.: Стройиздат, 1971. Т. 9. 318 с.

Вялов О.С. Колодцы и источники Устюрта // Известия Государственного географического общества. Т. 66. Вып. 1. М., Л., 1934. С. 136–149.

Галкин Л.Л. Куда ушел последний караван? // Наука и жизнь. № 2. М., 1990. С. 93–97.

Галкин Л.Л. Изыскания в Северо-Восточном Прикаспии // Археологические открытия в 1985 г. М., 1987. С. 72–73.

Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. 310 с.

Герасимов И.П. Очерки по физической географии Казахстана. Алма-Ата, 1952. 265 с.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Марджара // СА. 1971. № 1. С. 127–131.

Григорьев А.А. Природные условия Казахстана. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1944. 255 с.

Гульмурадов Д. Возникновение и развитие обмена и торговли в Южном Туркменистане. СА. 1978. № 1. С. 149.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957. 335 с.

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент: Изд-во «Фан», 1978. 326 с.

Ершов С.А. Археология ТССР за 20 лет // Известия Туркменского ФАН СССР. № 2, 3. Ашхабад, 1944. С. 29–31.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. II. Гражданское зодчество: Монография. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

История Туркменской ССР. Т. 1. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1957. 495 с.

История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. 499 с.

Казахстан. Общая физико-географическая характеристика / Отв. ред. А.А. Григорьев. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.

Калменов М.Д. Городище Кызылкала // Материалы республиканской научно-теоретической конференции. Актау, 2004. С. 28–30.

Калменов М.Д. Средневековые караван-сараи, расположенные на территории Мангистау // Материалы Международной научно-теоретической конференции. Актобе, 2007. С. 278–282.

Калменов М.Д. Средневековое городище Кызылкала // Материалы Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур». Нукус, Беруни, 2007. С. 15–16.

Калменов М.Д. Араны – стреловидные планировки Мангистау // Материалы Международной научно-теоретической конференции. Актау, 2007. С. 282–290.

Калменов М.Д. Археологические аспекты планировки и территориальных границ среденевекового городища Кызылкала // Вестник Челябинского гос. университета. № 16. Челябинск, 2012. С 5–7.

Калменов М.Д. Караванный тракт через плато Устюрт // Вопросы истории и археологии ЗКО. № 1. Уральск, 2012. С. 65–70.

Калменов М.Д. Каменные крепости Мангистау // Материалы Международной научно-практической конференции «Тарих толқынындағы Маңғыстау». Актау, 2022. С. 48–58.

Кдырниязов М.Ш. Культурные связи золотоордынских городов Хорезма // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1983. 230 с.

Кдырниязов М.Ш. Городская культура средневекового Хорезма. Самарканд.: Изд-во Института археологии АН РУз, 2007. 98 с.

Кдырниязов М.Ш., Авезматов Б. Средневековые тальковые изделия из собрания Государственного музея искусств ККАССР // ВКФ АН УзССР. № 3. Нукус, 1982. С. 66–69.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. 312 с.

Княжеская Е.А. Судьба одной карты. М., 1964. 181 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX – XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.

Кожа М. О раскопках караван-сарая Белдеули // Сборник материалов Международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014. С. 486–489.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. 123 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 448 с.

Коробкова Г.Ф., Мандельштам А.М. Новые материалы неолитического времени с Мангышлака // КСИА. 1971. № 127. С. 23–27.

Краткая энциклопедия Казахской ССР. Алма-Ата, 1985. 674 с.

Кураева Л.А. Средневековая каменная утварь из Мерва и Нисы // Труды ЮТАКЭ. Т. 14. Ашхабад.: Изд-во «Ылым», 1969. С. 217–227.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв Л., 1976. 178 с.

Мамонов И.Ф. Растительные комплексы Усть-Урта. Ташкент, 1953. 68 с.

Мандельштам А.М. К данным аль-Бируни о Закаспии // Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971. С. 164–165.

Манылов Ю.П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент, 1982. 125 с.

Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сараи Центрального Устюрта // СА. 1982. № 1. С. 175–186.

Масловский А.Н. Изменение объема и состава импортов в керамическом комплексе зол

золотоордынского Азака как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. №2 (168). С. 42–46.

Мелентьев А.Н. Разведка памятников древности Западного Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 195–196.

Мендикулов М.Е. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1987. 159 с.

Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. № 3. С. 118–121.

Немцева Н.Б. Рабат-и Малик // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. Ташкент, 1983. С. 139–141.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1976. С. 123–156.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте // СА. 1990. № 4. С. 196–206.

Ольховский В.С. Святилище Байте 3 в Западном Казахстане // Маргулановские чтения-1990. Ч. 1. М., 1992. С. 67–68.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // РА. № 4. М.,1997. С. 141–155.

Орлов М.А. Памятники садово-паркового искусства средневекового // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 153–173.

Оңғарұлы А., Қожа М., Чотбаев А., Байтлеу Д., Қиясбек Ғ. Ортағасырлық Белдеулі керуен-сарайында атқарылған зерттеу жұмыстарының нәтижелері / // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Путешествия Ибн Баттуты по Шелковому пути: продвигая диалог между культурами». Атырау, 2017. С. 51–54.

Ортағасырлық Қызылқала қалашығындағы археологиялық зерттеулер тақырыбында 2008 жылы Маңғыстау мемлекеттік тарихи-мәдени қорық мұражайымен жасалған. № 17 (23.06.2008) келісім шарт негізінде жүргізілген қазба жұмыстарының есебі. Басшылары: З. Самашев, М. Елеуов. Алматы, 2008 // Архив МГИКЗ. КП-789. 132 л.

Первые русские научные исследования Устюрта. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 325 с.

Петров П.Н., Калменов М.Д. Сведения о находках джучидских монет на городищах Кетик-Кала и Кызыл-Кала в Казахстане // Нумизматика Золотой Орды. № 5. Казань, Кембридж, 2015. С. 22–28.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. 298 с.

Полубояринова М.Д. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С.156–161.

Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973. 261 с.

Праслов Н.Д., Настюков Н.З. Новые материалы по каменному веку Западного чинка Устюрта // КСИА. № 136. М., 1973. С. 36–37.

Пругер Е.Б. Материалы к истории разработок месторождений тальковых пород Хорезма // ВКФ АН УзССР. № 2. Нукус, 1980. С. 50–66.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. 267 с.

Пугаченкова Г.А. Материалы к истории хорезмского зодчества // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 207 с.

Пугаченкова Г.А. Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча // Вестник ТашГУ. Вып. 182. Ташкент, 1960. С. 197–204.

Рельеф Казахстана // Пояснительная записка к геоморфологической карте Казахской ССР масштаба 1:1 500 000. Ч. 2. Алма-Ата, 1991. 280 с.

Сайко Э. В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе, 1966. 189 с.

Самашев З.С., Ольховский В.С. Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996. С. 102–107.

Самашев З.С., Ольховский В.С., Веселовская Е.В, Жетибаев М.Ж. Население Арало-Каспийского региона в сарматскую эпоху // История исследования культуры Казахстана. Алматы, 1997. С. 68–69.

Самашев З.С. Поселение Токсанбай на Устюрте / З.С. Самашев, А.С. Ермолаева, Т.М. Тепловодская // Известия НАН РК. № 1. Алматы, 1999. С. 72–74.

Самашев З.С., Астафьев А.Е. Тупкараганские святилища // Журнал «Кумбез». № 4. Алматы, 2004. С. 13–15.

Самашев З., Кошербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Древние сокровища Устюрта и Мангыстау. Алматы, 2007. 400 с.

Сенигова Т.Н. Находки кремня в западных районах чинка Устюрта и в Приаральских Кызылкумах // ИАН КазССР. Серия археология. Вып. 3. Алма-Ата, 1951. С. 122–124.

Смирнова О.И. Очерки по истории Согда. М., 1970. С. 179.

Справочные статьи археологических памятников для Свода Мангистауской области. Актау, 2006. (Материалы не опубликованы // Архив МГИКЗ.)

Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. № 1. М., 1938. С. 199–208.

Толстов С.П., Орлов М.А. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции // ВАН АН СССР. № 6. М., 1948. С. 545–548.

Толстов С.П. Археологические исследования ХАЭЭ в 1952 г. // ВАН АН СССР. № 8. М., 1953. С. 177–180.

Толстов С.П. Работы ХАЭЭ АН СССР в 1954 г. // СВ. № 6. М., 1956. С. 49–57.

Толстов С.П. ХАЭЭ АН СССР в 1945–1948 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1952. 648 с.

Толстов С.П. ХАЭЭ АН СССР в 1947 г. // ИАН СССР. № 2. М., 1948. С. 182–190.

Толстов С.П. Работы ХАЭЭ АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1958. С. 16–78.

Толстов С.П. Работы ХАЭЭ АН СССР в 1958–1960 гг. / С.П. Толстов, Т.А. Жданко, М.А. Итина // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 273 с.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. № 3. М., 1947. С. 70–102.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 326 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во «Восточная литература», 1962. 322 с.

Физическая география Республики Казахстан: Учебное пособие / К.М. Джаналиева, Т.И. Будникова, Е.Н. Вилесов, К.К. Давлеткалиева, И.И. Давлятшин, М.Ж. Жапбасбаев, А.А. Науменко, В.Н. Уваров / Под общ. ред. д.г.н., проф. К.М. Джаналиевой. Алматы, 1998. С. 177–180.

Формозов А.А. Древности с Устюрта // ВАН КазССР. № 7 (28). Алма-Ата, 1947. С. 51–120.

Формозов А.А. Кельтеминарская культура в западном Казахстане // КСИИМК. № 25. М., 1949. С. 59–61.

Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками // Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин, Рига, 1992. С. 179.

Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986. С. 84–90.

Чулошников А.П. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. I. М., 1932. С. 272–301.

Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 207 с.

Ягодин В.Н. Разведки на Устюрте / В.Н. Ягодин, Е.Б Бижанов, М.М. Мамбетуллаев, Н.Ю. Юсупов // АО в 1972. М., 1973. С. 96–98.

Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 5. Ташкент: Изд-во АН УзССР «Фан», 1991. 203 с.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // ИГАИМК. Т. 5. Вып. 2. Л., 1930. С. 5–28.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИГАИМК. Т. 8. Вып. 2, 3. Л., 1931. С. 91–96.

Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // ЗКВ. Т. 5. Л., 1930. С. 28–30.

Якубовский А.Ю. Хорезм в керамике Сарая // ИГАИМК. Т. VIII. Вып. 2, 3. Л., 1931. С. 90–96.

Astafyev A.E. Offerings of Hunnic-type Artifacts in Stone Enclosures at Altynkazgan, the Eastern Caspian Region // Astafyev A.E., Bogdanov E.S. /Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia 46/2 (2018). P. 68-78.

Hillenbrand, R. Islamic Architecture. New-York, 1994. P. 331-332.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКД – Автореферат кандидатской диссертации
АО – Археологические открытия
АП – Археология Приаралья
ВАН – Вестник Академии наук
ВДИ – Вестник древней истории
ВКФ АН УзССР – Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР
ЗКВ – Записки коллегии востоковедов
ЗРГО – Записки Руского географического общества
ИА – Институт археологии
ИАН – Известия Академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИЯЛ КК ФАН УзССР – Институт истории языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР
ИРГО – Известия Русского географического общества
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГИКЗ – Мангистауский государственный историко-культурный заповедник
МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
РА – Российская археология
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
СВ – Советское востоковедение
СЭ – Советская этнография
ТТашГУ – Труды Ташкентского государственного университета
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

Каталонский атлас 1375 г. (ms. Espagnol 30, panel 6.) Paris. Bibliotheque Nationale

ТҮЙІН

Маңғыстаудың табиғаты жаратылғанынан әдемі күйінде сақталып, таңғажайып жер бедерінің алуан түрлілігімен әрбір жанды таң қалдырады. Үстірт жазығының биік шыңдары беткейлері жердің төменгі бетінен кейбір жерлерде 300 метр дейін биіктейді. Табиғаттың бұл құбылыстары негізінен шөгінді жыныстар мен бор түзілімдерінен тұрғандығынан, сонымен қатар, ғасырлар бойы ұйытқи соққан жел мен жаңбыр, қар сулары адамзат баласына ерте заманнан оларды қайта өңдеп, сәулет өнерінің қайталанбас тамаша туындыларын жасауына мүмкіндік берді.

Маңғыстаудың шөл даласының таза табиғи ландшафттары ежелгі дәуірдің жергілікті тұрғындарының ерекше ой-өрісінің қалыптасуына да өз әсерін тигізді. Олар өздері туралы мол ақпарат беретін бірегей тарихи-мәдени мұра нысандарын қалдырып кетті. Ежелгі заманнан бері түбек тұрғындары оңай өндірілетін және өңделетін табиғи тас – ұлутасты құрылыстар салуда кеңінен қолданды. Алғаш көрген адамға оңай бұзылатындай көрінетін бұл материал өзінің пішіні мен тұрғызылған құрылымдарды ұзақ уақыт бойы сақтай алды. Маңғыстаудың ғимараттары қираған күйінде де ежелгі халықтардың тұрмыс-тіршілігі, мәдениеті, наным-сенімдері және сәулет өнері туралы мол мағлұматтар береді. Түбектің географиялық жағынан басқа өңірлерден оқшауланууы мұндағы ежелгі өндірістік дағдылардың, шаруашылық жүйелері мен алғашқы діни наным-сенімдердің ұзақ уақыт сақталуына ықпал етті. Осы себепті қазіргі кезде Маңғыстаудың көптеген ежелгі ескерткіштері археологиялық ортада теңдесі жоқ туындылар болып есептеледі.

Маңғыстау өңірі – археологиялық және тарихи тұрғыдан зерттелгенімен, өкінішке орай, көптеген мәліметтері ғылыми ортаға әлі толық енгізіліп өзінің лайықты орнын алмаған. Дегенмен, бүгінгі күнде қолымызда бар деректер ежелгі дәуірдегі осы өңір тұрғындарының қалыптасуы мен дамуын және шаруашылық қызмет түрлерінің жалпы көрінісін көз алдымызға қайта елестетуге мүмкіндік беріп отыр.

Ұсынылып отырған монография көлемі жағынан салыстырмалы түрде шағын еңбек. Дегенмен, мұнда нысандардың тек хронологиялық уақыты ғана емес, сонымен қатар археологиялық ескерткіштердің зерттелу дәрежесі де сараланады. X ғасырдың 2-жартысы мен XI ғасырдың 1-жартысына жататын елді мекендер мен керуен сарайларға сипаттама беріледі. Бұл кезең ескерткіштері Орталық Азия мен Еділ бойы деректері ретінде зерттеліп «түркілік» деп белгіленген. Одан кейінгі мәдениетті зерттеушілердің көпшілігі «Алтынордалық» ескерткіштері деп атайды. Ал ұсынылған еңбекте оны автор «Маңғыстау-Үстірт мәдениеті» деп белгілейді, өйткені ескерткіштердегі құрылыс әдісі мен пайдаланған материалы, дәлірек айтсақ, құрылыста ұлутас ежелден осы өңірде ғана кездеседі. Сондықтан оны өз алдына мәдениет деп көрсеткеніміз дұрыс және әділетті болатыны күмән тудырмайды. Іргелес өңірлердің материалдарымен салыстыру әдісі арқылы еңбекте сипатталатын ескерткіштердің дереккөз базасы кеңейтілді. Бұл тұста

Қызылқала ескерткішінің орны бөлек, өйткені ол ең алдымен, Алтын Орда дәуіріне дейінгі провинциялық қала мәдениетінің ең көп зерттелген ескерткіші екені белгілі.

Қызылқала ескерткіші аумағының даму сипатын, оның инфрақұрылымының негізгі құрамдас бөліктерін, сонымен қатар, объектілердің өзін және археологиялық материалды салыстыру әдісі оларға сәйкес мәдени элементтерді қайта құруға мүмкіндік берді.

Мерзімді археологиялық зерттеулер Үстірт пен Маңғыстау өңірінде X–XIV ғасырларда өмір сүрген елді мекендермен бірге басқа да ескерткіштерді ғылыми тұрғыда салыстыра сипаттау үшін бай және алуан түрлі материалдар берді. Археолог мамандардың басты назары жекелеген елді мекендер мен керуен сарайлардың стратиграфиясын, топографиясын және хронологиясын нақтылауға бағытталды. Зерттеудің алдын-ала қорытындылары – ескерткіштердің тарихи хронологиясын нақтылау тұрғысынан егіншілік және қолөнермен айналысатын Хорезм мен көшпенді даланың, сондай-ақ Шығыс Еуропа мемлекеттері арасындағы тұрақты экономикалық байланыстар туралы гипотезаны алға тартуға мүмкіндік берді.

Археологиялық деректерге сүйене отырып, ортағасырлық Хорезм өңірінен солтүстік-батысқа және Каспий теңізінің жағалауына дейінгі сауда жолының екі бағыты болғандығы анықталды. Зерттелген ескерткіштердің көпшілігі X ғасырда пайда болған, бірақ олар XIII–XIV ғасырларда да өз қызметін тоқтатпай әрі қарай жалғастырған.

Өңірдің археологиялық материалдарын талдап, ғылыми айналымға енгізу үшін – біріншіден, барлық археологиялық материалдарды түгелдей толық пайдалану арқылы зерттеліп отырған өңірдің бастапқы деректік негізін барынша кеңейту қажет. Екіншіден, ортағасырлық Үстірт пен Маңғыстаудың ескерткіштерін іргелес аумақтардың нысандарымен салыстырмалы талдау арқылы тың тұжырымдарға келуге болады. Үшіншіден, бар жазбаша деректерді және басқа да санаттағы дереккөздерді (сфрагиялық, эпиграфиялық, нумизматикалық) пайдалана отырып, осы өңірдің тарихи даму үдерісін айқындауға қол жеткізу қажет.

Мұндай тәсілдің көмегімен өлке мәдениетінің жалпы ерекшеліктерін тек іргелес аймақтармен салыстырғанда ғана анықтауға мүмкін туады. Бұл өз кезегінде, қарастырылып отырған хронологиялық шеңберде орта ғасырларда осы өңірдегі тұрғындар өмірінің барлық аспектілерін және тарихи үдерістерді неғұрлым мазмұнды түрде қайта анықтауға мүмкіндік береді.

Еңбектің мақсаты – Үстірт пен Маңғыстау ескерткіштерінің X–XIV ғасырларда ортағасырлық керуен жолдары жүйесіндегі орны мен маңызын анықтау. Бұл өңірдің археологиялық ескерткіштерінің зерттелу тарихын қарастырып, зерттелетін мәселе бойынша дереккөздерге шолу жасау.

Қазақстан мен Орта Азияның ортағасырлық қалаларын археологиялық тұрғыда зерттеуде айтарлықтай жетістіктерге қол жеткізілді: Орта Азияның ірі қалаларының тарихи топографиясы жалпылама түрде зерттелді, олардың даму заңдылықтары да белгіленді. Сонымен қатар, бұл салада әлі де шешімін таппаған мәселелер көп. Ортағасырлық қаланың құрылымын зерттеу бойынша одан әрі жұмыс екі бағытта алып барылуы тиіс. Біріншісі, қала біртұтас организм ретінде қарастырылады. Дегенмен, қала организмі жеке құрамдас бөліктерден тұрады, олардың әрқайсысы қаланың ажырамас бөлігі болып табылады. Демек, қала организмінің маңызды бөліктерін тереңдетіп зерттеу жұмысы өте жемісті болуы мүмкін. Мұндағы мақсат, бір жағынан, археологиялық ескерткіштердің алуан түрін – елді-мекендер, керуен сарайлар, бекіністер және т.б. нысандарға жүйелеу, ал екінші жағынан, негізгі категорияларды талдай отырып, елді мекендердің материалдық мәдениетінің өзіндік ерекшелігін археологиялық жәдігерлер (ең алдымен керамикалық материал, әшекейлер және т.б.) негізінде және Қызылқала археологиялық кешені, басқа да ескерткіштер мысалында Үстірт және Маңғыстау қалаларының негізгі даму кезеңдерін көрсету және олардың ортағасырлық Еуразияның халықаралық сауда-саттық кеңістігіндегі орнын анықтау болып табылады.

Ортағасырлық Маңғыстау-Үстірт мәдениетін зерттеу ерекшеліктерінің бірі – ескерткіштерде жүргізілген қазба жұмыстар мен зерттеулер нәтижелерінің айтарлықтай бөлігі әлі ғылыми айналымға енгізілмегендігі болып табылады. Алдағы уақытта жинақталған материалдық деректерді сараптау үшін басқа да ғылым саласындағы көптеген заманауи әдістерді қолдану бойынша зерделеу жұмыстары күтіп тұр.

Монография географиялық тұрғыдан негізінен – Арал және Каспий теңіздері арасындағы аймақты, яғни Үстірт жазығының (қазақ бөлігі) Солтүстік және Батыс шыңдары бөліктерін және Маңғыстау (Маңғышлақ) түбегін қамтитын қазіргі Қазақстан Республикасының Маңғыстау облысының аумағы аясын қарастырады, сонымен қатар Үстірт жазығының Орталық және Оңтүстік-шығыс бөлігі шыңдары аумағында орналасқан ескерткіштері де еңбекте қамтылған.

Аймақтың физикалық-географиялық жағдайы әртүрлі мәдени және экономикалық типтерде өмір сүрген халықтардың бірге өмір сүруін туғызды. Ұлы Жібек жолының солтүстік тармағы бола отырып, теңіз аралығы Еуразия далалық белдеуінің көшпенді халқы мен Орта Азия оазистерінің отырықшы егіншілері арасындағы этникалық және мәдени байланыстардың маңызды аймағына айналды.

Зерттеудің хронологиялық шеңбері X–XIV ғасырлардағы ескерткіштерді қамтиды. Төменгі хронологиялық шегі саяси картада Селжүк мемлекеті ыдырағаннан кейін орталығы Үргеніште орналасқан қуатты Хорезмшах мемлекетінің пайда болуына байланысты, ол саяси және экономикалық жағынан көршілес аумақтарға өзінің күшті ықпалын тигізді. Хорезмнің ықпалымен өңір тұрғындары негізінен жергілікті көшпенді тайпалармен сауда-саттықпен айналысатын қоныстар пайда болды. Мәселен, уақыт өтуімен кішкене қоныстан инфрақұрылымы дамыған алып шаһарға айналған көне Қызылқала елді мекенінің маңызы зор. Хорезмнің белсенді сыртқы саясаты кезеңінде пайда болған бұл қала Хорезм өркениетінің солтүстік-батыс бағыттағы ең алыс форпосты болды. Бұл елді мекен X ғасырдың соңы – XIII ғасырдың басында өмір сүрген. Зерттеудің жоғарғы хронологиялық шегі Алтын Орда мемлекетінің гүлдену кезеңімен белгіленіп, оның Батыс пен Шығыстың көптеген аймақтарымен сауда-экономикалық байланыстарының күшеюімен анықталады. Дәл осы кезеңде елді мекендер Үстірт жазығының керуен жолдары мен Каспий теңізі арқылы өтетін су жолдарының бойында қарқынды дамыды.

Монографияны жазу барысында Үстірт жазығы мен Маңғыстау түбегіндегі орта ғасырлардағы әртүрлі археологиялық ескерткіштер табиғи-географиялық жағдайларының ерекшеліктері ескеріле отырып жүйеленді, өйткені жер асты суларының деңгейі мен динамикасы осы аумақтағы тіршілік үшін үлкен маңызға ие.

Өлкедегі орта ғасырлардағы тұрғындардың экономикалық өмірінің даму деңгейі мен ерекшеліктерін анықтау мақсатында материалдық мәдениет элементтеріне жан-жақты талдау жасалды. Ортағасырлық елді-мекендерді археологиялық зерттеу барысында шегінділердің стратиграфиялық тазалығы мен есепке алу техникасының мүмкіндігіне қарай, хронологиялық бөлу әдісімен барлық құрылыс горизонттарынан табылған олжалар негізінде өзіндік типологиялық тізімі жасалды, атап айтқанда, керамикалық пішіндердің тізімі нақтыланды.

Қызылқала археологиялық кешені мысалында Үстірт пен Маңғыстаудың ортағасырлық ескерткіштерінің өмір сүру ерекшеліктері зерттелді. Үстірт пен Маңғыстаудың ортағасырлық елді мекендері туралы алғашқы мәліметтер жазба деректерде X ғасырда кездеседі. Археологиялық зерттеулер кезінде табылған материалдар бұл мекендердің X ғасырдың бірінші жартысы мен XIV ғасырдың басына жататынын растайды.

Сонымен қатар, қолымызда бар материалдардың негізінде Үстірт пен Маңғыстаудың ортағасырлық халықаралық саудадағы рөлі мен орнын анықтау әрекеті жасалды. Соңғы жылдардағы зерттеулер өңірдегі ортағасырлық сауда-саттық байланысының белгісіз бір бағытын ашуға мүмкіндік берді. Осы күнге дейін XIII–XIV ғасырдың екінші жартысында тек Үргеніштен Үстірт жазығы арқылы Сарайшыққа дейін сауда артериясы болды деп есептеліп келді. Ал соңғы жылдардағы зерттеулер сауда тауарларының бір бөлігі Маңғыстаудан теңіз арқылы Сарай-Батуға жеткізілгені анықталды. Логистика мен сауда операцияларына қолайлы Түпқараған шығанағында, XIV ғасырда қазіргі атауы Кетікқала деген үлкен елді мекен пайда болады. Ескерткіштің орталық бөлігіндегі археологиялық зерттеулер кезінде Қытай, Иран және Хорезм тауарлар келгендігі анықталды.

Хорезмшахтар тұсында Үстірт арқылы Төменгі Еділ бойына сауда қарым-қатынасын тереңдету мақсатында Каспий теңізінің солтүстік-шығыс жағалауы жолдары бойында керуен сарайлар салынды. Олар бір мезгілде салынған, бірақ сауда жолы олардан бұрын болған. Жүргізілген зерттеулер орта ғасырларда бұл аумақтарды оғыз тайпаларының мекендегенін көрсетті, бұл жазба деректерде дәлелденген (әл-Истахри, «Худуд әл-алем»).

VI ғасырда Қазақстанның оңтүстік және оңтүстік-шығыс аймақтарында мемлекеттік құрылымдар қалыптасу үдерісі басталды. Түріктердің, түргештердің, қарлұқтардың, қарахандардың, оғыздардың, қимақтардың, қыпшақтардың ерте феодалдық мемлекеттері құрылды. 552 жылы Түрік қағанаты пайда болды, алайда, кейбір ішкі және сыртқы жағдайларға байланысты 603 жылға қарай ол екі тәуелсіз мемлекетке - Шығыс және Батысқа бөлінді. Соңғысының батыс шекаралары Қара теңізге дейін созылып, Маңғыстау өңірі, шамамен, номиналды түрде Батыс Түрік империясының құрамында болған.

VII ғасырдың басында Батыс Түрік қағанаты ыдырап, Орта Азияның солтүстік далалық тайпалары

тәуелсіздікке қол жеткізе бастайды. IX–XI ғасырларда Сырдарияның орта және төменгі ағысында, Батыс Қазақстанның іргелес далаларында оғыз тайпаларының ерте феодалдық мемлекеті пайда болды. Олар (оғыздар) Хорезммен күрделі қарым-қатынаста болды. Кейде бейбіт сауда-экономикалық саясат болса, кейде дұшпандыққа, араздыққа жол беріліп, Хорезмге жорық жасалып отырды. Дереккөздерде Хорезм мен оғыздар арасындағы үздіксіз әскери қақтығыстар туралы мәліметтер толы (әл-Беруни және т.б.). Біздің ойымызша, осы соңғы жағдай Үстірт пен Түбекте қоныстар мен бекіністердің тізбегі салынуына себеп болса керек.

Осы кезеңде Маңғыстау өңірі жазба деректерде Сиях-кух (Қара тау) деген парсы атауымен атала бастайды. Араб географы әл-Истахри: «Мен Сиях-кухтай түрік тайпаларынан басқа ешкім тұратын жерді білмеймін, олар гуздармен (оғыздар) екеуінің арасында туындаған дұшпандыққа байланысты жақында осы жерге қоныстанған; олардан (оғыздардан) алыстап осы жерді өздеріне пана етті, онда бұлақтары мен жайылымдары бар» деп жазған. Бұл аталған түркі тайпасы, шамасы, печенегтер деп түсіну керек, өйткені IX ғасырдың аяғында печенег тайпалары хазарлармен одақтас болып оғыздардан жеңіліске ұшырайды. Бұл жеңілістен кейін олар Солтүстік Арал, Еділ-Жайық өңірі мен оңтүстік орыс даласына кетуге мәжбүр болды. Бірақ Солтүстік-шығыс Каспий аймағы көшпелі тайпалардың ағынын екі бағытқа – батыс пен оңтүстікке бөлген. Бұл тайпалық ірі көштің екіге бөліну құбылысы Еділдің арғы жағы мен Үстірт пен Маңғыстауға ығыстырылған оғыз тайпаларында да, кейінірек қыпшақтарда да болды. Уақыт өте келе оғыздар жазба деректерде түрікмен болып атала бастады.

VI ғасырдан бастап Шығыс Каспий өңірі арқылы транзитпен Ұлы Жібек жолының бір тармағы жұмыс жасай бастайды. Осы кезден бастап Маңғыстау түбегі де халықаралық сауда қатынасының негізгі аймағы болғанға ұқсайды. Сауда керуендері Хорезм аумағынан шығып арасы 1-2 күндік болатын құдықтар бойымен жол жүріп, Үстірт пен Маңғыстаудың шөлді жерлерін басып өткен. Олар Каспий теңізінің жағасына жетіп әкелген тауарларын сауда кемелеріне тиеп Еуропаға қарай әкеткен. Сонымен қатар, сауда жүктері кері қарай Азияға да тасымалданған, кейде сауда операциялары тікелей Каспий теңізінің жағасында жүргізілген. Осындай керуен сауда қатынасының дамуы арқасында Маңғыстау жерінде X–XI ғғ. шағын қала пайда болады. Жазба деректерде қала –Манкашлаг деген атпен белгілі.

X және XI ғасырлар тоғысында Оғыз мемлекеті ыдырап олардың орнына мұсылманданған Ұлы селжүқтер әулетінің пайда болуына әкелді. Олар өздерінің жаулап алу жорықтарын Алдыңғы Азия елдеріне бағыттаған. Жазба деректерде 1065 жылы Хорезм шахы Алып-Арслан тұсында йазырлар (Маңғыстау мен Балхан да пайда болған үлкен оғыз тайпаларының бірлестігі) мен қыпшақтарға қарсы әскери жорық жасап, Маңғышлақ қаласында қыпшақтарды қоршауға алынғаны туралы мәлімет кездеседі. 1096 жылы Хорезмшахтар мемлекетінде, Атсыздың тұсында Маңғыстау мен Каспийдің шығыс жағалауындағы түркі тілдес тайпаларының Хорезмге қарсы соғысы болды, бірақ олар жеңіліс тауып Манкашлаг қаласы біржола қирап, қайта тіктелмеді.

Маңғыстау аумағында Шыңғысхан шапқыншылығы іс жүзінде болған жоқ. Бату хан тұсында солтүстік түрікмен тайпаларының аумағы Жошы ұлысының ең шалғай аймақтарының бірі болып саналды. Аймақ шеңберінде моңғол жорықтары туралы мәлімет жоқ, дегенмен бұл жорықтар болған жоқ дегенді білдірмейді. 1312 жылдан 1342 жылға дейін Маңғыстау Жәнібекке, одан кейін Тоқтамыстың әкесі Түйехожа оғланға тиесілі болды.

Қазіргі уақытта өңірде орта ғасырлармен белгіленетін бірнеше қала мен бес керуен сарайдың қалдықтары белгілі. Археологиялық зерттеулер тек Қызылқала мен Кетіккала орындарында жүргізілді. Шағын аумақта археологиялық қазба жұмыстарын жүргізу арқылы Қызылқала туралы мәліметтер жинау әрекеті жасалды. Қызылқала қалашығының аумағы (70 га жерде 1000-нан астам құрылыстың қалдығы) және мәдени қабатының қалыңдығы (2 м-ден астам) ортағасырлық Еуразия үшін керуен саудасының сипаты мен маңыздылығын көрсетеді. Үргеніштің Еділ бойындағы белсенді сыртқы саясаты кезеңінде пайда болған бұл қала Хорезм өркениетінің ең шеткі солтүстік-батыс форпосты болған. Қоныс X ғасырдың соңы – XIII ғасырдың басында өмір сүрген.

Қызылқала елді мекені солтүстіктен оңтүстікке қарай екі арнаның бойымен 700 м, ені 400 м-ге созылып жатыр. Арнаның ені 15-20 м, ал тереңдігі 5 м-ге дейін жетеді. Шығыс арнасы (жергілікті халық «Ақмыш бұлағы» деп атайды) бірнеше суы мол бұлақтармен қамтамасыз етілген. Арнааралық учаскедегі рельеф салыстырмалы түрде тегіс болып, солтүстік-шығыс бағытта биіктеу келіп, горизонтпен айырмашылығы 4 м-ге дейін жетеді. Батыс секторының солтүстік-батыс-оңтүстік-шығыс бағытында 140 м-ге созылған жоталы биіктік барлық рельефтерден жоғары тұр.

Елді мекен айналасында көптеген құрылыстар орналасқан бекініс қалдықтарынан тұрады. Бекіністің биік қабырғасы (биіктігі 3 м-ге дейін) ені 1,9-2 м болатын массивті тастармен тіктелгендігі анық көрінеді. Бекіністің негізгі қақпасы солтүстік-батыс қабырғаның ортаңғы бөлігінде орналасқан. Қақпа құрылымдық жағынан диагональды өтуді қамтамасыз ететін қабырғалардан тұрып, оның үстінде екі мұнара тұрғызылған. Бекініс қабырғаларының сыртқы жағында әр бұрышында мұнараларды көруге болады, олардың барлығы 12 дана. Мұнаралар қабырғалардың беткі қабатының деңгейінен орта есеппен 0,6 м шығыңқы келген, ал ені 5 м дейін.

Қарапайым халық тұратын қоныс кешені (рабат) табылған материалдардың, оның ішінде қыш пен кірпіштің сынықтарынан, жануарлар сүйектері және басқа да табылған заттардан, сондай-ақ ғимараттардың көрініп тұрған іргетастарынан айқындалады. Ғимараттардың іргетастары (түгел немесе қалдықтары) қазіргі жер бетінде қаланған тастармен немесе олардың жинақталуымен салыстырыла анықталады. 2004 жылы жасалған жоспарға сәйкес, қала аумағында 200-ден астам тұрғын үй және тұрмыстық ғимараттардың іргетасы анықталды.

Одан әрі зерттеу нәтижесінде елді мекеннің оңтүстік-шығыс бөлімінде 20-22 ғимарат іргетасының қалдықтары анықталды. Су арнасының қарсы жағалауындағы обалардың батысында тағы 10 шақты құрылыстың іздері анықталды.

Бұрынғы дерек көздерінен тек Айғырлы мен Түбежікте орналасқан екі бекініс белгілі. Зерттеу нәтижелеріне сүйенсек бекіністерде адамдар мекендегені анық, оның түбінде шағын қоныстар мен қорымдар болған. Бекіністерден аңғарға тас төселген соқпақтар апаратын болған. Мұнда табылған қыш ыдыстардың сынықтары негізінде бекіністердің моңғолдарға дейінгі кезеңде, дәлірек айтсақ XI–XII ғасырларда қызмет еткені анықталды.

Дәл осы кезеңде Түпқараған шығанағын сауда кемелері үшін ең қолайлы теңіз айлағы ретінде пайдаланған болуы мүмкін. Қазіргі Форт-Шевченко қаласының аумағында XI–XIII ғғ. қоныс болған деген болжам болды. Бұған дәлел – 2005 жылы Аташ ауылының шығыс шетіндегі аллювиальды құмымен жабылған құрылыстардың тас іргетасының қалдықтары табылғандығы бола алады. Сонымен қатар, Аташ ауылынан солтүстікке қарай 10 шақырым жерде, жоғарғы Александров маягы аумағындағы теңіз жағасындағы шағын елді мекені қалдықтарының табылуы біздің тұжырымымызға қосымша дәлел. Мұнда жиналған керамикалық материалдардың мерзімі осы болжамды растайды.

Ал 2008 жылы жүргізілген археологиялық барлау жұмыстарының нәтижесінде Форт-Шевченконың солтүстік шетінде «Қорғантас қалашығы» деген атаумен ғылыми айналымға енген ортағасырлық ірі қалашық қалдықтары табылды. Бастапқыда Қорғантас тау жотасының солтүстік бөлігінің батыс беткейінде керамика сынықтарының шоғырлануы анықталды. Олардың шашылып жатқан аумағы 0,7 га.

Қалашық аумағы мен жартас жоталарын одан әрі зерттеу жұмыстары шамамен 4,5 га аумақты құрайтын елді мекенді қоршап тұрған бекініс қабырғалары іргетасының бөліктерін табуға мүмкіндік берді. Анықталған бұл қалдықтар негізінде қоныстың цитаделін шартты түрде анықтауға мүмкіншілік туды. Бекіністің тас қабырғаларын кеңестік заманда бұзып алып кеткен деген болжам бар. Бұл жерде орта ғасырларда үлкен қала болғандығын 1847 жылы салынған Новопетров бекінісінің жоспарын талдау негізінде белгілі болды. Онда әскери лагерьдің қорғаныс шебі ертедегі қабырғаны белгілеген.

Бұл ортағасырлық бекініс қабырғасының нобайы қазірде толығымен дерлік көрініп тұр, керамикалық материалдардың таралуымен негізделеді. Бірақ 1-ші батарея орналасқан жартасты төбенің солтүстік және солтүстік-шығыс түбіндегі бұзылған қабырғалардың бір бөлігі 1847 жылғы жоспарда көрсетілмеген.

Иваниннің осыдан жүз жыл бұрын Қорғантаста мұнаралары бар бекініс қабырғасы тұрғызылғаны туралы хабары 1716 жылы А. Бекович-Черкасский экспедициясы кезінде негізін салған Түпқарағандағы Әулие Петр бекінісі болуы мүмкін.

Археологиялық барлау кезінде табылған керамикалық материалдарды талдау Қорғантас қалашығы XIII ғасырдың басында пайда болғанын дәлелдеуге мүмкіндік береді, ал XIV ғасырлар шамасында бекініс қараусыз қалған сияқты, бірақ бекіністі цитадель ретінде жергілікті билеуші пайдаланылуы мүмкін.

Жоғарыда айтқанымыздай, соңғы жылдардағы зерттеулер Маңғыстау өңірінде орта ғасырлардағы сауда байланысының тағы бір бағытын ашуға мүмкіндік берді. XIII–XIV ғасырдың екінші жартысында Сарай-Батуға сауда жүгінің біраз бөлігін теңіз арқылы жеткізілген. Мұнда, сауда операцияларына ыңғайлы

Түпқараған шығанағында, XIV ғ. ғылыми айналымда Кетікқала деп аталатын үлкен елді мекен пайда болады.

Кетікқала қалашығы Форт-Шевченко қаласынан солтүстік-шығысқа қарай 800 м жерде орналасқан. Қазіргі таңда жер бетінде тігінен тұрған тас құрылыстың қалдықтары сақталған. Елді мекен жартас жоталары мен теңіз құмы шөгінділерінен құралған төменгі теңіз террасасында орналасқан.

Қазіргі уақытта елді мекеннің қалдықтары шығанақтың жағалауынан 3 км қашықтықта орналасқан. Бірақ XIV ғасырда теңіз әлдеқайда оңтүстікке қарай жайылып, сауда кемелеріне порт қаласына жақын жерде арқандалып тұруға мүмкіндік берген. Елді мекеннің орталық бөлігінде жүргізілген археологиялық зерттеулер – Қытай, Иран мен Хорезмнен тауарлар келгені белгілі болды. Қалашықтың орталық бөлімінде 2008 жылы шағын барлау қазбалары жүргізілді.

Бұл зерттеулердің маңызды нәтижесі – қалашықта қоныстанудың басталуы мен өңделген тастан белсенді қала құрылысы кезеңінің үш горизонты белгіленіп, елді мекеннің жойылу кезеңі анықталды.

Кейбір дереккөздерге қарағанда елді мекенде тұрғындар алғашқы кезеңде жертөлелерде тұрған, ал уақыт өтуімен олар өңделген тастан және қыш кірпіштен бойтүзеген құрылыстармен ауыстырылған. Мәдени қабаты XIV ғасырмен белгіленетін материалдарға өте бай (керамика, темір, мыс және қола бұйымдары, шыны және теңгелер). Керамикалық материалдар көрші мемлекеттермен сауда байланыстарының болғанын айқындайды. Бұл қала XIV ғасырдың екінші жартысындағы итальяндық карталарда көрсетілген. Өйткені, Түпқараған шығанағы мен оның маңындағы елді мекен Каталондық атластың (1367) және ағайынды Пицзиганилердің (1375) географиялық карталарында Мелмеселах немесе Мебнемеселаш деп көрсетілген болуы мүмкін. Зерттеушілер бұл Маңғыстаудың теңіз порты немесе географиялық аймақ ретіндегі атауы деп есептейді. Географиялық тұрғыдан Кетікқала Маңғыстау аумағы арқылы өтетін сауда керуендерінің ең шеткі нүктесі болды.

Жаңа мемлекеттердің өзін-өзі бекіту үдерісі көршілерімен дипломатиялық қатынас орнату және сауда қатынастарын қалпына келтірумен қатар жүрді. Иван Грозныйдың белсенді сыртқы саясатының нәтижесінде Қазан мен Астраханьды басып алғаннан кейін Мәскеу мемлекеті Еуразияның негізгі көлік артериясы – Еділге және Каспий теңізіне кедергісіз шығуға бақылау орнатты. 1558 жылы ағылшын көпесі Антонио Дженкинсон Англия мен Үндістан және Қытай арасында сауда қатынасын орнату мақсатында Юргеніш жеріне (Үргеніш пен Бұхара) саяхат жасады. Астраханнан ағылшын көпесі теңіз арқылы Маңғыстау (Маңғышлақ) түбегіне жетіп, Қараған қонысын паналағандығы белгілі.

Бұл саяхаттың жазылуы Каспий теңізі жағалауында сауда кемелері жүзуінің алғашқы құжатталған фактісі болып табылады. Әрине, бұл навигациялық жүйе бұрынырақта қолданылған, бірақ бұл алғашқы жазба дерек. XX ғ. басында Маңғыстаудағы балықшылардың мынадай ірі орындары белгілі: Жандәуір (Бозашы түбегіндегі Бурыншық мүйісі), Түпқараған шығанағы, Сығындық мүйісі, Ақмұрын мүйісі (Борлы), Александрбай шығанағы (қазіргі Құрық ауылы) және Кендірлі шығанағы. Бұл орындар орта ғасырларда да сауда кемелері уақытша тұрған болуы мүмкін.

Ресей мен Орталық Азия мемлекеттерінің сауда қатынастарының тарихына арналған бірнеше еңбектерде Маңғыстау түбегінің жағалауында сауда алаңдарының орналасуы туралы сөз болады. XVI–XVII ғасырлардағы орыс іскерлік корреспонденцияларында сауда кемелері мен керуендер келген бірнеше теңіз пирстері туралы мәліметтер бар. Бұлар: Мангышлакское, Караганское, Сарытасское, Кабаклыцкое, Садеевское және Назаровское орындары.

Қарақауақтың порттық қалашық ретінде ашылуы және дереккөздерде бұл жер соңғы орта ғасырларда бірнеше атаумен, яғни Қараған, Сарытас және Маңғышлақ пирстері ретінде пайда болғанын дәл анықтауға мүмкіндік берді. Сонымен қатар, теңіз пирстерінің тағы бірнеше орындары анықталды. Сығынды, Шұғыла, Қараған және Борлы жерлерінде жазықтан теңізге қарай түсетін бекіністер сақталған.

XIII ғасырдың ортасында Үстірт пен Маңғыстау аумақтарындағы Алтын Орда дәуіріндегі аты шулы керуен сарайлары моңғолдарға дейін де болған. Соңғы жылдары жергілікті археологтар Маңғыстау өңірі арқылы керуендер өтетін тағы бір жол тармағын анықтады.

XIII–XIV ғасырдың екінші жартысында Маңғыстау сауда жолы Үстірт магистралінің бір тармағы болып, Маната сілемінен Қаратау таулары аймағы арқылы Түпқараған түбегіне шыққаны белгілі болды. Бұл факт Азия елдері мен Алтын Орда арасындағы сауда қатынастарын зерттеуінде, соның ішінде теңізде сауда байланысының жаңа бетін ашады. Жошы мемлекетінің соңғы кезеңінде 1395 жылы Үстірт сауда жолын Әмір Темір әскерлері қиратты. Алтын Орда империясының

ыдырауы және оның негізінде жаңа мемлекеттердің құрылуы, олардың бір-бірімен соғыс қимылдары себебінен мемлекетаралық сауданың өркендеуін тоқтатты.

Аталған керуен жолдары, олардың бойында орналасқан елді мекен орындары туралы, сонымен қатар, Каспий жағалауындағы елді мекендер туралы жазба деректер X–XI ғасырларға жатады. Алтын Орда дәуірінде олардың бір бөлігі тоқырап, тұрғындары тастап кетті, ал кейбір қиратылған қоныстар қалпына келтіріліп пайдаланылды. XIII ғасырдың басында Үстірт жазығындағы керуен жолдары бойында Құсшы ата, Белдеулі (Көптам), Қосқұдық атты керуен сарайлары пайда болып, уақыт өтуімен олардың мемлекетаралық сауда-саттықта маңызы артқанын көреміз.

Керуен сарайлар Барсакелмес сорының солтүстік жағынан басталып оңтүстік-шығыстан, солтүстік-батысқа қарай Үстірт жазығының соңғы нүктесі Мыңсуалмас шатқалының солтүстік-батыс шетіне дейін тік сызықты тізбектей созылып орналасқан. Бұл жол Алтын Орда кезінде Үстірттегі жалғыз жол болмаған болуы керек. Мысалы, Үргеніштен Маңғыстау түбегіне апаратын батыс жолы хазар заманынан бері белгілі. Ол да керуен сарайлармен жабдықталған, бірақ бұл ғимараттардың барлығы Алтын Ордаға дейінгі кезеңге жатады.

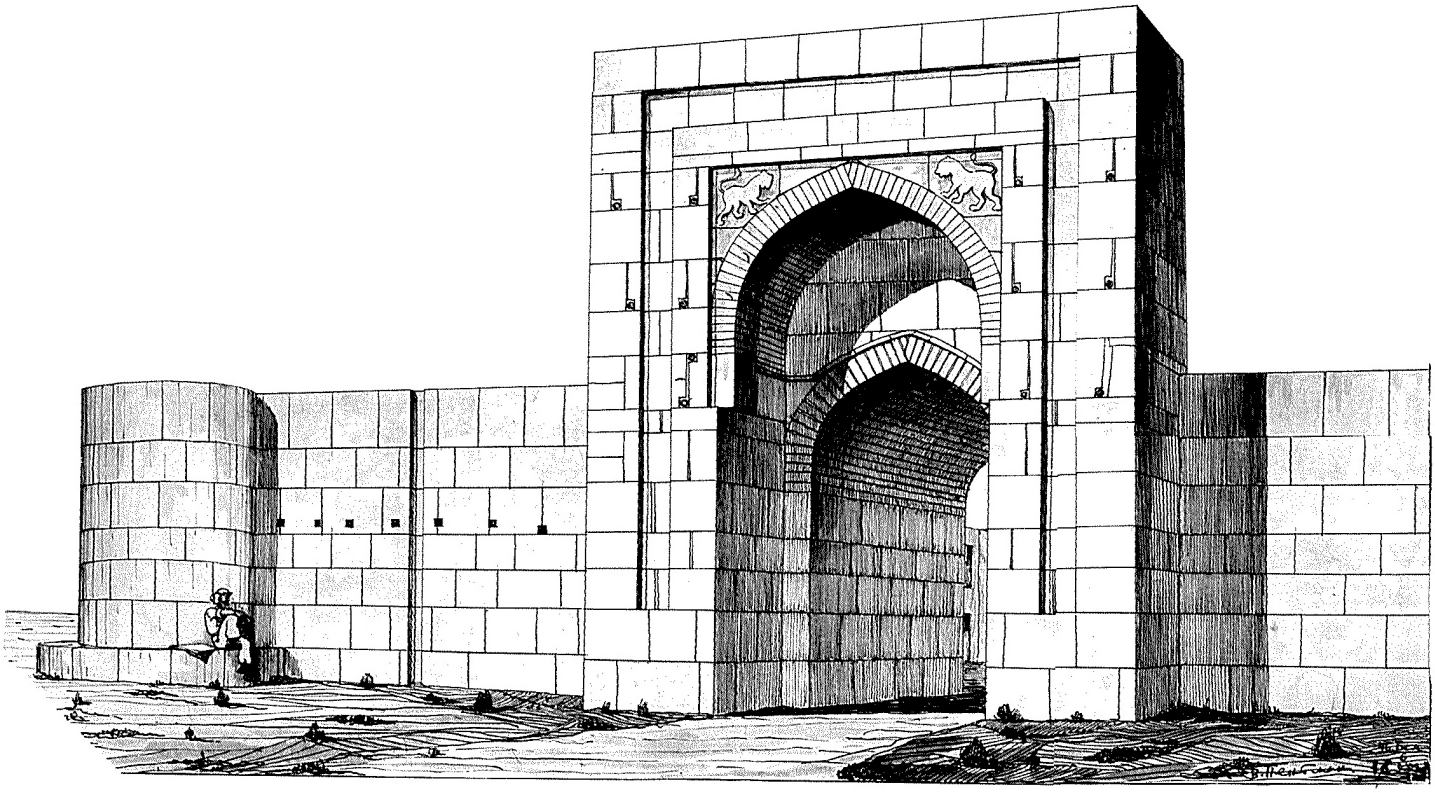
Үстірт пен Маңғыстаудың зерттелген керуен сарайларының барлығы бір планиграфия түріне жататынын көрсетеді. Ғимараттардың барлығы бір аулалы, жоспарда шаршы немесе шаршыға жақын, бір кіреберісі бар болып келеді. Қабырғалар бойындағы бөлмелер бір қатардағы секциялық-галерея ретінде болып салынған.

XIII–XIV ғасырларда керуен сарайлар қарқынды пайдаланған, бұл сол кезеңде аймақтың тұрақты саяси және экономикалық жағдайын көрсетеді. Әмір Темір Еділ бойындағы Алтын Орда астанасын қиратқаннан кейін Үстірт сауда жолы өмірін тоқтатқан деген болжам бар.

Үстірт пен Маңғыстаудың көне сауда жолдары бойындағы қоныстар мен керуен сарайларды анықтау мақсатында бастапқы зерттеу жұмыстары айтарлықтай жүргізілгенімен, болашақта мамандардың алдында кең аумақта қазба жұмыстарын жүргізу арқылы бұл ескерткіштерді жүйелі түрде зерттеуге бағытталған бұдан да ауқымды міндеттер тұр.

Археологиялық зерттеулер көрсеткендей, орта ғасырларда Үстірт жазығы мен Маңғыстауда тек ежелгі қоныстар ғана емес, сонымен қатар шағын қоныстар мен иеліктер де болды. Олар тек теңіз жағалауы аймағында ғана емес, сонымен қатар материктің ішкі аумағында да орналасқан. Бір кездері шығырмен суарылған ескі егістіктің қалдықтары мен ортағасырлық керамикалық бұйымдардың табылуы, сонымен қатар Қызылқала, Қорғантас және Кетікқаланың мәдени қабаттарынан диірмен тастарының табылуы егіншіліктің дамығанын көрсетеді. Өз кезегінде ол отырықшы халықтың маңызды белгісі.

Қорытындылай келе, ұсынылған монографияда Үстірт жазығы мен Маңғыстау түбегінің сауда және керуен жолдарына жақын орналасқан бірқатар ортағасырлық қалалар мен басқа да ескерткіштері сипатталған. Қалалар Ұлы Дала аймағында орналасып, ішкі және халықаралық сауда жолдарымен тығыз байланыста болғандығын көрсетеді.



Белеули. Фасад и абрис портальной стены
(чертеж и обмеры В.И. Пентмана. Архив ИЭА РАН, фонд 142)

SUMMARY

The slopes of the Ustyurt plateau rise above the valleys to a height of up to 300 m. They consist mostly of sedimentary rocks and chalk deposits, so they are easy to process. Wind and water have been honing their skills here for centuries, and today the spurs of Ustyurt are an excellent creation of natural architecture. The pristine natural landscapes of the Mangystau deserts formed a special mindset of the local inhabitants of antiquity, who left numerous and unique objects of historical and cultural heritage as the greatest memory of them.

Since ancient times, natural shell limestone, easily mined and available in processing, has been widely used in the construction of structures on the peninsula. This seemingly easily destructible material can maintain its shape and structure for an extended period. The structures built two or three thousand years ago from other materials have long disappeared without a trace or have changed their appearance beyond recognition. The buildings of Mangystau, even in their destroyed form, carry a lot of information about the life, culture, beliefs and architecture of the ancient population. The geographical isolation of the Mangyshlak peninsula contributed to the long-term preservation of the oldest production skills, economic activity systems and primitive religions here. For this reason, many ancient monuments simply have no analogues in the archaeological environment.

Archaeologically and historically, the Mangystau region has been studied extremely insufficiently. However, the data available today allow us to draw a general picture of the formation and development of peoples and types of management for this territory in prehistoric and historical times.

The presented work is relatively small in volume, which is due to several circumstances, of which it is worth noting not only the chronological framework, but also the degree of study of archaeological sites. It consistently describes the settlements and caravanserais dating from the second half of the 10th - first half of the 11th century AD and recorded on the territory of Central Asia and the Volga region.

Researchers designate the culture of this time as “Turkic”, and most researchers define the next of the presented cultures as “Golden Horde”. In the work, it is marked as “Mangystau-Ustyurt”, since the construction method and material of monuments, more precisely, shell stone, is mined mainly only in this region.

The source base has been expanded by comparing the materials of the studied monuments and adjacent territories. The monument of Kyzylkala is rightly mentioned as such. It is known to be the most studied monument of provincial urban culture, primarily of the pre-Horde period. Comparison of the nature of urban development, the main components of the urban infrastructure, the objects themselves and the archaeological material directly allowed us to reconstruct the corresponding elements – cultures.

Long–term archaeological studies of the monuments of Ustyurt and Mangystau have provided a rich and diverse material for the characterization of settlements and other monuments that existed in the 10th-14th centuries. The main attention of archaeologists was focused on clarifying the stratigraphy, topography and chronology of in-

dividual settlements and caravanserais. The study of the monuments in terms of their historical interpretation, the clarification of their chronology allowed us to put forward a hypothesis about regular economic exchange between agricultural, handicraft Khwarazm, on the one hand, and the nomadic steppe and the states of Eastern Europe, on the other. Based on archaeological sources, two directions of trade routes from Khwarazm have been established – to the northwest and to the Caspian coast. Most of the studied monuments are points for conducting trade operations located on the routes from Khwarazm to southeastern Europe, which arose in the 10th century, but continued to function in the 13th-14th centuries.

It should be noted that the maximum expansion of the source base is necessary: firstly, due to the fullest possible use of all archaeological materials; secondly, due to the comparative analysis of simultaneous monuments of the entire medieval Ustyurt and Mangystau and adjacent territories. Thirdly, by using all existing written evidence and other categories of sources (sphragistic, epigraphic, numismatic) to analyze the process of historical development of this region.

With this approach, it becomes possible for the first time to determine the features of culture, its general and specific features in comparison with other regions of adjacent territories. This makes it possible to reconstruct more reasonably all aspects of the life of the population and the historical processes that took place in this territory in the Middle Ages in the chronological period under consideration.

The purpose of the presented work is to determine the place and significance of the monuments of Ustyurt and Mangystau in the system of medieval caravan routes (10th–14th centuries). The history of the research of archaeological monuments of the studied region was considered and an analysis (review) of sources on the studied problem was carried out.

Significant progress has been made in the archaeological study of the feudal cities of Kazakhstan and Central Asia: the historical topography of the largest Central Asian cities has been studied in general terms, and the patterns of their development have been established. According to the author, there are still many unresolved issues in this area. Further work on the study of the structure of the feudal city can go in two directions. In the first case, the city is considered as a whole. However, the urban organism consists of separate components, and each of them is an integral part of the city. Consequently, an in-depth study of the most important parts of the urban organism can also be very efficient. The aim is, on the one hand, to systematize various types of archaeological monuments – fortified settlements, caravanserais, fortress shelters and other structures, on the other – to monitor the originality of the material culture of settlements by analyzing the main categories of archaeological finds (primarily ceramic material, jewelry, etc.), and by the example of the archaeological complex of the settlement of Kyzylkala and some other monuments highlighting the main stages of the development of the cities of Ustyurt and Mangystau, determining their place in the medieval international trade of Eurasia.

The peculiarity of studying the medieval "Mangystau-Ustyurt" culture is that a significant part of the results of excavations and surveys of various monuments in the territory of its existence has not yet been introduced into scientific circulation. In the future, there is also work to be done on the use of numerous modern natural and scientific methods for the analysis of accumulated evidence. It is hoped that in the coming years there will be major multidimensional generalizations on the studied monuments and the designated stages of the development of the Srostki community.

The monograph geographically covers mainly the region between the Aral and Caspian Seas, that is, the territory of the modern Mangystau region of the Republic of Kazakhstan, which includes parts of the Northern and Western chinks of the Ustyurt plateau (the Kazakh part) and the Mangystau peninsula (Mangyshlak). The work also covers monuments located on the territory of the Central and Southeastern chinks of the Ustyurt plateau.

The physical and geographical position of the region caused the coexistence of peoples representing different cultural and economic types. Being the northern branch of the Great Silk Road, the region between the seas has become an important region of ethnic and cultural contacts of the nomadic population of the Eurasian steppe belt and sedentary farmers of Central Asian oases.

The chronological framework of the study covers the monuments of the 10th-14th centuries. The lower chronological boundary is due to the appearance on the political map after the decline of the Seljukid state of the powerful Khwarazmian state centered in Urgench, which both politically and economically exerted a strong influence on neighboring regions. Under the influence of Khwarazm, settlements appear on the studied territory, whose inhabitants were mainly engaged in trade with local nomadic tribes. For example, the settlement of Kyzylkala, which eventually turned from a sparsely populated settlement into a huge city with a developed infrastructure. Having emerged during the period of active foreign policy of Khwarazm, this city remained the extreme northwestern outpost of the Khwarazm civilization. The settlement functioned within the late 10th – early 13th centuries. The upper chronological

boundary of the study is determined by the heyday of the Golden Horde, the activation of its trade and economic ties with many regions of the West and East. It was during this period that settlements along the land caravan routes of Ustyurt and waterways through the Caspian Sea were developing rapidly.

During the writing of the monograph, various types of archaeological monuments of the Middle Ages were systematized on the territory of the Ustyurt plateau and on the Mangystau peninsula, taking into account the specifics of natural and geographical conditions, since the conditions of occurrence and dynamics of subsurface waters are of great importance for life in this territory. The barren lands of the region, the scarcity of water sources, and the seasonal nature of pastures limited the choice of the form of economic adaptation to a very narrow framework, allowing for nomadic cattle farming with seasonal migrations in the meridional direction, to pastures with ripening grasses and having only strictly seasonal fodder resources.

A comprehensive analysis of the elements of material culture was carried out in order to determine the level of development and specifics of the economic life of the population of the region. In the course of the archaeological study of medieval settlements, in particular, its own typological list of ceramic forms was developed based on finds from all construction horizons, with a chronological breakdown, as far as the stratigraphic purity of the deposits and the method of fixation could allow.

The peculiarities of the functioning of the medieval monuments of Ustyurt and Mangystau were studied on the example of the archaeological complex of the settlement of Kyzylkala. Reliable information about the medieval settlements of Ustyurt and Mangystau appears in written sources in the 10th century. Archaeological materials confirm the dating of these settlements by the first half of the 10th – beginning of the 14th centuries. Several cultural and construction horizons of the Middle Ages have been identified, to a certain extent reflecting the political and economic life of cities.

An attempt is made to determine the role and place of Ustyurt and Mangystau in medieval international trade.

The paper considers medieval archaeological sites of the 10th-14th centuries, which are known on the Mangystau peninsula, as well as in the northern and western parts of Ustyurt. During the reign of the Khwarazmians, caravanserais were built along the route leading through Ustyurt to the Lower Volga region to the northeastern shores of the Caspian Sea. They were built more or less simultaneously, and the trade route existed long before their construction.

The monuments considered until recently remained almost completely unexplored, were studied only sporadically. The conducted studies have shown that in the considered epoch of the Middle Ages, Oghuzes were settled in these territories, as evidenced by written sources (al-Istakhri, “Hudud-al-alem”).

In the 6th century, in the southern and southeastern regions of Kazakhstan there was a process of feudalization. Early feudal states of Turks, Turgesh, Karluks, Karakhanids, Oghuzes, Kimaks, Kipchaks were formed and replaced each other. In 552, the Turkic khaganate appeared, in 603 it was divided into two independent states – Eastern and Western. The western borders of the latter extended to the Black Sea. Mangystau, apparently, was nominally part of the Western Turkic Empire.

At the beginning of the 7th century, the weakening of the Western Turkic Khaganate begins, and the steppe tribes of the northern peoples of Central Asia begin to seek independence. In the 9th-11th centuries, in the basin of the middle and lower reaches of the Syr Darya and the steppes of Western Kazakhstan adjacent to it, an early feudal state of the Oghuz tribes was formed. They (Oghuz) had a complicated relationship with Khwarazm – either peaceful trade and economic, or hostile, accompanied by raids on Khwarazm. The sources (al-Beruni, etc.) are also full of references to the constant military clashes between Khwarazm and the Oghuz. The latter circumstance, apparently, was the reason for the construction of a chain of settlements, fortresses and small fortifications on Ustyurt and the peninsula. During the reign of the Khwarazmians, caravanserais were built along the route leading through Ustyurt to the Lower Volga region, to the northeastern shores of the Caspian Sea. The surveyed settlements and caravanserais show that they were built more or less simultaneously, and the trade route existed long before their construction.

In this era, the territory of Mangystau under the Persian name “Siyakh-kukh” (“Black Mountain”) by the Arab geographer al-Istakhri begins to be mentioned in written sources: “I do not know any other place where anyone lives, except perhaps Siyakh-kukh, their tribe of Turks lives on it, they recently settled there, because of the enmity that arose between them and the Ghuz (Oghuz); they withdrew from them (Oghuz) and made it a haven for themselves: they have springs and pastures there”. These Turks, apparently, should be considered as the Pechenegs. At the end of the 9th century, the Pecheneg tribes suffered a crushing defeat from the Oghuzes in alliance with the Khazars and were forced to withdraw from the territory of the Northern Aral Sea and the Volga-Ural interfluve into the southern Russian steppes. But the northeastern Caspian Sea divides the flows of the nomadic population into waves – western and southern. A similar fragmentation of the trib-

al array occurred with the Oghuz tribes, displaced by the Kipchaks beyond the Volga and to Ustyurt and Mangystau, and later with the Kipchaks. Over time, the Oghuzes in written sources begin to appear as Turkmens.

Since the 6th century, a branch of the Great Silk Road has been operating through the Eastern Caspian Sea in transit. Probably, at this time, the Mangystau Peninsula also falls into the sphere of trade relations. Trade caravans left the territory of Khwarazm through equipped wells, after one or two days they crossed the desert expanses of Ustyurt and Mangystau and went to the shore of the Caspian Sea, where the goods were loaded onto merchant ships and taken to Europe. Cargo was also transported back to Asia. At times, the bargaining was carried out directly on the shore of the Caspian Sea. Thanks to the development of caravan trade on the territory of Mangystau in the 10th-11th centuries, a small town, known in written sources as “Mankashlag”, appears.

At the turn of the 10th and 11th centuries, the Oghuz state is falling into decline, giving rise to a dynasty of Muslimized Great Seljukids who sent their conquests to the Anterior Asia. There is an interesting mention of how, under the Seljukid Alp-Arslan in 1065, a military detachment was sent against the Yazyrs (a large Oghuz association that arose within Balkhan and Mangystau) and the Kipchaks, and the Kipchaks were besieged in the city of Mangyshlak. A retaliatory blow to Khwarazm from the Turkic-speaking peoples of Mangystau and the eastern coast of the Caspian Sea followed in 1096 during the rise of Khwarazm under Atsyz (1127-1156). The city of Mankashlag was destroyed and was not revived.

The territory of Mangystau was practically untouched by the Tatar-Mongol invasion. Under Batu Khan, the territory of the northern Turkmen tribes was considered one of the most remote areas of the Ulus of Jochi, to which, apparently, there were few pretenders from the Mongol feudal lords. There are no reports of Mongol campaigns on the territory of the region, although this does not mean that there were no such campaigns. From 1312 to 1342, Mangystau belonged to Janybek, and then to Tuikhodji-oglan, Tokhtamysh’s father.

Currently, there are remains of several medieval settlements and five caravanserais on the territory of the region. Archaeological research was carried out only on the settlements of Kyzylkala and Ketikkala. An attempt was made to collect information about Kyzylkala with archaeological excavations in a small area. The scale of the Kyzylkala settlement (70 hectares with foundations of more than a thousand buildings) and the thickness of cultural deposits (more than 2 m) indicate the nature and importance of caravan trade for medieval Eurasia. Having arisen during the period of Urgench’s active foreign policy on the Volga, this city was the outermost northwestern outpost of the Khwarazm civilization. The settlement functioned within the late 10th – early 13th centuries. As part of the work to identify the monuments of the Mangystau region, it was possible to determine from the topography of the location of fortified settlements – fortifications and fortresses-shelters another caravan branch of this time, leading to the Tupkaragan Bay, from where goods were sent along the sea route to the Lower Volga cities.

The settlement of Kyzylkala stretches along two riverbed channels from north to south for 700 m with a width of 400 m. The channels in the north merge into a single channel. Their width reaches 15-20 m with a depth of up to 5 m. The eastern channel (local name “Akmysh spring”) has a weak water supply by the waters of several low-power springs. The terrain on the inter-river section is relatively calm, with a slope in the northeast direction and a height difference of up to 4 m. In the western sector, there is a ridge elevation, elongated along the line of the north-west-west - south-east-east by 140 m and prevailing over the terrain.

The settlement consists of the remains of a fortress fortification, surrounded by numerous manors around the perimeter. The reinforcement can be clearly read by the high shaft (height up to 3 m) with visible elements of massive masonry of the shell type with a width of 1.9–2 m. The main gate is located in the middle part of the northwestern wall. Structurally, they are formed by two towers at the ends of the walls with an axial displacement, which determines the diagonal passage. According to the protruding elements of masonry from the outside of the walls of the fortress, corner towers and two intermediate towers with a total of 12 are read. The towers protrude an average of 0.6 m at the surface level of the ramparts with a width of up to 5 m. Civil settlement complex (rabat) is well traced to the places of mass distribution of lifting material – pottery shards, fragments of plinths, fragments of animal bones and other finds, as well as the foundations of buildings. Foundations (in whole or in fragments) are determined by masonry at the level of the day surface or by the accumulation of rubble stone. According to the plan compiled in 2004, more than two hundred foundations of residential and household buildings were found, without taking into account the remnants of foundations that are not readable on the surface of mudbrick buildings. With further study, a new sector of estate-type development was opened in the south-south-eastern sector of the settlement, in the area of the takyred depression. The foundations of 20-22 buildings

were found on this site. About 10 more homesteads have been identified west of the ramparts, on the opposite bank of the riverbed channel.

Previously, two fortresses were known, located in the localities of Aigyrly and Tubezhik. According to preliminary data, the fortresses were inhabited, and at the base of the rocky ledges on which the fortifications were built, there were small settlements and burial grounds. Stone-lined paths led from the fortresses to the valley. According to the fragments of pottery found here, it was established that the fortresses functioned in the period preceding the Mongol conquest, namely in the 11th-12th centuries. At the same time, the Tupkaragan Bay could be used as the most convenient sea harbor for merchant ships.

In the area of the modern city of Fort Shevchenko in the 11th-13th centuries, there should have been a settlement. This argument is supported by the fact that in 2005, on the eastern outskirts of the village of Atash, the remains of stone foundations of buildings heavily covered with alluvial sand were found, and 10 km north of the village of Atash, in the area of the upper Alexandrovsky lighthouse, the remains of a fortified small settlement on the seashore. The dating of the pottery fragments collected here confirms this assumption. As a result of the archaeological survey of 2008 on the northern outskirts of Fort Shevchenko, the remains of a large medieval settlement, called the “Korgantas Settlement”, were indeed discovered. Initially, the concentration of fragments of stucco and easel ceramics on the western slope of the northern section of the Korgantas rock ridge was revealed. The area of accumulation of ceramics is 0.7 hectares. Here, along the dirt road running along the slope, the exposure of the cultural layer is recorded in the form of an extended section of ashy sand with access to the modern surface of bone fragments and fragments of ceramics.

Further inspection of the terrain and the rocky ridge allowed us to find sections of the foundations of the fortress walls surrounding the settlement with an area of about 4.5 hectares. Based on the identified remnants of the foundations of defensive structures, the citadel of the settlement can be conditionally determined. The stone structures of the fortress were thoroughly dismantled by local residents for household needs, most likely during the Soviet period. Based on the analysis of the plan of the Novopetrovsky fortification, drawn up in 1847, it is known that there was a defensive line of a military camp. The outlines of this fortress wall are now almost completely visible and largely coincide with the spread of ceramic material and stone structures for improving the slope of the ridge. However, part of the heavily destroyed walls, the remains of which are recorded at the northern and northeastern bases of the rocky residual, where the first battery was located, is not indicated in the plan of 1847 and, therefore, is of an earlier period. M. Ivanin’s message that the fortress wall with turrets was built on Korgantas a hundred years ago may be related to the time of the construction of the fortress of St. Peter on Tupkaragan, laid by the expedition of A. Bekovich-Cherkassky in 1716. It is possible that this fortification could also have arisen on the site of an older one.

The analysis of the lifting material and the finds of ceramics from the reconnaissance excavation suggests that the settlement of Korgantas arose in the period no later than the beginning of the 13th century. In the 14th century, the settlement, apparently, was already abandoned, but the fortified citadel could be used as the supreme headquarters of the local ruler.

Now the settlement stands 3 km higher from the coastline of the bay. However, in the 14th century, the sea went much further south, allowing merchant ships to dock in the immediate vicinity of the port city. In 2008, small reconnaissance excavations were carried out on the site of the central part of the settlement. An important result of these studies was the fact of fixing three construction horizons that determine the time of the beginning of the arrangement and settlement (large dugouts), the period of active urban planning from treated stone and the stage of extinction of life in the settlement (semi-earth type dwellings).

The settlement of Ketikkala is located 800 m northeast of Fort Shevchenko. On the modern surface, the remains of 14 stone structures are fixed on vertically embedded slabs. The settlement is located on the lower sea terrace, composed of outcrops of rock ridges and marine sand deposits. The area of distribution of the cultural layer on the western side is limited by the low marks of a vast sandy beach flooded during periods of high standing of the Caspian Sea (-22 m).

A reconnaissance excavation was carried out to identify the stratigraphy of the settlement. The settlement originally occupied an area of more than 16 hectares. The boundaries are determined by the area of distribution of fragments of pottery. Currently, a third of its territory in the northern sector is almost completely destroyed by a sand quarry. The central part of the city, about 5 hectares, has been preserved, represented by three or four construction horizons. Here the thickness of cultural deposits is 2 m. The layers are overlain by a sand dune and a layer of modern construction debris. Four power lines have been laid through the settlement. According to preliminary data, large dugouts lie at the base of the settlement, which were later replaced by ground buildings made of treated stone and mud bricks, as well as semi-dugouts with a wall structure made of vertically installed slabs. The cultural layer

is saturated with materials of the 14th century (ceramics, stone, iron, copper and bronze, glass and coins). There are confirmations of the development of agriculture. The ceramic material indicates the existence of trade contacts with Khwarazm, Iran, China, and Azerbaijan. Probably, this city is indicated on Italian maps of the second half of the 14th century. The settlement had the status of a key port city on the eastern coast of the Caspian Sea. No burial grounds have been identified.

Not far from Ketikkala in the northeastern directions, the settlement of Korgantas was revealed. The monument is located on the northeastern tip of Fort Shevchenko, occupies part of the Korgantas rock ridge and its base on the east and west sides. Its area is presumably 15 hectares. The settlement probably consisted of a 4.5-hectare citadel fortified with fortress walls and a trade and craft settlement. The architectural elements of the improvement of the slopes of the ridge (artificial terracing) are fixed. A small burial ground was found. The exact boundaries of the settlement have not been determined: they were blurred during the period of active civil and economic construction in the 60-70s of the last century.

Based on the analysis of lifting material (easel and stucco ceramics), it was established that the settlement was founded in the pre–Mongol period (approximate date - 12th century) by sedentary nomads as a port and trading settlement. The population was engaged in agriculture, processing of copper and iron, production of molded high-quality dishes. Over the past 600 years, the remains of buildings have been almost completely dismantled into stone, now their outlines are barely noticeable. In addition, a dump of construction debris was arranged at this place.

It is possible that the Tupkaragan Bay and the settlement near it are marked on the Venetian geographical maps of the Catalan Atlas (1367) and the Pizzigani brothers (1375) as Melmeselah or Mebnemeselash. Researchers believe that this is a distorted name of Mangyshlak as a marina or, more likely, a geographical area. Geographically, Ketikkala was the extreme point of the route of trade caravans on the territory of Mangystau.

The establishment of diplomatic relations with neighbors and the restoration of trade relations accompanied the process of self-affirmation of new states. As a result of Ivan the Terrible's active foreign policy, after the capture of Kazan and Astrakhan, the Moscow state gains control over the main transport artery of Eurasia – the Volga and unhindered access to the Caspian Sea. In 1558, the English diplomat and merchant Anthony Jenkinson undertook a journey to the Jurgen land (Urgench and Bukhara) in order to establish trade relations between England and India and China. From Astrakhan, A. Jenkinson reached the Mangystau (Mangyshlak) peninsula by sea, where he wanted to land on the Karagan shelters. The description of this voyage is the first documented fact of the coastal navigation of merchant ships off the coast of the Caspian Sea. Of course, this navigation system was practiced in earlier times. On the territory of Mangystau at the beginning of the 20th century, the following places of fishing camps were known, where even in the Middle Ages merchant ships could moor for temporary parking: Zhandauir (Burynshik Cape on the Buzachi Peninsula), Tupkaragan Bay, Sygyndyk Cape, Akmuryn Cape (Melovoy), Alexandrbaysky Bay (modern village of Kuryk), Kenderli Bay.

In the few works on the history of trade relations between Russia and the Central Asian states, there is a discussion about the location of trade havens on the coast of the Mangystau peninsula. In the Russian business correspondence of the 16th-17th centuries, there are mentions of several sea piers where merchant ships and caravans came. These are Mangyshlakskoye, Karaganskoye, Sarytasskoye, Kabaklytskoye, Sadeevskoye and Nazarovskoye shelters. The discovery of the Karakavak settlement as a port settlement and the analysis of sources made it possible to accurately determine that this place in the late Middle Ages appeared under several names – as the Karaganskaya, Sarytasskaya and Mangyshlak wharves. In addition, several other places of alleged sea piers have been identified.

In the localities of Sygyndy, Shugla, Karagan and Borly, equipped descents to the sea have been preserved on the edges of chink ledges, covered from the field by the walls of fortress shelters. These berths could function at different times, since no physical evidence has been received from these places so far. The direction of sea traffic, the political situation on the peninsula, as well as the level of the Caspian Sea determine their priority use for a particular period.

In the territories of Ustyurt and Mangystau, which became part of the Golden Horde in the 13th century, caravanserais existed long before the arrival of the Mongols. In recent years, local archaeologists have discovered another base point for the passage of caravans through the Mangystau region, and this has allowed them to restore the direction of their movement. Then, on the Ustyurt rise of the Manat, the remains of a building with fragments of pottery were recorded. An archaeological survey revealed that these are the remains of a small caravanserai from the period of the Ulus of Jochi. It was established that in the second half of the 13th – 14th centuries, the Mangystau trade route was a branch of the Ustyurt highway and passed through the descent of the Manat, the zone of the Karatau Mountains with access to the Tupkaragan Peninsula. This fact opens a new page in the study of the trade

relations of Asian countries with the Golden Horde, related, among other things, to maritime navigation. At the end of the existence of the Ulus of Jochi in 1395, the Ustyurt trade route was destroyed by Tamerlane's troops. The collapse of the Golden Horde Empire and the formation of new nomadic states on its basis were accompanied by constant hostilities, far from contributing to the prosperity of trade.

Information from written sources about caravan roads, settlements located along these routes, as well as on the Caspian coast, belong to the 10th-11th centuries, when these roads were just beginning to function. As a result of the Mongol conquests, some of them were abandoned, while others were restored and used in the Golden Horde time. At the beginning of the 13th century, equipped caravanserais - Kusshy Ata, Beldeuli (Koptam), Koskudyk appeared on the caravan roads, which are located on the plateau, and this fact testifies to the growth of their importance.

The monuments are located in a chain, almost in a straight line, running from the southeast to the northwest from the northern side of the shore of Barsakelmes to the edge of the chink of the Ustyurt plateau at its northwestern tip of the Mynsualmas gorge. Perhaps this caravan route was not the only one on Ustyurt in the Golden Horde time. The western route leading from Urgench to the Mangystau peninsula has been known at least since Khazar times. It was also equipped with caravanserais, but all known buildings date back to the pre-Mongol period.

The studied caravanserais of Ustyurt and Mangystau indicate that they all belong to the same type of layout. All buildings are single-courtyard buildings, square or close to square in plan, with one entrance. The building is sectional-gallery along four walls in one row, with residential sections and public spaces adjacent to three walls, and a utility gallery to the wall opposite the entrance. In the 13th-14th centuries caravanserais were used especially intensively, which indicates a stable political and economic situation of the region. It is assumed that after Timur conquered the capital of the Golden Horde on the Volga, the Ustyurt trade route was abandoned.

It should be noted that, despite the considerable work on the identification and initial survey of fortified settlements and caravanserais on the ancient trade routes of Ustyurt and Mangystau, specialists face even more ambitious tasks aimed at the systematic study of these monuments by excavating wide areas.

Archaeological research indicates that in the Middle Ages there were not only settlements in the region, but also a lot of small towns and estates, including fortified ones, located not only in the coastal zone, but also in the interior of the mainland. The examined remains of old gourd fields with chigir irrigation and finds of medieval ceramics, as well as the discovery of stone millstones in the settlements of Kyzylkala, Korgantas and Kettikkala indicate that agriculture was developed here, which is an important sign of the settlement of the population.

The monograph describes a number of medieval settlements and other monuments of Ustyurt and Mangystau, which are characterized by their proximity to trade and caravan routes. The cities of Kyzylkala, Korgantas and Kettikkala were also located in a zone with a nomadic steppe and were closely connected with domestic and international trade routes.

Каменная крепостная стена городище Кызылкала

Научное издание

Материалы и исследования по археологии Казахстана
ТОМ XVI

Калменов М. Д.
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ УСТЮРТА И МАНГИСТАУ
НА КАРАВАННЫХ ПУТЯХ
(X–XIV вв.)

Компьютерная верстка и дизайн: А.А. Исмаилова

Редактор А.Б. Айдарбекова

Перевод и редактура текста на английском языке: Я.С. Шаяхметова

ISBN 978-601-7106-80-5

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии
им. А. Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 15.10.2023 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п.л. 10,5. Гарнитура Arial. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Полиграфкомбинат»